

КНИЖНАЯ
ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Почему этот город именно
такой, а не иной, и как он
формирует людей

ПЕТЕРБУРГ: ТАЙНЫ, МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ

Андрей Буровский

Гений места,
рождающий гениев

Annotation

В Петербурге становится реальным то, что в любом другом месте покажется невероятным.

Наводнение – бытовое явление. Северное сияние – почти каждую зиму, как и дождь в новогоднюю ночь. Даже появление привидения не очень удивляет. Петербуржцев скорее удивит отсутствие чудес.

Петербург можно любить или не любить. Но мало кому удавалось игнорировать город. Равнодушных к Петербургу почти нет; лишь единицы смогли прикоснуться к нему и продолжать жить так, словно встречи не произошло.

В Петербурге постоянно что-то происходит в самых разных областях культуры. Он будит воображение, заставляет быстрее думать. Петербург – родина огромного количества инноваций и в России, и во всей Европе. Здесь были созданы теории, определяющие современную научную картину мира, здесь совершены научно-технические открытия и разработки, лежащие в основе современной цивилизации. Все это стало возможным благодаря уникальным качествам Петербурга как месторазвития – единства социально-исторической среды и занимаемой ею территории.

Эта книга – о том, почему наш город именно такой, а не иной, и как он формирует людей.

-
- [Андрей Буровский](#)
    - [Введение](#)
    - [I](#)
      - [Глава 1. Мир, который построила наука](#)
      - [Глава 2. Петербург – странности судьбы](#)
      - [Глава 3. Непостижимое место Петербург](#)
      - [Глава 4. Город на стыках](#)

- [Глава 5. Город – патогенная зона](#)
- [Глава 6. Город как урочище](#)
- [Глава 7. Контрастность, мозаичность, вариативность](#)
- [Глава 8. Месторазвитие](#)
- [Глава 9. Урочища в урочище](#)
- [Глава 10. Город-эпоха](#)
- [Глава 11. Каково жить в Петербурге](#)
- [II](#)
  - [Глава 1. Торжество наудотехнического прогресса](#)
  - [Глава 2. Удивительные приключения ландшафтных парков](#)
  - [Глава 3. Академия и академики](#)
  - [Глава 4. Передовой город России](#)
  - [Глава 5. Новый облик Петербурга – созревший плод прогресса](#)
- [III](#)
  - [Глава 1. Эрмитаж](#)
  - [Глава 2. Университет](#)
  - [Глава 3. Академия и естественные науки](#)
  - [Глава 4. Система учреждений науки](#)
  - [Глава 5. Лесной институт](#)
  - [Послесловие, или новые районы Петербурга как новые урочища культуры](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
  - [56](#)
  - [57](#)
  - [58](#)
  - [59](#)
  - [60](#)
  - [61](#)
  - [62](#)
  - [63](#)
  - [64](#)
  - [65](#)
  - [66](#)
  - [67](#)
  - [68](#)
  - [69](#)
  - [70](#)
  - [71](#)
-

**Андрей Буровский
Гений места, рождающий
гениев. Петербург как
социоприродный феномен**

Введение

*Nullus enim locus sine genio est
(Ибо нет места без гения).*

Сервий Мавр, римский грамматик

Каждый город – единственный в своем роде, удивительный и неповторимый. Каждый город любят хотя бы некоторые из его жителей. Каждый город хоть чем-то интересен.

Но Петербург удивительнее, неповторимее, загадочнее всех известных мне городов. Он вызывает больше всего различных эмоций – и у его обитателей, и у всех, кто хотя бы ненадолго посетил город.

Не в величине города дело. В Москве, Париже и Лондоне жителей заметно больше. Вена, Мюнхен, Мадрид, Берлин и Рим лишь ненамного меньше Петербурга. Все это города яркие и интересные, сыгравшие в истории яркие роли.

Но как бы оригинальны и прекрасны ни были Париж, Лондон и Берлин, даже эти прекрасные исторические города, столицы великих народов и империй, похожи друг на друга в большей степени, чем каждый из них – на Петербург.

Петербург – совершенно исключительное явление во всей русской, а может быть – и в мировой истории. Петербург уже чисто зрительно, по самым первым впечатлениям, необыкновенен, удивителен и отличен ото всех других городов.

Петербургцы сильнее отличаются от жителей остальной России, чем жители любых других городов и местностей. Житель Кубани скорее договорится с обитателем Восточной Сибири, чем оба они поймут петербуржца.

Особенности города проявляются решительно во всем. В том числе и в уровне общей культуры жителей Петербурга. Это город, в котором пролетарий пришел делать ремонт, – и тут же завис около книжной полки. Один сибирский ученый-историк в Петербурге от избытка эмоций свалился с инфарктом: вырвавшегося от жены, его заворожила девушка, выражаясь словами президента, «с пониженной социальной ответственностью», а она, оказывается, читала его сочинения. Стала цитировать его рассказы об истории Сибири и попросила автограф...

Москвичей уже не удивляет, что в Петербурге шоферы такси могут спорить о сочинениях Сартра или обсуждать французских импрессионистов. Провинциалы еще удивляются, но часто срabатывает репутация Петербурга как во всем удивительного города: самые невероятные происшествия, случающиеся здесь, кажутся естественными.

В массовом сознании Петербург – город в первую очередь гуманитарной культуры. Вполне заслуженно, но за этой репутацией теряется: Петербург был и остается российским, а во многом и европейским, и мировым лидером во множестве научных направлений.

Проводить сколь-нибудь подробный анализ, даже просто перечислять не получится – потребуется целая библиотека. Намечу максимально коротко некий обобщающий список того, что произошло в Петербурге.

Становление российской науки, отличной от европейской по духу и по методологии:

- привлечение европейских (в основном немецких) ученых в Россию и учение у них;
- освоение пришедшего из Европы аналитического естествознания;

- становление традиции «синтезного» естествознания, более соответствующей российскому культурному наследию;
- возникновение русской школы физиологии и неврологии;
- становление русской школы психологии, комплексно изучающей человека на основе физиологии;
- идея комплексного изучения физиологии и психологии человека.

Достижения в фундаментальной науке:

- картина нестационарной расширяющейся Вселенной А. А. Фридмана.
- теория галактик В. Я. Струве и барона фон дер Палена;
- основы звездной астрономии, заложенные В. Я. Струве, первым директором Пулковской обсерватории (династия Струве дала миру нескольких ученых, в том числе одного из крупнейших астрофизиков XX века, Отто Струве. Грустно, что отпрыски этой семья вынуждены были реализовывать себя не в России, а за океаном);
  - периодическая система элементов;
  - теория биосферы;
  - теория почвы как особого природного тела;
  - теория центров происхождения культурных растений;
  - теория высшей нервной деятельности.

Организация науки и ее связь с практикой:

- идея систематического изучения природных ресурсов России;

- идея преобразования природы и повышения продуктивности сельского и лесного хозяйства;
- идея облесения степи;
- идея электрификации России;
- разработка системы парового центрального отопления.

Достижения в технических науках:

- радио А. С. Попова;
- электромагнитный телеграф П. Л. Шиллинга;
- подводная лодка, миноносец и ледокол адмирала С. О. Макарова;
- металлография Д. К. Чернова;
- многомоторный самолет, пассажирская авиация, вертолет И. И. Сикорского;
- метод гальванопластики, первый в истории электродвигатель, первый телеграфный аппарат Б. С. Якоби.

Развитие гуманитарных наук:

В гуманитарных науках часто важнее не само открытие, а скорее личность ученого и предлагаемые им обобщения. Так вот, в Петербурге работали великие историки Карамзин, Соловьев и Ключевский. Здесь была создана история Римской империи, в которой показано почти полное отсутствие рабства. Ее автор, М. И. Ростовцев, – один из крупнейших археологов и историков XX столетия (в 1928–1937 годах он руководил раскопками античного города Дура-Европос в Сирии. Эти открытия совершили революцию в представлениях о древней истории).

Во второй половине XIX в. сформировалась национальная российская научная школа военного востоковедения, одна из сильнейших наряду с ведущими в мире английской, голландской, французской и немецкой школами. А уже при советской власти:

- Ю. В. Кнорозовым была дешифрована иероглифическая письменность майя;
- родилась теория этногенеза Л. Н. Гумилева;
- возникла теория «эшелонированной археологии» Л. Н. Клейна;
- возродилась школа востоковедов, школа археологии палеолита, школа славяно-русской археологии;
- возникла школа кавказоведии И. А. Орбели.

Вообще, мимо Петербурга не проходит ни одна значительная научная и научно-техническая новация, сколь-нибудь значительная в масштабах России и даже всей Европы.

В лучших примерах некоторые иные города разделяют с СанктПетербургом почетное место «первых», в которых нечто началось. Например, в Харькове одновременно с Петербургом появились аэродинамические трубы.

В любой области местные уроженцы, потомственные петербуржцы, играют большую роль, а очень часто именно им принадлежит ведущая роль – притом, что «конкурентами» – то является все население Российской империи.

Можно сформулировать несколько вытекающих из этого то ли принципов, то ли правил:

1. Научные открытия и обобщения, наиболее значимые в масштабе Российской империи и СССР, почти всегда возникают именно в Санкт-Петербурге.

2. Если из России исходят открытия и инновации европейского и мирового уровня, как правило, они тоже родом из Санкт-Петербурга.

3. Инновации, которые возникли в России вне Петербурга, становятся общероссийскими или общеевропейскими только после развития этого явления в Санкт-Петербурге.

Классика научной жизни СССР – противостояние московской и петербургской школ во всех решительно направлениях науки. Причем очень часто московская школа, которая оплачивалась намного лучше, которой благоволило начальство, фактически становилась школой всесоюзного масштаба.

Все своей «советской» судьбой Санкт-Петербург показал: он в состоянии существовать и проявлять свои удивительные качества, не будучи центром колоссальной империи. Россия очевидно потеряла от того, что город перестал быть ее столицей. А вот потерял ли Петербург? Не очень, потому что Петербург и сегодня играет особую роль в научной и культурной жизни России.

Возникает естественный вопрос: почему? И еще один, не менее естественный: коль скоро мы говорим о науке, неплохо бы разобраться – что же такое наука?

Первая часть книги по неизбежности посвящена раскрытию вопросов, что, собственно, развивается, и где. Определившись с этим, займемся описанием людей и мест, составляющих сам феномен.

I

**ПЕТЕРБУРГ КАК
МЕСТОРАЗВИТИЕ**

Глава 1. Мир, который построила наука

Что такое наука? Я использую очень простое определение науки, которое наверняка вызовет возмущение части уважаемых коллег. Итак: наука – это система рационального, верифицированного, объективированного, в какой-то мере систематизированного знания. Наука – это форма сознания, имманентно присущая человеку. Не только сапиенсу, а всему роду homo. Возможно, всем высшим животным.

Место науки в культуре

Наука развивается по мере того, как рациональное знание становится все более важным для решения общественных, производственных, военных и политических задач. Во всех цивилизациях и регионах Земли всю их историю поступательно растет ее статус и статус отдельного носителя знания (ученого). В Европе это проявляется в том, что рационализируются формы философского знания. Звучат требования поставить эксперимент на место авторитета (тезис «нельзя же верить Аристотелю только потому, что он Аристотель, если он врет»). Венчает дело философская система Фрэнсиса Бэкона, заложившего основы того, что сейчас называют «методологией науки».

В Новое время (обычно называют эпоху между 1648 и 1914 гг.) наука, став основой научно-технического прогресса, сделалась неофициальной религией Запада. Пресловутая «борьба науки с религией» и беснования Просветителей на том и основаны.

Культ науки хорошо иллюстрируется тем, что в петербургском университете, на Менделеевской линии, в XIX веке построили специальный зал для публичных лекций. Он всегда был забит. Там раз или два раза в год выступали Бутлеров, Менделеев, Докучаев. Это не следствие «особой духовности России»? Действие «Затерянного мира» началось с публичной лекции профессоров Челленджера и Саммерли об эволюционной теории. На этой лекции присутствовали лорды, предприниматели, прочие столпы общества. Сегодня много людей придет? И в России, и в Британии?

Я был на публичных лекциях Академии наук в конце 80-х годов прошлого века. Туда приходили 2-3 старушки. А вот на митинги сбегались тысячные толпы. Лев Гумилев эти толпы с любопытством изучал... Но его на улицах не узнавали. А вот Новодворскую! В XIX веке на лекции ученых, порой посвященные довольно узким темам, приходила верхушка образованного петербургского общества.

В мире, который построила наука

В эпоху Просвещения и весь петербургский период силу рационального знания весомо демонстрировали океанские суда, инструменты, могучие машины. Европейцы плыли через океаны, проверяя свое местоположение по небесным светилам, с помощью подзорной трубы и астролэбии.

В XIX веке загудели паровозы и пароходы, наука дала новые небывалые возможности. Власть человека над миром была основана на рациональном знании о мире. Чтобы добиться этой власти, надо было позволить науке отвергать традиции, низвергать авторитеты, ставить эксперименты, создавать гипотезы и теории.

Сложился культ науки, он стал почти неофициальной религией Запада.

Петр I объявил вход в Кунсткамеру бесплатным. Одно время посетителям даже подавали рюмку водки и пирожок на закуску! От этой практики пришлось вскоре отказаться из-за наплыва любознательных, но каков пафос приобщения людей к просвещению!

...А потом культ науки сошел на нет. Прекратился. Причин этого упадка три, и они очень просты. Классическая наука сделала, что могла: заложила основы прогресса. Классическая наука начала превращаться в некую новую религию. Наука стала общественным институтом со штатом хорошо оплачиваемых жрецов.

Привычная основа прогресса

Уже давно, в начале XIX века, с появлением институтов и выпуском узких специалистов, появилась технонаука: специалисты в областях, которые невозможны без науки фундаментальной.

Да, наука создала современную медицину, архитектуру, строительство, производство... по сути дела всего. Но сегодня технонаука вполне может существовать и развиваться без фундаментальной науки. Она все более становится формой интеллектоемкого производства, родом деятельности крупных компаний. Скорее предпринимательством, чем теоретизированием. Но одновременно наука пытается объяснить мир. Одновременно наука – это идеология.

От науки - к идеологии

Преобразование науки в идеологию начали французские Просветители XVIII века, создавая «Энциклопедию», которая вовсе не была замыслена как справочник, подобный нынешним.

Термин «энциклопедия» возник в древнем мире. «Энциклос пайдейя» означало по-гречески «круг знаний». Этим «кругом» должен был овладеть всякий. Содержание «круга» составляли семь свободных искусств, прочие знания считались практическими сведениями и в область высокой науки не входили.

В 1728 году в Англии была издана двухтомная «Энциклопедия» Эфраима Чемберса – очень неудачная попытка создать универсальную энциклопедию, включающую и практические сведения. Она дала толчок к созданию и французской энциклопедии, которую тоже называют Великой – как и спровоцированную ею революцию.

В 1745 французский издатель Ле Бретон решил перевести и издать во Франции «Энциклопедию» Чемберса. Он дважды предлагал работу разным лицам, но их труд в конце концов Ле Бретона не устроил. В 1747 работа по переводу была предложена Дени Дидро: он работал очень качественно, а плату предложили ему смешную, 100 франков в месяц. В конце концов издание «Энциклопедии» принесло Дидро 60 тыс. ливров, а Ле Бретону и его компаньонам – 3 млн ливров.

Работая над переводом Чемберса, Дидро задумался об издании собственной, французской энциклопедии. Эту идею он разрабатывал 25 последующих лет. Дидро стал организатором, ответственным редактором и автором большинства статей по точным наукам.

В 1750 году появился проспект издания, которое получило название «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел». Между 1751 и 1766 годами вышло 28 томов (17 томов текста, 60 тысяч статей и 11 томов «гравюр», иллюстраций к тексту.

Оставшиеся тома энциклопедии были написаны другими авторами в 1777-м, а 2 тома индекса (указателей) – в 1780-м.

Состав авторов энциклопедии включает 183 человека, в том числе ведущих философов, экономистов, ученых Франции XVIII века. Д'Аламбер, Кондильяк, Кене, Тюрго, Монтескье, Руссо, Вольтер, Жокюр... – созвездие знаменитостей.

Но самое главное – энциклопедия была вовсе не справочником, а пропагандистским изданием. Она «просвещала», а не информировала. Французская «Энциклопедия» стала программной книгой эпохи Просвещения. Дидро и коллектив авторов хотели создать книгу, в которой заключались бы все позитивные знания во всех отраслях знания. Это была попытка подвести итог цивилизации.

Энциклопедия сделалась манифестом идей Просвещения. Ее создатели видели инструмент, при помощи которого они уничтожат суеверия, откроют доступ ко всем знаниям и докажут пользу рационального познания. Религия в энциклопедии рассматривалась как ветвь философии, в книге оспаривались католические догмы, похвально отзывались о протестантизме...

Французское государство защищалось крайне наивно, путем введения запретов. В 1745 году во Франции вышел указ, по которому за издание, хранение и распространение литературы, подрывающее основы религии, издателям грозила смертная казнь. В 1764 году Королевский совет специальным указом запретил касаться в любых книгах вопросов государственной политики и финансов.

Неприятности у издателей начались уже с издания проспекта будущей энциклопедии, который был необходим для сбора денег по подписке, чтобы осуществить само издание. Издателей пытались

обвинить в плагиате, усилить цензурные требования к изданию, а 8 марта 1759 года Королевский совет специальным постановлением даже запретил продавать или распространять уже изданные тома. Весь период издания проходил в напряженной борьбе: энциклопедию осуждали, пытались прекратить финансирование подписчиками, конфисковали уже изданные тома.

Полиция арестовала Дидро и препроводила его в Венсенскую тюрьму. Причиной ареста послужила одна из публикаций Дидро, в которой он позволил себе критиковать католическое духовенство. Арест продолжался полтора месяца. Как только Дидро оказался на свободе, он снова принялся за свою работу.

Значение Энциклопедии

«Энциклопедия» получила широкое распространение. Вначале она выходила по подписке. В первый раз откликнулось более 2000 подписчиков. Она выходила громадным тиражом 4250 экземпляров (в XVIII веке тираж книг редко превышал 1500 экземпляров) и несколько раз переиздавалась.

В 1772 г. начала выходить «Британика» в Эдинбурге, а с XIX столетия энциклопедии стали издавать в Германии, Испании, России. Все они были вдохновлены опытом первого издания. Во многих странах, включая Россию, появились полные и частичные переводы статей французской энциклопедии.

Многие ученые полагают, правда, что «культ разума» очень помешал нормальному развитию цивилизации¹. На чем основывается это мнение, свидетельствует известный факт о том, что в энциклопедии не раз публиковались откровенно ложные сведения, вводившие читателя в заблуждение.

Энциклопедия создавалась в убеждении, что все основные открытия уже совершены, человечество знает все, что ему необходимо, и остается только убедить людей в пользе разума. В частности, высказывалось мнение, что давно открыты все виды животных и растений. Выдающийся зоолог Жорж Леопольд Кювье был убежденным сторонником этой идеи, но именно он был вынужден дополнить классификацию несколькими новыми видами – в том числе крупнейшим представителем тапиров, чепрачным тапиром из Юго-Восточной Азии.

И еще: в энциклопедии не было представлено статей с названием «Россия». На одной из опубликованных в ней карт на месте европейской России стояло: «Московия», а за Уралом значилась «Великая Татария». А на некоторых картах прямо за Уралом начинался... Китай.

Вероятно, это фантастическое невежество стало одной из причин, погубивших армию Наполеона в 1812 году. Известно, что незадолго до переговоров в Тильзите в 1811 году Наполеон посылал в Китай дипломатическую миссию: попытаться заключить с Китаем союз против России. Логично: если китайский император может двинуть войска на Москву прямо от Челябинска и Оренбурга, то почему бы и нет? Остается сожалеть, что Наполеон не собирался заключить такой же союз с монгольским ханом, монархом Великой Татарии, – ведь она тоже показана на картах, опубликованных в энциклопедии.

Одну из карт, где за Уралом сразу начинался Китай, обнаружена в материалах походной канцелярии начальника штаба Великой Армии Бертье. Русские редакторы советского времени отказались публиковать эту карту.

Кто такие ученые сегодня?

При встречах британских ученых, позже организовавших Королевское научное общество, выяснилось: из 300 ученых джентльменов 298 имеют собственные средства. Для одного небогатого джентльмена остальные 298 устроили складчину, и он до конца своих дней жил на эту пенсию. Еще одного коллега взял к себе в имение в библиотекари. Взятшего звали Френсис Бэкон. Библиотекаря – Томас Гоббс. Два знаменитых философа.

Сегодня все наоборот: редкий ученый имеет свои частные источники существования. С одной стороны, это хорошо: наука перестала быть занятием богатых людей. С другой, очень плохо: наукой стало можно зарабатывать.

В XIX веке ученых и вузов было мало. Стать профессором – значило сделать серьезную карьеру. Это значило вдумчиво преподавать для небольшого числа студентов, быть материально обеспеченным и занимать высокое положение в обществе. Этаким «младший брат» аристократии.

Ученый в наше время – это преподаватель, сотрудник академического или отраслевого института. То есть чиновник. Это уже не ученый, строго говоря, а научный сотрудник – разницу не так трудно понять. Научных сотрудников немало, их деятельность не особенно элитна. Студентов множество, для них действует своего рода «производство дипломов».

Возникла система государственных или государственно-частных учреждений – каждое со своим бюджетом, штатным расписанием, своей бухгалтерией, отделом кадров и начальством. Работая в таком учреждении, ученый зависит от зарплаты. Работая в

системе, ученый поневоле принимает правила жизни в системе. Становится научным сотрудником.

Научный сотрудник зависит и от начальства, и от уважаемых коллег. Всякий знающий человек вам подтвердит, что лучше бы зависел от начальства... У начальника еще могут появляться зачатки совести, а у «коллектива» – никогда.

Коллектив не имеет ни совести, ни стыда, ни чести, ни представления о приличиях. Тем более коллектив не знает стремления к истине и вкуса к научным исследованиям. Коллектив имеет интересы. Коллектив знает, как их защищать.

Коллектив отстаивает не истину, а свои корпоративные интересы. Если научный работник хочет есть (а он хочет) и притом не умеет зарабатывать на жизнь по-другому, кроме как научной работой (а он не умеет) – ему приходится входить в какие-то кланы, сообщества, междусобойчики. Находясь в них, он добывает и делит деньги, а потом на них еще и обедает. Но и корпоративной дисциплиной повязан.

Пресловутая советская наука конца 1980-х – это система, в которой из 600–800 сотрудников Академического института работали 30–80. Остальные «гордились общественным строем» и ролью интеллигенции в мировой истории.

С 1953 по 1989 в СССР выросло три поколения научных работников, которые могли получать зарплату заметно выше средней. И притом почти ничего или вовсе ничего не делать.

Но именно эти васисуалии лоханкины² голосовали на ученых советах и при защите диссертаций. Они могли решать, кому давать ученые степени, должности и средства для исследований. Разумеется, крупные личности их раздражали еще больше, чем крупные темы исследований.

Там, где нет необходимости выдавать результат, творческим личностям душно. Где нет возможности заработать, процветает мироедство.

Фактически после Первой мировой войны в Европе и к 1990-м годам в России в официальной науке остались люди четырех типов:

1. Успешные мироеды, сумевшие успешно возглавить иерархическую систему и живущие за счет более талантливых, но зависимых от них коллег.

2. Люди умные, но слабые и пассивные. Они боятся делать собственную судьбу, и потому за их счет паразитируют мироеды.

3. Люди старших поколений, которым просто поздно бежать. Доживатели.

4. Неудачники, которые сваливаются в науку как на всякое другое дно жизни.

Официальную науку представляют мироеды. В темных костюмах и при галстуках, они масляно улыбаются с экранов телевизоров и требуют от имени корпорации, чтобы все общество:

- приняло научную мифологию, включая бредовые идеи Мирабо и подделки Геккеля и Гора;
- признало современных ученых наследниками Аристотеля, Геккеля, Дарвина и Мирабо, считало бы их носителями истины в последней инстанции и соответственно оплачивало их труды.

Фундаментальная наука все меньше и меньше дает. Чиновники выделяют все меньше средств. Эти средства жадно расхищаются мироедами, возглавляющими корпорацию... На саму науку как таковую попросту не остается. Наука все меньше объясняет мир, в котором мы живем, занимаясь мелкими частными исследованиями. Наука все больше зависит от частных и корпоративных подачек, красиво именуемых грантами. Естественно, она все меньше интересуется обществом. Тем более, выдают результат общественности опять же

мироеды от науки. Кому нужны прилизанные глупые чиновники?

«Священная корова» и кормилица

Фразу «для одних наука – дойная корова, а для других – богиня», молва приписывает Генриху Гейне. Сказать по правде, я мало его читал, но в том, что успел прочесть, этих слов не нашел. Саму же исходную идею нахожу просто бредовой, потому что обожествляют именно дойных коров. Тех, что приносят пищу: вкусное парное молоко.

То, что кормит, то и обожествляется. Крестьянин поклоняется земле и корове, что ничуть не мешает ему пахать и доить. Он и поклоняется именно тому, что требует его трудовых усилий, но в награду дает хлеб и молоко. Точно так же ученый поклоняется науке, почитает науку, любит науку. Что нимало не мешает ему этой наукой заниматься: собирать факты, обобщать их, проверять, строить гипотезы и теории. И сегодня рождаются новые концепции – масштаба теорий Коперника и Фридмана. Но какое отношение к ним имеют 99 % научных работников?! Современный научный работник подобными глупостями не занимается.

У лабораторий и кафедр есть плановые темы исследования. Уважаемые коллеги и заняты решением частных вопросов этих плановых тем. Они пишут статьи и читают доклады под сомнительными названиями. Появилось даже такое обидное слово: мелкотемье.

Современная официальная наука поклоняется корове, которая давно издохла от неумелого выпаса и скверного корма. Институты современной официальной науки и в России, и за рубежом – это поклонение корове, которая была, но которой уже нет. Уважаемые коллеги

даже не смогли снять с нее шкуру – потому что руки у них растут из того же места, в котором располагаются их умственные способности. А использовать тушу дохлой коровы для привады они тоже не могут, потому что волков и медведей боятся еще больше, чем своих жен и начальников. Если сотрудники любого сектора или отдела современного академического института увидят поблизости волка – придется их лечить от заикания.

Всякий умеющий работать в науке для этого общества опасен уже как заведомо успешный конкурент. Отношение к нему, к этому непонятному человеку, примерно как к пришельцу из иных миров или иных времен. К призраку того самого древнего ария, который обожествлял коров, но притом умел обращаться с живыми коровами и извлекать из них пользу. Для отторжения тех, кто не входит в их сообщество, научными работниками применяется ритуал изгнания злых духов. Сообщают с умным видом:

– Это ненаучно!

Так жрецы «истории КПСС» или «научного коммунизма» говорили недавно – о теории Гумилева, например, – с таким же точно выражением:

– Это не исторический материализм!

Научные работники искренне удивляются, что никто не боится их погремущек и шариков из жеваной бумаги. Кого только не объявляли «не ученым»! На тех, кто умеет пасти коров, доить молоко и делать из него сыр, официальные ученые очень сердятся и стараются их всячески пугать.

Несколько лет назад один уважаемый коллега «пригрозил» мне, что если я буду и дальше писать свои ужасные книги, три с половиной уважаемых коллеги проведут ученый совет и на нем меня сурово осудят. Даже в высшую инстанцию, в головной институт бумагу напишут.

Обижать юродов нехорошо, но ведь и ученые тоже люди. Я смеялся до икоты, утирая слезы со щек, а уважаемый коллега тоненько визжал и стучал себя кулачками в грудь, как сексуально озабоченная макака.

Кто сегодня занимается наукой?

Да не поймет меня читатель так, будто в наше время не занимаются наукой. Занимаются. Но те, кто занимается реальной наукой, в 9 случаях из 10 делают это не в официальных научных учреждениях.

Тур Хейердал всю жизнь был персоной «нон грата» для академических ученых. Он мог плевать на их позицию по очень простой причине: Хейердал начинал жизнь сыном небедного человека, а к зрелым годам научился сам зарабатывать деньги. В том числе издавая увлекательные книги, выходявшие серьезными тиражами. Но мне иногда становится страшно при мысли: а что, если бы он родился в семье рабочего или мелкого служащего?! И занимался бы всю жизнь плановыми темами типа: «К вопросу о форме ритуальной чесалки для спины острова Фату-Хива»?

Арнольд Тойнби прожил жизнь высокопоставленного чиновника в лондонской школе экономики, а с 1929 по 1955 годы – директора Королевского института международных отношений. Свою цивилизационную теорию он разрабатывал в свободное от служебных обязанностей время.

Лев Гумилев, даже когда не сидел в лагере, занимал очень скромное положение в обществе. Свою первую и последнюю квартиру он получил буквально за два года до смерти.

Общее у этих трех ученых эпохального масштаба то, что они не имели к официальной науке почти никакого отношения. Скорее, они находились в постоянных

конфликтных отношениях с официальными институтами науки и с подавляющим числом уважаемых коллег.

Точнее сказать, это уважаемые коллеги и возглавляемые ими «храмы науки» находились в конфликтных отношениях с Хейердалом и Гумилевым. У тех на интриги времени всегда не хватало, они были слишком заняты. Они не высказывались о том, что такое наука и ненаука, не боролись за прогресс и не колотили в бубен, взывая к теням Дарвина и Геккеля. Причина все та же: им некогда. Ученые – очень занятые люди. Они знают – их жизнью и так не хватит для изучения всего, что им интересно.

Люди признают ценность науки. Они снимают шляпу при появлении Гумилевых и Тойнби... Но люди не согласны оплачивать частные малоинтересные исследования – бесконечные повторы и уточнения того, что уже известно...

Петербург породил огромное количество ученых и рождает их сейчас. Но ученые в разное время трудились в очень разных условиях. До середины XIX века это были в основном представители образованной и богатой верхушки общества (или те, кто пристроился в тени этих богатых и знатных). С конца XIX и до конца XX века – это сотрудники высших учебных заведений или разного рода академических или прочих научных учреждений. В советское время у них как-то и не было других возможностей, кроме как трудиться в этих «храмах науки». С середины XX столетия все чаще и чаще ученые оказывались отторгнуты академической средой. В советское время они были маргиналами этой среды (Льва Гумилева не пускали на исторический факультет, он преподавал на географическом, фактически читая

публичные лекции; Льва Клейна попросту посадили в тюрьму, подыскав подходящую статью).

Сегодня ученый сможет вернее всего реализовать себя, став предпринимателем и работая на самого себя. Или - став человеком интеллектуальной профессии, которая оплачивается: писателем, режиссером, аналитиком. Или в технонауке, выдавая результаты, которые можно использовать для производства. Часть таких людей сможет сделать нечто значительное для рационального познания окружающего мира. Вопрос: где именно, в какой части Петербурга и каким именно способом они смогут себя реализовать?

Глава 2. Петербург - странности судьбы

Судьба одних городов очень тесно зависит от судьбы государства. Удел других оказывается совершенно независимым от истории государств и империй, торговых путей и «величия» владык любой степени вменяемости.

Маленькая Лютеция, она же Паризия, в V-VII веках оставалась совершенно ничтожным городишком в сравнении с Суассоном или Орлеаном. Паризию не делали своей резиденцией могущественные епископы и короли. Тем не менее с XIII-XIV веков Париж - центр торговли, науки, культуры, моды, источник постоянных новаций решительно во всем. Он чрезвычайно заметен в европейской жизни. Заметен совершенно независимо от того, был он столицей или нет. Среди прочего, многие считают парижский университет первым «настоящим» университетом. Разрастаясь по каким-то неведомым законам, город буквально вынудил сделать себя столицей Франции.

Краков был столицей Польши в XI веке. С 1569 года он оставался столицей королевства, однако столицей всей Речи Посполитой стала Варшава. После нашествия шведов в XVII веке Краков сильно запустел. Но... краковский или ягеллонский университет - интеллектуальная столица Польши на протяжении веков. В судьбе Кракова явно есть нечто, прямо роднящее его с Санкт-Петербургом. Столичности Краков давно лишен, но остается независимо от этого городом культурных новаций.

Упсала без особой помощи властей предрержащих выросла из языческого, затем христианского культового центра в университетский город общеевропейского

значения. Не в королях и епископах дело... Скорее, это сама Упсала стала резиденцией архиепископа, центром торговли всей южной Швеции, местом коронации королей и проведения мероприятий национального масштаба. В XIX веке мрачноватая слава клерикализма и реакционности пришла к Упсале. Свободомыслящие шведы начали противопоставлять ее «просвещенному» и «современному» Стокгольму. Но ведь и такая слава приходит не посредством государственных указов. Так же «самостоятельно» стал крупнейшим культурным центром Мюнхен.

Существуют города, в которых, подчиняясь еще неясным законам общественного развития, происходит активное развитие культуры – выражаясь по-ученому, культурогенез. В этих городах складывается местный по происхождению культуриноносный, культуротворческий слой. Население города по непонятной причине начинает особенно активно заниматься науками и искусствами и добивается в этих занятиях многого. Конечно, заниматься творчеством куда удобнее, если полон кошелек, а город имеет какие-то свои права и привилегии. Во-первых, в богатый город стекаются люди, и не самые худшие; да нужных людей богатый столичный город может еще и сознательно привлекать. Во-вторых, в богатом городе у творцов культуры есть возможность не тачать сапоги или вывозить мусор, а получать плату за совсем иной труд. Холст, подрамники, мастерские и уж тем паче бронза стоят денег. Как и типографии, и металлические литеры, и краска, и бумага, превращаемая в книги.

Если денег на все это нет – культуриноносный слой поневоле будет вести самое скромное существование. Но в некоторых городах этот слой активных, интеллектуальных существует независимо от внешних влияний. Он есть – и все тут. Если появляется хоть малейшая возможность, эти люди начинают заниматься

науками и искусствами профессионально. В таких городах постоянно возникают разного рода культурные новации – и в самых разных сферах жизни: от научных открытий до религиозных переворотов, от усовершенствований в музыкальных инструментах до новых форм общественной организации. Жить в таких городах одновременно интересно и тревожно. Тогда как в других городах развитие культуры происходит вяло, в основном за счет приезжих или финансовых вливаний.

С XV века Берлин был столицей: сначала Бранденбурга, потом – Пруссии. В город долгое время стекалась эмиграция, и не только из Германии. В XVII веке добрую треть населения Берлина составляли бежавшие из Франции протестанты-гугеноты... Но ведь это же факт, что роль Берлина как города культуры, невзирая на его «столичность», на многочисленные финансовые вливания, на приезд не худших по качеству эмигрантов, в Германии многократно меньше, чем того же Мюнхена, Кельна или даже маленького Дрездена.

Еще более показательна судьба Лиссабона, и особенно города Лагуша. В этом Лагуше в XV веке знаменитый принц Генрих Мореплаватель создал библиотеку по морскому делу, основал школу штурманов, построил обсерваторию. Какое-то время 4600 приглашенных им из всех стран Европы ученых составляли добрую треть населения города. Постепенно платить стали меньше... – активный творческий народ разбрелся. Притом, что португальцы становились превосходными капитанами и штурманами, сам по себе Лагуш и Лиссабон не породили «местного» творческого слоя. Слава Лагуша взлетела на краткие десятилетия... И исчезла, как только стали платить меньше.

Опасаясь обидеть жителей других промышленных гигантов и древних столичных российских городов, обратимся к Петербургу – к золотнику, который дорог.

В Петербурге рождение интеллектуальной элиты началось с приезда в город уроженцев немецких земель, будущих пылких петербургских патриотов Якоби, Струве – основателей династий интеллектуалов. Еще интереснее история иудейских врачей Семена и Абрама, привезенных в Петербург Петром I с берегов протекающей через Минск реки Слепянки. Их потомки живут в Петербурге до сих пор. В середине-конце XVIII века в Петербурге появились и русские Крашенинников, Лепехин, Ломоносов. Чем дальше, тем больше среди культуруносящего слоя не только чисто русских, но и «уже встречавшихся» фамилий. Можно назвать множество известнейших лиц, перебравшихся в Санкт-Петербург из Москвы, в качестве впечатляющих примеров – выдающиеся медики Пирогов и Боткин. Но почти не бывает обратных случаев.

Исключения есть. Сила Николаевич Сандунов... хотя он, переехав из Петербурга в Москву, бросил театр и занялся будущими банями. А Елизавета Семеновна Сандунова из Москвы возвратилась в Петербург – причем уже после Отечественной войны 1812 года. Из провинциалов по рождению Василий Суриков не любил Петербург и совершенно не хотел в нем жить. Вот Москва ему нравилась, именно там он поселился. Но эти люди интересны тем, что они – исключения.

Этот же процесс шел и при советской власти. Конечно, многих в Москву «вывели» в начале 1930-х, когда в нее переводили все институты Академии наук: новая столица должна была обзавестись подобающими научными центрами. Выращивал – СанктПетербург, должна была «пожать», по замыслу коммунистов, – Москва. Конечно, «выведенные» в Москву петербуржцы (среди самых знаменитых – Вернадский, среди менее известных – хотя бы палеонтологи Орлов и Ефремов) сказали свое слово. Но в целом оказавшиеся в Москве научные школы зачахли. Заметно было первое

поколение, – то, которое родилось, окончило гимназии, получало образование в Санкт-Петербурге. На этом – все. Если людям давали право выбора – наиболее интересные творческие типы из Петербурга уезжать отказывались – например, Тимирязев.

И сегодня тот же процесс: самые яркие провинциалы, вопреки утраченной Петербургом «столичности», перебираются из провинциальных городов именно в Петербург.

Город вечного «неодобрямс»

Без каких-либо недомолвок или неопределенностей позволю себе не разделять убеждений и представлений любой политической группировки. Но все же – какие интересные вещи происходят в Санкт-Петербурге! В том числе с коммунистами.

В 1946 году возникло такое яркое явление, как интеллектуальная оппозиция петербургских журналов «Звезда» и «Ленинград».

В печально знаменитом постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г.³ печатавшиеся в журналах материалы объявлялись «рецидивом», пережитком царизма и наследием «мрачных времен реакции».

Например, вот отрывки из стихотворения родившегося в Бердичеве Александра Абрамовича Хазина «Возвращение Онегина»:

*В трамвай садится наш Евгений.
О, бедный милый человек!
Не знал таких передвижений
Его непросвещенный век.
Судьба Евгения хранила,
Ему лишь ногу отдавило,*

*И только раз, толкнув в живот,
Ему сказали: «Идиот!»
Он, вспомнив древние порядки,
Решил дуэлью кончить спор,
Полез в карман... Но кто-то спер
Уже давно его перчатки,
За неимением таковых
Смолчал Онегин и притих ⁴.*

То, что Анна Ахматова была и лидером и знаменем интеллектуальной оппозиции – факт. Но в этой оппозиции участвовало множество людей, не только не происходящих из «бывших», но до самых последних десятилетий не имевших к Петербургу никакого отношения. Оппозиция, конечно, несерьезная, смешная. По существу, это вообще была не столько идейная оппозиция, сколько судорожная попытка кучки интеллигентов вопреки всему пытаться остаться самими собой. Даже вопреки инстинкту самосохранения. Хотя бы частично. Хотя бы притворившись, что лоялен, и в узких рамках полудозволенного.

Николай Павлович Акимов никогда не входил в кружок лиц, близких к Анне Ахматовой. Правда, и его в 1949-м выгнали из театра Комедии. Но главное – вот портреты Сталина, висевшие в его доме. Расстрельные портреты, создавать которые было делом предельно рискованным.

Чтобы вести себя так, как родившийся в Харькове Акимов, как родившийся в Бердичеве Хазин, необходимо иметь представление о себе, своей личности. Надо иметь то, что пытаешься сохранить в себе и что не укладывается в отведенные «сверху» содержание и форму. То есть нужна некая отделенность, дистанцированность и от официальной идеологии, и от государства – хоть тоталитарного, хоть

супердемократического. Дистанция хотя бы на уровне эмоций, каких-то смутных душевных переживаний. Такую типично «петербургскую» реакцию на давление извне проявляли те, кто въехал уже в «Ленинград», и притом чуть ли не по комсомольской путевке.

И в более позднее время выкашиваемый, искореняемый всеми средствами «город трех революций» поднимал головы... порой головы совсем недавних переселенцев. Всю «советскую» историю в Петербурге что-то бродило, булькало, не могло успокоиться...

И самые последние в «советской» истории масштабные аресты «не таких» произошли именно в Петербурге. Они получили даже официальное наименование «ленинградской волны» арестов 1981 года: Азадковский, Рогинский, Савельев, Мейлах, Мирек, Клейн...

Попытки убийства города

Характерно, что красные с самого начала чувствовали в Петербурге что-то не свое, что-то опасное для них. Многие поступки большевиков невозможно понять иначе как попытку фактически уничтожить Петербург.

Лидер охватившего Россию революционного безумия, с 1917 года Петербург оказался под властью большевиков. Нигде не было такого количества массовых депортаций прежнего населения. Даже после погубившего Санкт-Петербург голода и серии массовых расстрелов 1918-1919 годов Петербург вызывал некую смутную опаску. И «чистили» его на совесть, старательно пытаюсь создать на месте города Петра город имени своего кумира.

Чудовищной силы удар обрушился на город - в первую очередь на его прежнее население. В 1917 году в Петербурге жило 2,3 млн человек. В 1918 - уже 1,469 млн - всего за год исчезло больше 800 тысяч жителей - целая треть⁵. В 1919 году петербуржцев осталось всего 900 тысяч, в 1920-740 тысяч. Огромное количество жителей города было расстреляно, сотни тысяч разбежались. Коммунисты убивали людей даже не за попытки сопротивления, а просто за то, что они принадлежали к тому или иному слою населения.

«Для нас нет и не может быть старых устоев морали и гуманности, выдуманных буржуазией для эксплуатации низших классов» - так писал член коллегии ЧК Мартин Лацис. И далее: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, - к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, образования или профессии. Эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого. В этом - смысл и сущность красного террора»⁶.

18 сентября 1918 года Зиновьев на Петроградской партконференции сказал: «Мы должны повести за собой девяносто из ста миллионов человек, составляющих население Советской Республики... Остальным нам нечего сказать. Их нужно ликвидировать». Цифры, конечно, примерные, но подход чудовищен: истребить 10 % жителей России - несколько миллионов человек.

ЧК - это конвейер смерти для того самого физического уничтожения «буржуазии», о котором говорил Зиновьев. И это механизм тотального ограбления России.

Подлежащие уничтожению проценты - общественная и экономическая верхушка, владельцы

основных богатств России. Присвоенное ими имущество необходимо для мировой революции. ВЧК исходно создавалась как механизм получения денег. Очень многие люди исчезли в расстрельных подвалах именно потому, что у них были драгоценности, валюта, золотые монеты, коллекционное оружие, живопись. Мало ли еще чем можно помочь мировой революции...

А помимо массового истребления и массового ограбления – голод.

21 ноября 1918 году внутренняя торговля была объявлена государственной монополией, частные торговцы превратились в спекулянтов, которых преследовала ЧК.

Города всегда кормились силами крестьян или жителей пригородов, державших домашний скот и разводивших огороды. Эти полезнейшие люди вдруг – неожиданно для самих себя – перестали иметь право продавать в городах что бы то ни было: хлеб, молоко, творог, масло, капусту, картошку, мясо... Словом, совершенно никакие продукты. Нельзя: частный торговец стихийно порождает капитализм, а ужасы капитализма требуют решительной борьбы.

Исаак Бабель замечательно описал, как зимой 1918 года на перроне Московского вокзала в Петрограде «заградительный отряд палил в воздух, встречая подходивший поезд. Мешочников вывели на перрон, с них стали срывать одежду»¹.

«Мешочники» – это как раз те, кто пытался провезти в город хоть какую-то еду. Ведь горожане за продовольствие были готовы платить любые деньги, отдавать хорошие вещи – и одежду, и мебель, и патефоны, и украшения, и золото... Что угодно.

Я лично знаком по крайней мере с тремя жителями современного Петербурга, предки которых были убиты во время «борьбы с мешочниками».

Наряду с жирующей верхушкой большевиков появилось новое слово: лишенцы. После введения первой советской конституции 10 июля 1918 года лишенцами стали называть тех, кто остался без политических прав. Но слово родилось раньше – так называли тех, кого власть лишала хлебных пайков.

К числу россиян «второй свежести» отнесли всех священников и детей священников, всех дворян и чиновников всех рангов царской России. По официальным же данным лишенцев было в Советской республике порядка 4–5 миллионов человек. В Петербурге лишенцы составили порядка миллиона.

Купить продовольствие нельзя, это страшное преступление, и кара за него одна – расстрел на месте. Пайка тоже нет, не полагается. Какая судьба ожидала лишенцев, хорошо видно хотя бы на примере Марии Александровны Гартнунг – старшей дочери Пушкина. Едва живая от голода, она несколько раз приходила на прием к Луначарскому; тот всякий раз обещал рассмотреть вопрос, она снова и снова являлась к этому «вершителю великих дел». Луначарский даже созывал своих людей посмотреть на настоящую живую дочку Пушкина, но никакой помощи не оказал: не имела права на паек эта старая дворянка. Мария Александровна, дочь Пушкина, умерла от голода в 1919 году. Существует версия, что пенсию ей назначили, но продуктовый паек не успели принести... Велика ли разница, пусть судит читатель.

Мою прапрабабушку, Капитолину Егоровну Спесивцеву, в девичестве Филатову, петроградский совет тоже лишил пайка. Она умерла от голода в страшную зиму 1919 года.

Ее сын, Петр Спесивцев, не умер от голода только потому, что хорошо умел рисовать, – рисовал цветными мелками портреты прохожих на тротуаре. Позже стал даже членом Союза художников. Кстати говоря, еще дед

Петра Николаевича пахал землю – был крепостным мужиком в Тверской губернии. Так что даже с точки зрения классовой теории как-то все тут не очень однозначно...

Умиравшие от голода люди никак не фиксировались, не вносились в списки, не отмечались. Трупы вывозили за город и закапывали. И все. О гибели моих родственников не существует никаких документов. Если бы не семейная память, никто и не знал бы, что такие люди вообще когда-то существовали. Мне известно еще несколько таких же семей, где о погибших в 1919–1920 годах родственниках нет вообще никаких ни официальных, ни неофициальных сведений. Они бесследно исчезли, и все.

Еще одна категория «исчезнувших» – это уехавшие из Петрограда. Число их можно определить только очень примерно, никакая статистика не велась. Известно несколько крупных ученых, именно в 1918 году срочно переехавших в провинциальные города.

Самый известный из них, наверное, Владимир Иванович Вернадский, ставший в 1918 году профессором Таврического университета в Крыму, и его сын, Георгий Владимирович, срочно переехавший в Пермь, – как только Пермь была взята отрядом генерала Пепеляева.

Среди менее известных – Бернгард Эдуардович Петри. Один из самых ярких сотрудников Музея антропологии и этнографии Российской Академии наук в Петербурге, с 1918 года – приватдоцент педагогического факультета открывшегося Иркутского университета, в дальнейшем профессор. Учитель таких известных сибирских ученых, как А. П. Окладников и М. М. Герасимов, он прожил в Сибири еще 19 лет. «28 мая 1937 года Б. Э. Петри был арестован по делу немецких специалистов, обвинен в шпионаже в пользу английской и германской разведок, участии в немецко-японской, фашистской, диверсионно-разведывательной,

правотроцкистской и панмонголистской организациях. Через шесть месяцев, 25 ноября 1937 г., профессор Петри был расстрелян»⁸.

Наверное, самим большевикам, анархистам, левым эсерам и прочим обезумевшим борцам с человечеством за свои бредовые идеи истребление петербуржцев виделось как борьба с «буржуями»: с теми 10 % населения России, которых они замыслили уничтожить. Вряд ли им приходило в голову, что главная опасность для них исходит даже не от живущих в Петербурге людей, а от самих дворцов, площадей, проспектов, улиц... Маловероятно, что самые интеллигентнейшие из них могли себе представить: даже если депортировать из Петербурга вообще все прежнее население, Петербург будет выворачивать наизнанку сознание заполняющих его пустоту «классово правильных» элементов. Вероятно, революционным психопатам искренне казалось, что они ненавидят «эксплуататоров» и «сатрапов», а не обычные внеклассовые улицы, прекрасные дворцы и чудные закаты над Невой. Но их ждали новые сражения с Петербургом.

Сколько же петербуржцев оставалось в городе к 1929 году? Если считать тех, кто родился в городе, то было их порядка 300– 500 тысяч человек. Из 2 млн тогдашнего населения это то ли 25 %, то ли даже 15 % всего населения. Причем в основном это неравноправная часть.

Но стоило пустоте расстрелянного, вымершего, разбежавшегося города начать заполняться – и уже в конце 1920-х с ними происходило то же, что и со всеми прежними волнами петербургского заселения: они неуклонно начинали превращаться в петербуржцев.

В 1939–1940 годах, вопреки всем депортациям и расстрелам, в Петербурге жило по крайней мере 300 тысяч прежних жителей – тех, кто обитал в нем до «эпохи исторического материализма». 10 % всего

населения. Но и все остальные жители города находились на разных стадиях превращения себя в петербуржцев.

Трудно сказать, кто больше раздражал властей предержащих – коренные петербуржцы и их потомки, или же новые поселенцы, удивительным образом начинавшие вести себя так же, как прежние жители. Во всяком случае, во время Второй мировой войны власти предприняли действия, которые можно понимать только одним способом: как сознательное и последовательное убийство города.

Блокада продолжалась 872 дня: с 8 сентября 1941 по 27 января 1944 года. Она унесла жизни примерно 1,2 – 1,5 млн человек – 40 % тогдашнего населения города. Официальная точка зрения с 1941 года по настоящий момент: блокада – неизбежность. Прорвать кольцо блокады было нельзя, доставить продовольствие в город нельзя, сдать город тоже нельзя, вывезти его жителей – опять же нельзя.

Долгое время сам факт блокады замалчивался. 13 сентября газета «Ленинградская правда» опубликовала сообщение Совинформбюро: «Утверждение немцев, что им удалось перерезать все железные дороги, связывающие Ленинград с Советским Союзом, является обычным для немецкого командования преувеличением». Людям, которые получали командировки в Ленинград зимой 1941 и 1942 годов, «не советовали» рассказывать о том, что они видели. Слухи ходили, конечно, но власти старались, чтобы известно было поменьше. После снятия блокады в 1944 году сводить воедино и тем более обнародовать данные о смертности в Ленинграде было строжайше запрещено.

Официальная точка зрения и «точные данные» о количестве погибших приведены в лживой книге Д. В. Павлова, который в 1941–1942 годах был уполномоченным Государственного Комитета по

обороне в Ленинграде и Ленинградской области. Он сообщал, что умерло 641 803 человека⁹. Эта информация вплоть до 90-х годов считалась «единственно правильной».

Вторая тема, табуированная до нашего времени: из Ленинграда был выход на Ладогу. Всю блокаду 60 км побережья оставалось российскими. Не более 30 км водного пути отделяют никогда не захваченный врагом поселок Кобона от этого участка побережья. В 1940 году Северо-Западное речное пароходство перевезло 3,4 млн тонн грузов. К лету 1941 года эта организация располагала 323 буксирами и 960 баржами общей грузоподъемностью 420 тысяч тонн. В дальнейшем произошло еще одно «чудо», оно из многих в истории войны: эти суда загадочно исчезли и появились снова в 1947-1948 годах. А в 1941 и 1942-м Северо-Западное речное пароходство располагало «всего» 77 буксирами и 129 баржами (кстати, даже этого вполне достаточно для подвоза продовольствия, чтобы никакого голода в Ленинграде не было). По официальнейшим данным, никакого вражеского флота на Ладоге вообще не стояло, а авиация противника потопила всего 4,8 % отправленных водным путем грузов.

К сожалению, вот эта сторона блокады до сих пор не изучается. Есть только одна известная мне публикация: Марка Солонина¹⁰. Но даже доставка 800 тонн продовольствия в сутки, выполняемая по озеру (половина необходимого), позволяла установить намного большие пайки, чем 125 граммов в сутки, половину из которых составляли «условно съедобные примеси». Кроме снабжения по Ладожскому озеру, обеспечивать Ленинград продуктами можно было и по воздуху.

Один из эпизодов советской истории, о котором потом пытались «забыть»: попытка СССР блокировать и уморить голодной смертью Западный Берлин в 1948-1949 годах. Тогда три оккупационные зоны,

французская, английская и американская, начали объединяться, ввели единую денежную единицу – марку. Началось «германское экономическое чудо». С 21 июня 1848 года был введен режим полной транспортной блокады Западного Берлина с населением в 2 млн человек. Удушить Берлин не получилось: англичане и американцы, вчерашние враги Германии, самолетами ввозили не только продовольствие, но и уголь. Перевезли даже разобранную на детали и собрали в Берлине тепловую электростанцию, работавшую на угле. О «Берлинском кризисе» писали и в советское время, в основном делая упор на то, что и из советской зоны оккупации в Западный Берлин оставляли продовольствие, а западные державы этому препятствовали. В XXI веке появились и более спокойные исследования.

Для нашей же темы главное – даже и по воздуху можно было снабжать всем необходимым громадный город. Действительно: суточная необходимость в продовольствии Ленинграда, если рассчитывать потребности населения по военным нормам, составляет 1500 тонн в сутки. Военный паек – не роскошь, но и далеко не голодная смерть. Доставлять авиацией 1500 тонн в сутки – задача сложная, но выполнимая.

Даже официальные цифры говорят, что в Ленинграде осени-зимы 1941 года расходовалось 510 тонн муки в сутки. Но элементарный расчет говорит, что для пайков, реально выдававшихся населению города, нужно было всего 179 тонн муки. На что же и на кого расходовалась остальная мука? «Городское и областное руководство проблем с продовольствием не испытывало: «В правительственной столовой [Смольного] было абсолютно все, без ограничений, как в Кремле. Фрукты, овощи, икра, пирожные. Молоко и яйца доставляли из подсобного хозяйства во Всеволожском районе. Пекарня выпекала разные торты и булочки», – это из дневника

сотрудника столовой Смольного. А вот отрывок из воспоминаний ленинградского инженера-гидролога: «Был у Жданова [первый секретарь Ленинградского горкома] по делам водоснабжения. Еле пришел, шатался от голода... Шла весна 1942 года. Если бы я увидел там много хлеба и даже колбасу, я бы не удивился. Но там в вазе лежали пирожные».

В этом контексте абсолютно логичной выглядит телеграмма Андрея Жданова в Москву с требованием «прекратить посылку индивидуальных подарков организациями в Ленинград, <...> это вызывает нехорошие настроения». Более того, в Москве, в частности, в партийно-номенклатурном руководстве Союза писателей, сложилось мнение, что ленинградцы сами возражают против этих посылок. Ольга Берггольц по этому поводу воскликнула: «Это Жданов - ленинградцы?».

Сам по себе вопрос о «посылках» крайне интересен: значит, отправлять их было возможно? Организации могли слать в Ленинград индивидуальные посылки? Тогда - как же блокада?!

А вот фрагмент (запись от 9 декабря 1941 года) дневников сотрудника Смольного, инструктора отдела кадров горкома ВКП(б) Николая Рибковского: «С питанием теперь особой нужды не чувствую. Утром завтрак: макароны или лапша, или каша с маслом и два стакана сладкого чая. Днем обед: первое - щи или суп, второе - мясное каждый день. Вчера, например, я скушал зеленые щи со сметаной и котлету с вермишелью, а сегодня суп с вермишелью и свинину с тушеной капустой».

Весной 1942 года Рибковский был отправлен для поправки здоровья в партийный санаторий, где продолжил вести дневник. Вот еще один отрывок, запись от 5 марта: «Вот уже три дня я в стационаре горкома партии, это семидневный дом отдыха в

Мельничном ручье [курортная окраина Ленинграда]. С мороза, несколько усталый, вваливаешься в дом с теплыми уютными комнатами, блаженно вытягиваешь ноги... Каждый день мясное – баранина, ветчина, кура, гусь, индюшка, колбаса; рыбное – лещ, салака, корюшка, и жареная, и отварная, и заливная. Икра, балык, сыр, пирожки, какао, кофе, чай, 300 граммов белого и столько же черного хлеба на день... и ко всему этому по 50 граммов виноградного вина, хорошего портвейна к обеду и ужину... Я и еще двое товарищей получаем дополнительный завтрак: пару бутербродов или булочку и стакан сладкого чая... Война почти не чувствуется. О ней напоминает лишь гроыхание орудий...».

Данные о количестве продуктов, ежедневно доставлявшихся в ленинградские обком и горком ВКП(б) в военное время, недоступны исследователям до сих пор. Как и информация о содержании спецпайков партийной номенклатуры и меню столовой Смольного»¹¹. Значит, все время блокады в Ленинграде были люди, которым с Большой земли посылались ветчина, яйца, мясные консервы, сыры, не говоря о крупах и хлебе? А эти продукты выдавались, и не такому уж малому числу людей. Несколько десятков тысяч советских начальников получали свои спецпайки и жили совсем неплохо посреди вымиравшего города. А ведь неплохо – это в плане снабжения продуктами, они ведь к тому же вполне могли и кое-что нажать – например, драгоценности, произведения искусства, которые обменивали на еду ленинградцы.

Я знаком с людьми, которые во время блокады отдавали золотые украшения за хлеб по весу: грамм за грамм. Правда, хлеб был хороший, вкусный и пропеченный – пекли-то его для начальства, а не для населения.

Добавлю еще, что «бывших» старались не вывозить из вымиравшего города. Вдова Николая Гумилева, Анна

Николаевна Энгельгардт-Гумилева умерла последней в квартире, пережив свою 23-летнюю дочь Елену. Если же «бывшие» выезжали из Петербурга, то их после войны старались не пускать обратно.

Вот и получается, что блокада укладывается в чудовищную, но вполне реальную и вполне логичную картину еще одного убийства города. Казалось бы – зачем нужно новое убийство? Зачем новая волна смертей – и старых петербуржцев, и тех, кто только начал ими становиться? В том-то и дело, что логика есть, и беспощадная. Вспомним идею борьбы азиатского и европейского начал в России – причем азиатское олицетворяется Москвой, а европейское – Петербургом. Эту мысль очень любил Николай Бердяев, но в общем, он только ярко иллюстрировал то, с чем принципиально были бы согласны если не все – то почти все люди его круга.

Трудно отделаться от мысли, что большевики мыслили так же – но знаки у них полярно менялись полюсами. Где у Бердяева был «плюс», у них «в Европе» располагался «минус». Вот и все! Город, олицетворявший русский европеизм, следовало уничтожить. Людей, воспитанных в этом городе как русские европейцы, следовало истребить, чтобы не мешали «строить светлое будущее».

Очень интересно, что эта оценка полностью разделялась и нацистами. Существовала у них «специальная оценка ленинградского населения». Оказывается, в России два мира – Москва и Ленинград. Москва – это олицетворение азиатской деревни, при необходимости она может стать навозом, нужным для рейха. А вот жители Ленинграда создали из навоза империю, стремившуюся на запад. Вывод – Ленинград опасен для рейха. Его необходимо уничтожить.

Была секретная инструкция членам НСДАП – чтобы они не вступали лишней раз в разговоры с русскими и

проявляли большую осторожность в этих разговорах. Русские – хорошие диалектики, они умеют спорить и «обладают способностью убеждать в самых невероятных вещах». Самыми же опасными в этом отношении людьми объявлялись именно жители Санкт-Петербурга¹². Удивляться не стоит – национальные социалисты гораздо меньше отличаются от интернациональных, чем хотелось бы и тем, и другим.

У одних горожан особенности родного города вызывают неумеренное бахвальство – в основном у тех из них, кто сам-то решительно ничего не сделал для его возвеличивания, им приходится гордиться самым фактом рождения здесь. У людей более сдержанных от мыслей об особенностях города появляется некая скромная гордость. У жителей других мест преобладает уважение и интерес, порой – раздражение и гнев.

Петербург можно любить или не любить, дело личное. Но вот чего пока никому не удавалось – так это игнорировать город. Равнодушных к Петербургу почти нет; мало кто смог прикоснуться к нему и продолжать жить так, словно встречи не произошло. Тем более странно, что до сих пор никто не смог объяснить: в чем же именно состоит «особенность» города и как, через какие механизмы он оказывает свое удивительное воздействие на человека?

Никто до сих пор не смог объяснить Петербурга. Никто не ответил на простейший вопрос – почему?! Чем именно этот город таков, чтобы влияние его сделалось таким необычайным, а судьба – удивительной и звонкой, как раннее весеннее невское утро?

Глава 3. Непостижимое место Петербург

В исследованиях многих теоретиков Петербург предстает как явление немного жуткое из-за своей непостижимости. Про «метафизику Петербурга» говорят ученые международного масштаба¹³, выпускаются целые сборники статей с таким названием¹⁴. Что характерно: про «метафизику Новгорода» или «мистику Москвы» книг и статей не пишут.

Наверное, до конца никто и никогда не сможет постичь великого города. Уверен, что пытающийся рассказать «всю правду» о Петербурге, скорее всего, сильно лжет. Но сегодня Петербург стал постижимее, чем когда-либо, потому что в науке совершилось два открытия. Во-первых, ученые стали изучать один и тот же объект одновременно методами разных наук¹⁵. Никто не мог понять Петербурга, пока смотрел на него с позиций своего частного предмета. Санкт-Петербург слишком сложен, чтобы одна наука могла объяснить его тайну. Во-вторых, не только Петербург, а очень многие явления в жизни людей стали понятнее, когда и самого человека, и творения его рук стали изучать как природное явление – методами естественных наук.

К Петербургу я подошел средствами разных научных дисциплин и как к географическому объекту. Города изображают порой точками на карте – особенно если карта крупного масштаба. Но это ведь вовсе не точки. Петербург – это 1439 км², застроенные 18 тысячами исторических зданий и дворцов. Город протянулся на 90 километров с северо-запада на юго-восток. Самый выносливый человек не сможет пройти за день пространство с юга на север и с востока на запад куска земли, который называется городом Санкт-Петербургом.

В историческом прошлом сам город был гораздо меньше – 12 км² в 1717 году, 54 км² – в 1828-м, 105 км² в 1917-м. Но город рос внутри географического контура, очерченного городами-спутниками еще в начале XVIII века.

Сегодня Санкт-Петербургская агломерация простирается примерно на 50 км от центра города. Площадь агломерации, растущей в контуре исторических городов-сателлитов Санкт-Петербурга, – примерно 11,6 тысяч км². Историческое ядро города – это «все» 550 км². Города вместе с новыми районами, возникшими после 1955 года – 1400 км². Площадь территории первого пояса агломерации вокруг Петербурга – примерно 4840 км². Второго пояса – примерно 6200 км².

Люди в Петербурге рождаются и умирают в пространстве, у которого есть свои географические характеристики. Они становятся петербуржцами не потому, что на них действуют законы экономики и не потому, что такова политика властей. А потому, что сам город воспитывает их.

Чтобы понять город, надо изучать его как географическое явление. К счастью, уже есть методики, позволяющие это осуществить. В физической географии пришлось ввести понятие «селитебный ландшафт»: ландшафт поселков и городов – мест, где селится человек. Учение о селитебных ландшафтах разработано недостаточно подробно, применять его бывает сложно – приходится додумывать многие детали. Но понятие существует.

Разными людьми и в разное время начинались исследования городских урочищ; что характерно – в России такие исследования чаще всего проводятся именно в Петербурге. Петербургом как ландшафтом занимались не связанные друг с другом люди, в разное

время и средствами разных наук. Я не смог бы написать эту книгу, не опираясь на то, что сделали живущие до меня великаны российской науки. Лев Николаевич Гумилев научил меня видеть человека как порождение и творца ландшафтов, в которых он обитает. Владимир Иванович Вернадский и его продолжатели, Михаил Иванович Будыко и Александр Леонидович Яншин учили исследовать человека как геологическую силу, преобразующую поверхность Земли. Очень может статься, у гигантов мысли просто не хватило времени вырвать тайну Петербурга у вечности и рассказать ее людям.

Петербург - это городской антропогенный ландшафт, особо контрастный и мозаичный, и потому - месторазвитие.

Глава 4. Город на стыках

Восточно-Европейская, или Русская, платформа относится к числу древнейших континентальных образований. Геологический возраст пород, сложивших эту платформу в незапамятные времена, колеблется от 2,5 до 1,6 млрд лет. Петербург лежит на этой спокойной равнине, где практически не бывает землетрясений, где вода и ветер за пронесшиеся миллионы и миллиарды лет сгладили горные хребты. Но Петербург ухитрились построить на стыке двух участков огромной равнины с совершенно разной историей. Здесь кончается та часть Восточно-Европейской платформы, где древние кристаллические породы покрыты чехлом отложений. Мягкие отложения рек очень массивны на Русской равнине – от 800 метров до 4 километров¹⁶. Под Петербургом эта часть древней кристаллической платформы поднимается, почти не прикрытая мягкими осадочными отложениями. Это геологическое образование называют Балтийским щитом. Здесь на поверхность выступают породы, возраст которых превышает 2,7 и даже 3 млрд лет.

Некоторые геологи считают, что это ледник содрал чехол осадочных пород, пропахал глубокие борозды в гранитах. Трудно объяснить, почему именно здесь ледник снял с гранитов и унес осадочные породы, а вот южнее почему-то оставил на месте. Ведь ледник и под Москвой достигал толщины в несколько сотен метров, доходя почти до Воронежа. Может быть, и до оледенения Балтийский щит чем-то отличался от остальных районов Восточно-Европейской платформы? Во всяком случае, это ледник обтесал множество валунов. Гладкие красивые камни размером то с голову человека, то с одноэтажный дом украшают берега

бесчисленных озер на Балтийском щите. Быстрые узкие реки соединяют пропаханные ледником ложа озер; озера мелкие, реки порожистые и бурные; они не успели глубоко врезаться в граниты. Ведь только 10 или даже 9 тысяч лет тому назад Балтийский щит освободился от чудовищной тяжести ледника, щит и сегодня продолжает подниматься.

Петербург лежит в пределах Лапландско-Нильского линеамента – то есть колоссального геологического разлома между Восточно-Европейской и Западно-Сибирской платформами. Места таких стыков-линеаментов богаты полезными ископаемыми, но беспокойны – тому виной вулканизм, перемещения больших геологических блоков, разломы, расхождения плит. Эти вытянутые стыки между платформами – нестабильные места.

Географические страны

На территории Петербурга встречаются две географические страны: Скандинавия и Восточная Европа. Каждая страна – это свои особенности геологической истории, особенности рельефа. Земноводный Карельский перешеек с его множеством мелких озер столь отличается от мягких очертаний Пулковской возвышенности, что удивления достойно, как близко друг от друга расположены такие непохожие местности.

Различны даже берега Финского залива. К востоку и северу от Петербурга, удаляясь от устья Невы, встречается типично скандинавское: многочисленные каменистые островки-шхеры, извилистые узкие заливы, ведущие глубоко внутрь суши, каменные гряды, уходящие от берега в море. Под Териоками, переименованными в Зеленогорск, берег почти такой

же, как под Стокгольмом. А к западу от устья Невы начинаются песчаные откосы, дюны с растущими на них соснами – такие же, как под Пярну и под Юрмалой, – это Восточно-Европейская равнина обрывается в Балтийское море.

Ландшафтные границы

Каждая из географических стран – свой набор животных, растений, даже рыб. Петербург оказывается на стыке множества ареалов распространения растений и животных. Различия между этими странами видны чуть ли не зрительно – потому что через Петербург проходит граница ландшафтов.

К северу от города не растут смешанные леса. Лишь сосняки разных типов шумят на карельских гранитах – то чистые, моховые на песчаных гривках, то травянистые, в местах более низких и лучше увлажненных. Благородный олень и соня в исторические времена не водились севернее Петербурга, а глухарь – к югу от города. Вообще-то географы не считают сосновые леса тайгой. Но очень многие петербуржцы безразличны к этим тонкостям и говорят, что ходят за белыми и красными грибами в лес, а за рыжиками – в тайгу.

Север русской равнины осваивался так же, как и вся остальная территория русского этноса. Но не случайно же именно на Карельском перешейке русские жили мало и неохотно. Там преобладало финское население, а когда оно... ну, скажем обтекаемо: когда оно исчезло после Зимней войны 1940 года, все равно водно-таежный Карельский перешеек осваивали так, как исторически заведено. И сегодня тут маленькие селения, отдельные росчисти, бедные поля, а больше – луга и покосы, окруженные сосновыми лесами.

Петербург – это географический пункт, из которого доступна и Русская равнина с ее плавно текущими, сильно петляющими реками, округленными формами рельефа, уютными березовыми колками, полями и скотом, пасущимся на тучных лугах; и строгий каменисто-земноводный мир Скандинавии, мир молчаливого хвойного леса, бурных мелких речек; мир, освоенный человеком лишь частично. Мир семги, лосей и сосен.

Долина Невы

Большая часть Петербурга и его окрестностей находятся в долине Невы. Долиной реки называют всю местность, которую сформировали ее воды – неважно, в какие времена. Пойма – та часть долины, которую каждый год заливают талые воды. Это не русло, река тут постоянно не течет, но несколько недель в году стоят талые воды.

Нева – короткая река, всего 74 километра, но она – одна из самых полноводных рек Европы. Через Неву уходит в море большая часть воды, вылившейся на весь Русский Север с дождем и снегом. Это молодая река. Всего 4 тысячи лет назад не было на свете никакой Невы. Тогда на месте Балтики плескалось Литориновое море; воды этого моря стояли выше вод современной Балтики на 7–9 метров. Ученые до сих пор спорят о причинах этого явления. Одни ученые считают, что когда отступил ледник, земля стала подниматься. Ведь ледник над современным Петербургом имел высоту порядка 1000 метров. Чудовищная тяжесть исчезла, и почва возвысилась. Это не воды Литоринового моря стояли высоко, это суша была ниже¹⁷. Другие полагают, что 4 тысячи лет назад на всей планете было теплее. Льды Гренландии и Антарктиды таяли сильнее, чем

сегодня, и уровень воды в Мировом океане был выше. Кто прав – сказать очень непросто.

Что известно точно – так это что Ладожское озеро долгое время было заливом Литоринового моря. То ли местность поднялась, то ли море опустилось – но озеро оказалось отделенным от моря. Воды с огромной территории стекали в Ладогу, накапливались, и наконец прорвались новой рекой – Невой. Устье Невы всего на 4 метра ниже истока, но долина ее широка – порядка 20 километров. Река много раз меняла свое русло, прокладывая новую дорогу к морю.

Вдоль Невы на многие километры тянулся пойменный ландшафт – заливные луга, заросли кустарника, редкие огромные деревья, сумевшие противостоять напору воды во время разливов и в наводнения. Таковы были все острова в устье Невы, все земли вдоль воды – до того, как русские переселенцы превратили пойменный ландшафт в сельскохозяйственные угодья. Ведь большая часть территории Петербурга была распахана уже во времена Великого Новгорода.

Еще один ландшафт, созданный застойными водами Невы, не находящими пути в море – болота. Число их и площадь сильно преувеличены молвой (послушать старых петербуржцев, так Петербург полностью стоит на болотах), но все же под болотами и сегодня находится 2 % территории Ленинградской области.

Получается, что смешанный лес, тайга, заливные луга, пойма, болота – это ландшафты, представленные на очень небольшой территории. Все эти места доступны, они находятся в пределах досягаемости и конного, и пешего.

Стыки народов и культур

Как ни важны природные, геологические и географические пределы, но ведь границы расселения народов, распространения культур, даже государственные рубежи – это ведь тоже границы различного организованных территорий. Петербург удивительно всажен в «контрастные» природные ландшафты. Но точно так же он с великим искусством словно бы «поселен» в давно освоенную финно-угорскими народами территорию, лежит между финнами и эстонцами. Сотни тысяч петербуржцев в начале XX века были, как тогда говорилось, «чухонцами».

Территория, где возник Петербург – крайний восток немецкой Ойкумены. В отличие от поздних переселенцев времен Екатерины II – «вольгадойчей», обитателей Поволжья и Алтая, «остзеедойчи»¹⁸ вовсе не считали себя жителями «чужбины». Со времен Орденос селились тут мирные крестьяне, торговцы и ремесленники. Прибалтика – территория спорная; в ней вечно соревновались две этнокультурные системы европейского масштаба: русская и немецкая. Представители обоих суперэтносов имели все основания считать территорию своей. Даже в древнем русском городе Пскове в XIX – начале XX века до трети населения составляли немцы. Они называли его «Плескау» – в названии оживает древнее название города: Плесков. Основанный Ярославом Мудрым Юрьев снова стал русским университетским городом с немецким названием Дерпт.

В Петербурге много мест, связанных с немцами, с их домами, рестораничками, с местами их компактного расселения, с их легендами. Первое название Миллионной – Немецкая улица. И германский, и финно-угорский мир были представлен в Петербурге немалым числом жителей, многими проявлениями своей культуры.

Существовали в городе и голландская колония¹⁹, и шведская²⁰.

Город столичный и портовый

Всякий крупный город – а тем более город торговый, портовый, привлекает гастарбайтеров, купцов, а то и проходимцев из весьма далеких территорий. В Петербурге очень рано поселились французы, итальянцы и англичане, персы, турки и арабы. И как специалисты, и как «деловые люди». Подобно всякой столице империи, Петербург привлекал представителей всех объединенных империей народов, всех окраин. Грузинская, армянская, греческая колонии, мусульмане разных национальностей, даже буддисты свободно жили в городе, имели свои храмы, активно участвовали в жизни Петербурга. Огромная мечеть в Петербурге сравнима по размерам с мечетью Омара в Иерусалиме.

Как и всякая столица, тем более столица могучего государства, Петербург становился местом жительства весьма различных иноземцев – хотя бы получивших политическое убежище французских эмигрантов, бежавших от якобинцев. Вокруг всех посольств и представительств складывались национальные колонии. Число национальных и культурных границ росло стремительно, увеличивало контрастность. Сейчас даже трудно представить себе, каким Вавилоном был Петербург в начале XX столетия. Горожанин оказывался не только между Скандинавией и Восточно-Европейской равниной, не только между болотами поймы Невы и шхерами карельского побережья, – смесь философий и воззрений, сказок и песен разных народов выплескивалась в туманное небо, как петергофский фонтан.

Границы такого рода непрочны! Империи разваливаются. Столицы совершенно не обязательно остаются столицами. Направление торговых путей рано или поздно меняется. Все три изменения произошли на наших глазах: Петербург больше не столица, не торговый город, не центр империи мирового значения.

Смесь народов и культур изрядно поубавил «отец всех народов», по крайней мере народы Европы – немцы, эстонцы, французы – оказались при нем вроде бы виновными в том, что имеют какое-то отношение к «мировому империализму». Город от них старательно очищали и в конце концов почти полностью «избавили». В начале XX века до 200 тыс. из 2,5 млн жителей составляли представители европейских народов: так, шведов было 3 тыс., англичан – 2,2 тыс. человек. В то же время из восточных народов многочисленны были только татары и армяне: в 1910 году татар жило примерно 7 тыс., армян – 2 тыс. человек. Сегодня англичан, голландцев и французов в Петербурге нет, численность немцев не превышает 4–5 тыс., а поляков – 6–8 тыс. человек.

Численность восточных диаспор вообще крайне трудно оценить, потому что сами представители этих народов сообщают совершенно другие цифры, по сравнению с официальными. По официальным данным в Петербурге постоянно проживает примерно 200 тыс. армян, 100 тыс. грузин и 200 тыс. азербайджанцев. Еще около 450 тыс. человек живут в качестве временных рабочих. А если принимать всерьез утверждения глав этих общин, то одних узбеков в Петербурге живет до 750 тыс., азербайджанцев – до 800 тыс. человек. Остается констатировать факт, что население Петербурга на 10–30 % состоит из представителей восточных народов. За 100 лет произошел резкий крен из многообразия европейских диаспор к такому же многообразию – но азиатских.

При этом природная контрастность геологических структур и географических ландшафтов никуда не исчезла. Также и контрастность, вызванная столкновением тут миров финской, скандинавской, русской культуры, неизменно присутствует в городе.

Вопрос – каковы могут быть последствия этого для населения города?

Глава 5. Город - патогенная зона

Через город проходят четыре активных разлома ЛапландскоНильского линеамента. Активный разлом – это линия, по которой расходятся геологические пласты. Или расходятся в разные стороны, или опускаются / поднимаются. В местах таких разломов геологически неспокойно, среда часто и сильно меняется.

«Сейсмо-геодинамическая активизация влечет за собой изменение состава атмосферы из-за притока газов, силы тяжести, магнитного поля, низкоамплитудных импульсивных электромагнитных излучений», – давайте переведем это с профессионального языка: над активными разломами, пока края их расходятся, меняется течение геофизических, геохимических и энергетических процессов. То есть становятся иными как раз базовые, физические и химические характеристики среды; причем меняют облик неоднократно.

Геологически активные разломы

Люди в Петербурге все время как бы инопланетяне – они дышат воздухом, несущим разные элементы таблицы Менделеева, пьют воду, состав которой непредсказуем, срывают одни и те же растения с разным химическим составом; магнитное поле на их планете постоянно меняется (пусть незначительно), а тела пронизывают разные излучения разной интенсивности.

Естественно, с этими людьми начинает что-то происходить. Ведь они уже и химически, по составу своих бранных организмов, и физически начинают отличаться от остальной популяции. В какой-то степени

это и правда инопланетники – вовсе не в переносном и не в шуточном смысле.

«Итог этих изменений – возникновение внешне немотивированных и непредсказуемых поведенческих реакций, механизмом которых можно считать скрытые суммационные очаги возбуждения, сформировавшиеся на уровне подсознания. В итоге это приводит к снижению у человека способности адекватно реагировать на действия окружающих и, как следствие, к формированию психогенного напряжения у населения и прибывающих контингентов».²¹ Переведем еще раз: у людей, живущих над активными разломами, на подсознательном уровне изменяются реакции на окружающее. Люди напрягаются, реагируют на поведение окружающих неадекватно. Некоторые из них становятся попросту полубезумны, а то и вообще опасны.

Да к тому же еще эти замечательные разломы влияют и на качество родившихся над ними детей! Не пугайтесь – влияют не всегда отрицательно. Часть малышей как раз сильнее сверстников – в том числе и психологически. Другая же часть не только склонна к заболеваниям, рождается с различными отклонениями в развитии и патологиями. Такие ребята склонны к антиобщественному поведению, к наркотикам, пьянству.

Здоровье детей напрямую зависит от качества родительских организмов. Сильные особи еще более усиливаются, а слабые «выбраковываются» в результате изменения иммунной и гормональной регуляции гомеостаза организмов. В общем, области геологически активных разломов – это места, где ускоряется естественный отбор. Как прямо говорил Вячеслав Александрович Рудник на конференции, посвященной памяти Л. Н. Гумилева, – это зоны естественного отбора.

Называя вещи своими именами, часть людей в таком месте приобретает новые положительные качества, –

такие, которые способствуют выживанию. А у других появляются, наоборот, качества, которые все вернее и вернее обрекают их на быстрое исчезновение. Если и не самих этих людей – то уж наверняка их детей и внуков. Существуют весьма разные мнения по поводу того, существуют ли вообще геопатогенные зоны, а если существуют, то какое воздействие оказывают.

Вообще-то выводы о действии таких зон на человека поддержаны серьезным статистическим исследованием: в домах, расположенных над разломами, в два раза повышается заболеваемость ишемической болезнью сердца, в полтора раза – гипертонической болезнью, как результат смертность в этих зонах в 2,3 – 2,5 раза выше, чем за их пределами. Обращаемость взрослых в поликлиники возрастает в 2,3 раза, детская заболеваемость в 2,0 – 2,2 раза, заболеваемость детей лейкозом в 3,5 раза, а таким врожденным пороком, как болезнь Дауна, – в 4 раза.

Рассматривая медико-геоэкологические карты, нельзя пройти и мимо следующего факта. За пределами зон разломов, но на небольшом (100–300 м) удалении от них отмечаются участки жилых массивов из 3–15 домов с населением до 1000–2000 человек, где за 3–4 года не зафиксировано ни одного заболевания раком. На этих же участках практически отсутствует детская смертность, заболевания детей лейкозом и врожденными пороками развития.

Если зоны активных разломов в полосе их влияния, занимающей в Санкт-Петербурге от 30 до 60 % территории, можно с полным основанием рассматривать как «геопатогенные» для человека, то выше рассмотренные участки, на долю которых приходится всего 5–10 % площади, вероятно, и являются благоприятными («благостными») для человека»²².

С точки зрения практической получается так: в Петербурге надо ожидать рождения большого числа

гениев, одаренных людей, нестандартных личностей самого разного плана. А одновременно – появления множества уродов, алкоголиков, полусумасшедших и сумасшедших, чудиков и фриков. Но ведь именно это мы и наблюдаем на протяжении всей истории Санкт-Петербурга! Мы видим здесь как появление Менделеева и Гумилева, так и дьячка, лично общавшегося с кикиморой. В наше время это город ученых и художников – но и город наркоманов и психопатов.

При этом четыре разлома проходят по территории Петербурга вовсе не одинаково. С геопатогенной точки зрения территория Петербурга разнородна! По Руднику, вредны для обитания 5 % территории Петербурга. По Мельникову – уже от 30 до 60 %. Но 5–10 % территории составляют зоны «геоселюберогенные, или наиболее благоприятные для создания рекреационных областей и районов, а также для строительства детских лечебных учреждений».

Грубо говоря – кому как повезло; ведь жители Петербурга в своем большинстве и понятия не имеют об этих активных разломах, а уж тем более о том, живут ли они в «ультрагеопатогенной» или в «геоселюберогенной» зоне.

Пойма Невы

Пойма большой реки – всегда сложное место для поселения. Русло изменчиво – то оно проходит вдоль одного борта долины, то вдоль другого. Старые русла, из которых ушла вода, заносит песком и глиной. Стоя на современной поверхности земли, можно и не заметить, где проходило русло 3 или 5 тыс. лет назад. Но эти захороненные русла совсем не безобидны: над ними развиваются геопатогенные зоны. Число онкологических и сердечных заболеваний там возрастает в десятки раз.

Нервно-психические патологии – классическое детище геопатогенных зон.

Причем границы этих явлений очерчиваются настолько точно, что у жильцов одного подъезда пятиэтажки могут прослеживаться все последствия жизни в геопатогенной зоне, а в соседнем подъезде люди будут жить так же спокойно, как за тысячу километров.

Приходится признать: геопатогенные зоны – это не зловредная выдумка из серии «а у вас аура прохудилась» или «давайте мы вам чакру поправим». Геопатогенными зонами занимаются серьезные ученые с академическими степенями.

Если здесь когда-то было русло большой реки – то и геопатогенная зона большая. Если захоронено русло маленькой речки (Карповки, например) – то и вреда не в пример меньше. А в пойме огромной Невы с ее притоками и притоками притоков... Боюсь, что весь Петербург – сплошная геопатогенная зона. А скорее – сложнейшая вязь геопатогенных зон разного размера. Зон, оказывающих на людей воздействия разные по масштабам, но всегда нехорошие.

Глава 6. Город как урочище

Город – не точка на карте, это пространство, территория. Петербург – это некая целостность, и через эту целостность проходят разного рода границы. Необходимо уметь как-то разделять ее, вычленять в ней разнообразные пространства.

В ландшафтоведении хорошо известны такие «нецельные целостности» – урочища²³. Термин этот применяется вообще-то в двух значениях:

1. Как всякий участок земной поверхности, чем-то отличный и выделенный среди остальных. В этом смысле и сосновый бор среди полей, и расчищенное среди леса поле – это урочище. Разумеется, в этом смысле и город – вообще всякий город – может рассматриваться как урочище.

2. Как сопряженная система элементарных ячеек ландшафта – фаций. В ландшафтоведении фация – это участок поверхности земли, характеризующийся полным единством всех компонентов ландшафта: материнской породы, микроклимата, водного режима, почвы, биогеохимических циклов, фауны и флоры. Урочище – сопряженная система таких фаций.

В этом смысле далеко не всякий сосновый лес – непременно урочище. Даже большой массив соснового леса с одним типом травяной растительности, на одном типе почв, одинаково увлажненный на всем протяжении и с одним составом видов животных – это не урочище, а фация.

Вот если в одном, даже небольшом месте (допустим, на склоне холма) соединяются сосновые леса с разным подлеском (брусничные и травяные), состав подпочвы различен, встречаются поляны, а склон холма

спускается к речке (то есть форма рельефа, склон холма соединяет много различных фаций) – тогда это урочище.

При любых обстоятельствах любой город – не одна фация. В городе всегда есть районы с застройкой различного типа. Всегда есть улицы и площади; обязательно должны быть здания разного назначения – то есть с разным режимом использования; непременно есть выходы к воде или колодцы, акведуки и т. д.; очень часто в городской черте есть хотя бы небольшие сельскохозяйственные угодья. Городская территория всегда организована сложно и включает много фаций.

Междисциплинарный межпредметный подход

Наверное, не все читатели внутренне готовы к применению подобных терминов. Слишком глубоко внедрилось в сознание людей: есть разные отрасли знания, смешивать их нельзя. В каждой науке и отрасли знания – свои термины, свой понятийный аппарат. Применять их можно только в этой отрасли: нельзя говорить о человеке как природном объекте – это «ненаучно». Нельзя говорить о лесах и полях как о текстах, которые надо прочесть. Тем более, глубоко «ненаучно» говорить о разуме природы или о выборе путей развития, который совершает река.

К счастью для всех и для науки, в конце XX века сложилась другая наука. Как и полагается в жизни специалистов, одни поносят ее на чем свет, другие отрицают ее существование, но есть и третьи, которые данными такой науки пользуются. Это направление называется не очень просто: постнеклассическая наука... В действительности это не очень важно, но посудите сами – не мог же я не сказать, как она называется и какие страсти кипят вокруг постнеклассической науки²⁴.

А в данный момент для нас главное – ни в XIX-м, ни в первой половине XX века наука не могла объяснить, чем удивителен Петербург. Теперь такая наука есть. Уже знаменитый физик Нильс Бор в 20-е годы XX века ввел понятие «принцип дополнительности». Чтобы полнее понять любой объект, говорил Бор, нужно одновременно рассматривать его средствами разных научных дисциплин. Нужно увидеть объект изучения с разных сторон и позиций. И чем больше позиций, тем полнее полученное знание²⁵.

А еще есть и «принцип относительности», введенный в науку Альбертом Эйнштейном. Согласно этому принципу объект – то, чем мы его считаем. В начале XX века для многих ученых было шоком, что элементарную частицу света допустимо считать и волной, и частицей. Ничто не будет ошибкой: можно считать и частицей, и волной, все в полном порядке²⁶.

Но тогда и город можно считать центром науки, экономическим центром и ландшафтом одновременно. В любом случае – никакой ошибки. Согласно принципу относительности город – это и точка на карте, и пространство, и общность людей, и экономический центр, и центр культуры и науки. С точки зрения принципа дополнительности, чем больше таких взглядов с позиций разных наук, тем точнее наше знание о городе. Такой подход и называется межпредметным междисциплинарным – то есть лежащим вне одной научной дисциплины, основанным на соединении данных разных научных дисциплин. Такой подход необходим при описании таких сложных объектов, как общество, и таких сложных процессов, как глобальная эволюция²⁷.

Петербург – это часть экономической инфраструктуры России, и изучать его должна экономика? Да... Но это часть истины. Петербург – это центр науки, и его изучением должна заниматься

культурология? Да, это еще одна часть истины. Петербург – важнейший город русской истории, им должна заниматься история? И это тоже истинная правда. Часть этой правды. Петербург – географический объект, изучать его должна география? Конечно, и такой подход полезен.

Изучение города как ландшафта, в котором обитает человек; как антропогенного урочища, действительно не принадлежит к числу «общепринятых, стандартных и даже распространенных»²⁸. Но такая возможность уже появилась; отказаться от такого взгляда на город означает получить о нем заведомо неполную информацию.

Уклонение от истины начинается не там, где появляется еще один ракурс, а там, где он объявляется единственно возможным, единственно правильным. Истина же тем полнее, чем больше взглядов с позиции разных наук бросим мы на Петербург. Чем больше наук для изучения города используем – тем получим не только больше знаний – но тем точнее поймем, что же такое Петербург.

И еще скромно замечу, что без географии мы все равно не поймем, что же происходит с людьми в Петербурге. Потому что обитают люди не в экономических инфраструктурах, не в культурах и социумах, а в домах, на улицах и площадях. То есть в географическом пространстве, в урочище. Формирование их отношения к миру происходит именно здесь, на улицах, площадях и внутри зданий. Без изучения Санкт-Петербурга как антропогенного ландшафта многие стороны его организации, истории, современной жизни, перспективы развития просто невозможно понять.

Антропогенное урочище

В. Н. Топоров первым подошел к тому, чтобы использовать географические понятия в своем анализе. Для него Аптекарский остров – это урочище; Топоров понимает этот термин исключительно как «особенное» или «отличное» место и описывает происходящее на Аптекарском острове исключительно в традициях гуманитарных наук. Владимир Николаевич применил новый метод – и потому смог многое, чего не могли его предшественники; однако применил метод непоследовательно, не пошел до конца, и потому многое упустил.

Топоров хорошо показал, кто собирался на Аптекарский остров, в это особенное место, почему там встретились именно такие люди и что из этого получалось. Но он не рассказал, что именно происходило с этими людьми на Аптекарском острове. Менялись ли они оттого, что здесь жили? Вопросы даже не поставлены. Тем более, Владимир Николаевич не описал Аптекарский остров как пространство, в котором обитает человек.

А ведь давно уже существует такой раздел географии, как антропогенное ландшафтоведение. Населенные пункты в этой дисциплине рассматриваются как особый тип ландшафтов – селитебные ландшафты. Стоит применить аппарат ландшафтоведения к исследованию городов – и многое, непостижимое до сих пор, становится понятным, вполне доступным для анализа.

Санкт-Петербургское городское урочище состоит из множества связанных между собой антропогенных фаций. Каждая антропогенная фация – порождение и природы, и человека.

Если даже одинаковый тип застройки распространяется в разных географических ландшафтах – уже возникают разные антропогенные фации. «Шлакоблочные пятиэтажные дома, связанные

заасфальтированными дорожками и с пустырями между ними» могут находиться и в Петербурге, и в Крыму. А в Петербурге они могут располагаться на субстрате Карельского перешейка, поймы Невы, Васильевского острова... Каждый раз образуются новые фации.

Глава 7. Контрастность, мозаичность, вариативность

Среда, в которой оказывается человек в Петербурге, исключительно неоднородна. Но назвать такую среду «контрастной» уже не повернется язык. В этом слабость и многих рассуждений Л. Н. Гумилева. У него получается, что новые этносы возникают «на границах», но ведь возникновение этносов, культур и городов происходит не на абстрактном белом листе, который пересекают столь же абстрактные линии границ. В реальности мы имеем перед собой территорию, пространство, и по этому пространству проходят границы разного рода областей. Причем каждая граница тоже имеет свои размеры, а «зона стыка» – некую ширину. «Зоны стыков» двух географических сред могут быть такими большими, что возникает, например, спор о сущности лесостепи. Что это: граница между лесом и степью, или самостоятельная географическая зона?

Территорию Петербурга, конечно, можно назвать и контрастной, но этого недостаточно. Ведь территория эта является не просто местом пересечения разных границ, но неким единством, некой целостностью, важной и самой по себе, независимо от границ, тут проходящих. Вероятно, для таких целостностей нужно применить другой термин, который бы показывал именно внутреннюю неоднородность урочища. Такой термин – мозаичность, подчеркивающая неоднородность единого географического контура.

То же самое можно сказать и о Петербурге – множество различных фаций, разнообразные урочища от Кировского завода до Адмиралтейства. И все это – один Санкт-Петербург.

Емкость ландшафта

Застройка всех городов многообразна – хотя и в разной степени. Многие города располагаются на каких-то ландшафтных границах. Чем сложнее застройка и чем больше природных границ – тем больше возникает и фаций, этих элементарных ячеек городской среды. Разное число и в разной степени контрастирующих между собой антропогенных фаций делают городскую среду более или менее мозаичной. Чем мозаичнее территория – тем больше разнообразных ландшафтов можно увидеть на ней. Для описания таких явлений в географии широко применяется термин «емкость ландшафта». Чем больше территорий с разными характеристиками включает урочище, чем многообразнее условия внутри данного контура – тем выше его емкость.

Не только степи и леса могут быть в разной степени емкими, это касается деревень и городов. Везде одинаковая, безликая городская застройка производит удручающее впечатление. Емкость такого селитебного ландшафта очень низка; хорошо, если городок маленький – в какую сторону ни пойдешь, скучные невыразительные пятиэтажки быстро «кончатся». В Москве и в Петербурге порядки таких пятиэтажек могут тянуться на километры.

В Норвегии после Второй мировой войны шло массовое расселение в стереотипные индивидуальные дома. Был случай, когда городской муниципалитет вынужден был заставить всех владельцев домов вывесить на воротах портрет хозяйки! Дело в том, что многие малыши не могли найти свой особняк, возвращаясь из школы... Конечно же, емкость такого городского ландшафта ничуть не выше, чем темнохвойной тайги в Западной Сибири. Сравнительно с

другими городами, Санкт-Петербург представляет собой чрезвычайно емкий антропогенный ландшафт.

Уникальность

В Санкт-Петербурге все время приходится оговаривать, что вот это сооружение единственное, а это урочище – исключительное в своем роде. Поэтому введем еще один термин не из числа общепринятых: уникальность, или, чтобы было «научнее» – феноменологичность ландшафта.

Конечно, любая точка поверхности Земного шара уникальна. Но все же два участка широколиственного леса могут быть очень похожи – пусть один из них находится в Германии, а другой – в штате Висконсин, в США. А такие географические феномены, как Ниагарский водопад в Северной Америке или каменные выходы Экстерштайн в Германии – явления действительно уникальные. Нигде в мире нет больше ничего подобного.

Города редко ставятся на местах, где присутствуют уникальные памятники природы. Жители Красноярска справедливо гордятся выходами сиенитовых скал – так называемыми Столбами. Столбы имеют причудливые формы, это старый, с прошлого века, пункт отдыха горожан. Их хорошо видно с левого берега Енисея, из старой части города.

Как правило, памятники природы находятся далеко от населенных человеком мест, движение к ним затруднено. А тут – памятник природы непосредственно в городе!

Петербург – не единственный город, расположенный на реке шириной от 600 до 1200 метров. Но это единственный большой город, раскинувшийся на такой широкой, полноводной, и притом такой короткой реке.

Из 74 км протяженности Невы 38 приходится на город. Конечно же, уникальный облик городу придает далеко не только это обстоятельство. Кроме Невы, ее дельты, побережья Финского залива, валунов и наводнений, в Санкт-Петербурге много уникальных объектов, созданных руками человека.

Кремли и соборы есть в большинстве старых русских городов, но нигде нет Петропавловской крепости, Казанского собора, Зимнего дворца и Адмиралтейства. Это – уникальные сооружения, каким нет прямого подобия на Земле. Спас-на-Крови – прянично-московское сооружение. Таких храмов в стиле нарышкинского барокко – десятки в столице. Уникальность памятника именно в том, что он «перенесен» в Петербург.

Улица Марата или Василеостровские линии мало отличимы от любой средневропейской улицы в любом другом городе. Временами останавливаешься с изумлением: а почему это Петербург? Это же похоже на Берлин... Или на Краков? Непонятно... Тем более заурядны районы стандартной застройки в Автово или в Калининском районе. Но обычное есть везде. В Петербурге же много такого, чего нет нигде, никогда не будет и быть не может. Да еще эти уникальные места сопряжены между собой, образуя целые урочища – тоже совершенно уникальные. С балюстрады Исаакия можно увидеть Сенатскую площадь, Медного всадника и Стрелку Васильевского острова с Двенадцатью коллегиями и Менделеевской линией. С Дворцовой набережной отлично видны и Петропавловская крепость, и стрелка Васильевского острова.

Почти весь центр Санкт-Петербурга – уникальное и очень емкое городское урочище.

Неизбежность мозаичности

Очень важная особенность Петербурга: ядро городской застройки, состоящее из уникальных городских урочищ, находится на самом «шпиле» стыка ландшафтных сред, на самой точке пересечения природных границ.

Город растет; появляются районы с другой, более современной архитектурой, строятся дачные поселки, входят в городскую среду города-спутники. Но разрастание петербургской городской агломерации приводит не к сокращению, а только к усилению мозаичности. Во-первых, потому, что расширение города абсолютно в любую сторону, куда бы он ни рос, не разрушает изначально заданного уровня мозаичности, не делает ландшафт менее емким и уникальным, пока сохраняется центр. Если же возникают новые урочища и фации, мозаичность города в целом только растет. Во-вторых, петербургская агломерация реально может разрастаться только в географическом контуре, границы которого заданы городами-спутниками. Они изначально, согласно державному замыслу, составили единую с самим Петербургом систему сопряженных городов.

Движение города вдоль южного побережья Финского залива идет в направлении Петергофа. Разрастание на юго-запад или юг, на более высокие и удаленные от моря, более «крепкие» места, может вестись только в сторону Ропши и комплекса Царского Села, Павловска и Гатчины. На восток, в сторону Ладоги, не выходя из поймы Невы, – в сторону Петрокрепости.

Даже если осушить мелководье Финского залива и строить на обнажившемся дне или специально сделанных насыпях, это только приблизит зону городской застройки к Кронштадту. К северу от Петербурга нет таких исторических городов-спутников, «метящих» границы агломерации. Но и там, как бы дополняя планы XVIII века, появилось множество дач – в том числе дач известнейших людей, законной славы

Петербурга. И получается – разрастаясь по Карельскому перешейку, Петербург будет приближаться к Пенатам Репина...

Петербург обречен расти в тех же, давно заданных, географических рамках. Именно в них появляются все более разнообразные антропогенные ландшафты.

Этот вывод исключительно важен для судеб Санкт-петербургского городского урочища. Получается, что при любом теоретически возможном росте города в любом из направлений не только уровень мозаичности по крайней мере сохранится, а скорее всего и возрастет. Так же точно сохранится и емкость, и уникальность исторически сложившегося ландшафта.

Глава 8. Месторазвитие

Не всем людям так уж нравится обитать в емком урочище, где постоянно что-то происходит, двигается, развивается. Это неудобно, потому что заставляет все время напрягаться, думать, совершать какие-то действия, – гораздо чаще и больше, чем хотелось бы многим.

В однородном ландшафте (или в наборе похожих друг на друга) жить спокойнее. На человека тогда оказываются более однонаправленные, а потому и более понятные воздействия. Такие влияние легче «просчитать». Нужно затрачивать меньше внимания, меньше усилий на понимание происходящего вокруг, совершать менее разнообразные поступки.

Для жизни в однородном ландшафте даже количество информации, которой должен владеть человек, меньше, а язык, отражающий реальность, проще. Живя в просто устроенном городке посреди леса или на берегу степной речки приходится учитывать один тип рельефа, один климат, один набор животных и растений. Еще хорошо, если городок населяют люди одного народа, – тогда и различия между народами принимать во внимание не нужно.

Петербург отбирает

Чем мозаичнее ландшафт – тем больше факторов приходится учитывать. Чем более емкий ландшафт – тем интенсивнее, напряженнее в нем жизнь. Правда, тем больше и возможностей. Сказывается хорошо знакомый биологам «эффект краевых границ» – возможность использовать свойства разных территорий. «Использовать» для человека не обязательно значит

«кормиться»; это может значить и возможность познавать, развиваться.

Поселившись в Петербурге, человек обречен жить одновременно во множестве разных ландшафтов. Тут соединяется множество мест, в каждом из которых человек чувствует себя по-разному. Разные фации и тем более уникальные урочища влияют на него каждое по-своему. В Петербурге живет немало людей, для которых основным местообитанием становится один из уголков города или определенный набор «своих» мест; а в других они стараются не бывать – им если и неплохо в этих местах, то ничто в них и не влечет.

Вне Петербурга эти группы людей никогда бы не встретились: одни обитали бы на побережье моря, другие же и близко не подошли бы к нему; одни чувствуют прилив энергии при одном виде прозрачного озера, валунов на берегу, сосен... другие терпеть не могут запаха смолы. В Петербурге же все они волею-неволей оказываются в сопряженных пространственных структурах. Человек, постоянно живущий на Аптекарском острове и купивший дачу в Парголово, имеет соседа по лестничной площадке, у которого дача – на Сосновом озере и который ни за что не поедет в Парголово. А соседом по даче у него оказывается обитатель Выборгской стороны или Васильевского острова. В каждом из этих случаев речь идет о выборе «своего» индивидуального набора антропогенных урочищ для обитания данной семьи. Само многообразие и возможность выбора из этого многообразия, теоретически доступного всем, воспитывает.

Жизнь в мозаичном ландшафте сводит вместе тех, кто в однородном никогда бы не встретился. Речь не только о совместном бытии людей разных народов. Но и о том, что в однородном ландшафте люди подбираются психологически, духовно адаптированные именно к данной однородности – и уже поэтому более похожие

друг на друга. В мозаичном ландшафте население многообразнее – и потому жизнь в нем требует большей терпимости, большего принятия иного, непохожего человека. Если угодно – большей пластичности.

К тому же выбирать можно не только место жительства и профессию, но и свое «интеллектуальное урочище». Таких научных, гуманитарных, медицинских, научно-технических урочищ в Петербурге необычайное множество – изолированных и сопряженных. Описанное В. Н. Топоровым «литературное» и «богемно-интеллектуальное» урочище Аптекарского острова, говоря мягко, – не единственное. Обитание в таких «интеллектуальных урочищах» тоже можно выбирать.

Мозаичный ландшафт отбирает людей с определенными психофизиологическими характеристиками – наиболее способных к тому, чтобы учиться многому, замечать многое и различное, не бояться нового.

Из числа людей, которым будет предоставлена равная возможность поселиться в Санкт-Петербурге, выделятся более активные, более расположенные к многообразию впечатлений, к динамичной жизни, к интенсивной деятельности, к учению, к узнаванию нового, приобретению опыта. Чем глубже новый петербуржец будет обладать этими качествами – тем лучше ему покажется на новом месте. Тем больше потенциальных возможностей обитания он сумеет использовать. Тем больше причин будет у него гордиться Петербургом и самим собой, противопоставлять «цивилизованную» петербургскую жизнь «скучной», «однообразной», «грубой» жизни в других местах – в том числе в тех, откуда вышла его семья или откуда приехал он сам.

Петербург воспитывает

Петербург сам по себе, в силу заданных свойств городского ландшафта, формирует «заданные» качества своего населения. Сначала он отбирает людей, которые хотят и могут жить в этом ландшафте. А потом качества, уже генетически заданные этими людьми своим детям, поддерживаются и усиливаются – всем строем петербургской жизни, даже его площадями и переулками. Желания царей, сановников или «гениальных строителей светлого будущего» здесь ни при чем. То есть начальственные лица могут хотеть решительно чего угодно, предпринимать какие угодно усилия в любом направлении. Но действует ландшафт точно так же, как любой природный фактор: его невозможно организовать, им невозможно управлять.

Теперь становится понятно, что же происходит с российской культурой, создавшей Санкт-Петербург и начавшей в нем развиваться. Этот город – место в ареале русской культуры, где собираются активные люди. Для многих из них самореализация, участие в творчестве – не забава, а органическая потребность. Жить без творчества они просто не могут. Естественно, именно в таком месте будут возникать новые образцы культуры, разрешаться поставленные в ней вопросы. Здесь появятся те, кто будет всю жизнь что-то исследовать, изобретать, писать, выдумывать.

В ареале любой культуры есть места, в которых она только функционирует; и есть такие, в которых она развивается. Например, в городе Луга или Старая Русса особых культурных взлетов не зафиксировано. Самара или Нижний Новгород уже являются местами развития культуры. Собственно, для таких мест давно придумано специальное слово: «месторазвитие». Его впервые употребил П. Н. Савицкий²⁹ и широко использовал П. Н. Милюков как синоним «местообитание»³⁰. Л. Н. Гумилев применял термин в несколько ином значении – как место

с «контрастными ландшафтами», в котором только и может происходить рождение новых этносов³¹.

Гумилев вовсе не считал месторазвитием всю территорию России. Он конкретизировал термин Савицкого и Милюкова и придал ему несколько иное значение. По его мнению, в месторазвитиях рождались этносы – особые природные сущности, не имеющие никакого отношения к общественной жизни³².

Я применяю термин месторазвитие в ином смысле. Я не уверен, что в Петербурге рождается новый этнос, но вот рождение в нем новых форм культуры доказуемо, хорошо известно и, в общем-то, довольно очевидно. Для меня месторазвитие – это емкий ландшафт, возникший на границах различных сущностей. Это участок поверхности Земли, на котором время течет убыстренно. Это место, в котором ускоренно идет развитие и неживой, и живой, и мыслящей природы. То есть история геологических объектов, биологических сущностей, и история людей в месторазвитии протекает быстрее.

Санкт-Петербург – такое место, в котором всегда и любая культура будет развиваться убыстрено. То, что бродит в культуре, что существует в ней – порой как неясное ощущение или эмоция, – раньше всего скажется в Петербурге.

Петербург – русский город, и потому здесь раньше всего взрывается то, что бродит во всей русской культуре. Тут выражается то, что хотели бы сказать словами и делами все россияне. Петербург – социоприродный феномен; построили его люди, почти такие же, как мы. Но построенное сразу начало жить автономной жизнью феномена. Так обретает собственную судьбу статуя, картина или книга. Так начинает жить своим умом сотворенный нами ребенок.

Великий город стал городом русской модернизации – потому что русские в XVIII–XIX вв. этого очень хотели. Об

этом говорили и думали, этому хотели посвятить жизнь. Город усиливал желанья, помогал облекать неясные мечтания в слова, превращал еле проговоренные намерения в поступки. И потому в нем родились и русский анархизм, и коммунизм, и русский нацизм. Родилась «беспредметная живопись», движения митьков, битников и много еще всякого безумия. В нем всегда рождалось то, чем было беременно массовое сознание. В 1990-е годы Петербург предстал «криминальной столицей» России. Спорить не буду – очень может быть, ведь Петербургу предназначено положение лидера, и уж коли пошла волна криминализации – как же ему остаться в стороне?! Но еще в большей степени Петербург – культурная столица России.

Если когда-нибудь Санкт-Петербург населит другой народ, с другой культурой, – и тогда Санкт-Петербург останется месторазвитием. Какие идеи будут реализовываться в нем, какие стремления овладеют его обитателями – об этом можно только догадываться.

Ведь Санкт-Петербург – явление, находящееся вне контроля человека. Это сущность, не зависящая от наших желаний или нашей воли, лишь в малой степени постигаемая нашим разумом.

Внутри отдельных урочищ

Легко заметить не только существование «интеллектуальных» урочищ. Есть небольшие участки застройки, даже отдельные дома, где ярко проявляется «повышенная концентрация» проживающих в нем необычно большого числа выдающихся личностей.

Конечно, в Петербурге за его историю жило такое количество людей необычных, чем-либо выдающихся, талантливых или сыгравших исключительную роль, что

исключением из правила является скорее дом в историческом центре Петербурга, в котором не жил никакой известный человек. Конечно, существуют «служебные» дома Академии наук – по улице Профессора Попова, 2 (дом сотрудников Императорского Ботанического сада), Профессора Попова, 5 (здание Электротехнического института), по Дворцовой набережной, 32 (здание, отданное Государственному Эрмитажу, где жили многие его сотрудники). Естественно, в таких ведомственных домах концентрация выдающихся личностей выше.

Но и помимо этого на 8-й и 9-й линиях Васильевского острова есть дома, где на 30–40 квартир приходится несколько мемориальных досок. До 60 мемориальных досок могло бы быть размещено на Толстовском доме, в котором 300 квартир.

И архитектор Толстовского дома³³, и многие из его обитателей разного времени широко известны и упоминаются во множестве исследовательских работ, мемуаров и литературных произведений. Сводка, предпринятая в двухтомнике «Толстовский дом»,³⁴ далеко не полна. Собрания научных работ Э. И. Слепяна, собрания сочинений М. А. Булгакова и А. Т. Аверченко говорят сами за себя, имя Н. П. Акимова увековечено в названии театра Комедии, выпущены его теоретические труды³⁵, сборник его живописных работ³⁶.

По-видимому, не только Петербург в целом, но и его отдельные улицы или каким-то образом порождают, или чем-то привлекают ярких людей.

Глава 9. Урочища в урочище

Санкт-Петербург - антропогенное урочище. Но внутри этого громадного города очень хорошо прослеживаются другие урочища - поменьше. Во-первых, «...Старые города имели социальную и этническую дифференциацию отдельных районов.

В одних районах жила по преимуществу аристократия (в дореволюционном Петербурге аристократическим районом был, например, район Сергиевской и Фурштатской), в других - мелкое чиновничество (район Коломны), в третьих - рабочие (Выборгская сторона и другие районы заводов, фабрик, окраины).

Этими же чертами отличались и дачные местности (например, в Сиверской жило богатое купечество; квалифицированные мастеровые проводили лето на даче с дешевым пароходным сообщением - по Неве, а также на Лахте, около Сестрорецкой железной дороги, и пр.). Были кварталы книжных магазинов и букинистов (район Литейного проспекта, где со времен Н. А. Некрасова располагались и редакции журналов), кинематографов (Большой проспект Петроградской стороны) и др.»³⁷.

Тут, как мне кажется, Д. С. Лихачев смешивает два явления: расселение по сословно-классовому принципу и удивительную концентрацию разных видов интеллектуальной жизни города в каких-то местах.

Еще можно как-то объяснить причины, в силу которых аристократия жила на Фурштатской, а рабочие поближе к фабрикам и заводам. А вот почему немцы выбрали именно Васильевский остров? Может, инородцы стремились как-то отделиться, хотя бы рукавами Невы,

может, остров был для немцев чем-то вроде замка с поднятыми на ночь мостами?

Совершенно не настаиваю на верности именно этой догадки – но в любом случае приходится иметь дело с некими иррациональными представлениями людей.

Уже совсем непостижимо: почему, по каким законам возникали в городе районы кинотеатров, кварталы букинистов, проспекты редакций журналов? Какая сила привязывала издателей к Литейному проспекту? Это понять совсем непросто, а быть может – и вовсе невозможно.

А еще внутри Санкт-Петербурга независимо от сословных районов и мест концентрации профессиональной деятельности есть участки, отвечающие одному из понятий урочища.

Особенные участки застройки

Встречаются территории, на которых застройка однотипная – и в то же время отличается от окружающей. Если сосновая роща посреди степи может быть названа урочищем, то ведь тогда и застройка пятиэтажными шлакоблочными зданиями с обширными пустырями и заасфальтированными площадками и дорожками на месте соснового брусничного бора на субстрате карельских гранитов – это тоже антропогенное урочище. Особенно если со всех сторон – девятиэтажная застройка, и этот участок выделяется.

Или, допустим, каменные жилые здания середины – конца XIX века с дворами и хозяйственными постройками (дровяными сараями, конюшнями), центрированные вокруг брусчатой мостовой на месте смешанных дубово-сосновых лесов с травяным подлеском на маломощных каштановых почвах.

Урочища возникают и там, где застройка возникла примерно в одно время и окружена зданиями других эпох. Причина появления такого острова обычно очень проста, даже прозаична: в этом месте стали селиться люди примерно одного сословия, класса, имущественного состояния. Такие урочища могут быть крайне различны в каждую эпоху и к тому же быстро меняются исторически. Но и природные урочища не вечны; холм, покрытый соснами, луг и бор в излучине реки, леса и луга на одном из островов Невы – все это с ходом времени неизбежно исчезнет, изменится, превратится в другое урочище. В масштабах жизни человека оно почти вечное, но это если мерить одну сущность сроками жизни другой – гораздо более подвижной.

Если же говорить о творениях рук человеческих, то кто сказал, что антропогенное урочище должно быть так же долговечно, как и природное? Совершенно необязательно. Скорее, наоборот: созданное человеком быстрее возникает и быстрее исчезает.

Нецельные целостности

Отдельные небольшие урочища складываются там, где участки городской застройки (пусть разного времени, разного назначения) объединены вокруг какого-то важного элемента городского ландшафта: крупной улицы, площади, аллеи или набережной.

Дворцовая площадь – это урочище, потому что это – сопряженная система фаций городской застройки: мощеной площади, разного типа строений вокруг, арки Генерального штаба, Александрийского столпа, Зимнего дворца. Точно так же и Исаакиевская площадь – нецельная цельность площади, аллеи, газонов, Медного всадника, Исаакиевского собора, Англетера. В качестве

городских урочищ можно рассматривать и Невский проспект, и Университетскую набережную, и площадь Восстания.

Между всеми этими урочищами нет четкой грани, переходы между ними проницаемы... Но разве этого нельзя сказать и о природных? Из одинокой сосновой рощи посреди луга мы без особого труда выйдем к холму, на одном склоне которого растут дубы, а на другом – кустарник. Так же с Дворцовой площади мы легко выходим на Невский через арку Генерального штаба. Из урочища в урочище.

Комплексы сооружений

Для Санкт-Петербурга очень типичны огромные сооружения и комплексы сооружений – дворцов, храмов, учреждений общественного назначения. Каждый такой комплекс включает здания (часто очень различные) и разным способом организованные участки окружающего пространства – то есть отвечает всем признакам урочища.

Такие «городские урочища общественного назначения» по сути дела уникальны. Это касается и Зимнего, и Петропавловской крепости, и Менделеевской линии, и Меншиковского дворца, и Михайловского замка. К числу таких урочищ относятся и городские парки – и Летний, и Таврический, и Ботанического института, и рекреационный комплекс на Каменном острове.

Аничков дворец – комплекс одноэтажных, но все же различных зданий, площади двора и парка. Ботанический институт – огромный парк, в котором находятся оранжереи, а также девять зданий, возведенных в разное время, в разном стиле и разного назначения. Все эти сооружения объединены только

тем, что все это – Ботанический институт Императорской академии наук, а потом – Академии наук СССР.

Можно поставить весьма интересный вопрос, разрешение которого явно невозможно в масштабах этой книги: о том, как на территории города сопрягаются эти небольшие уникальные урочища. И друг с другом, и с массивами жилой застройки. Ведь соединение нескольких образуют столь потрясающие места, как Стрелка Васильевского острова; комплекс сооружений по улице профессора Попова – Электротехнический институт, стадион, окрестности телевизионной вышки; территориально сопряженный комплекс из нескольких зданий Ботанического института и Ботанического сада, оранжерей и парка.

Интеллектуальные урочища

Наверное, самый сложный для понимания тип урочищ Петербурга – как раз те, о которых писал Д. С. Лихачев. Мало того, что по неизвестной причине букинисты, театралы и издатели выбирают разные места города для своих занятий.

Более того: «в городах и пригородах существуют районы наибольшей творческой активности. Это не просто места жительства представителей творческой интеллигенции, а нечто совсем другое. В определенные кусты собираются «места деятельности», куда тянет собираться, обсуждать проекты, беседовать; где обстановка располагает к творческой откровенности, где можно быть «без галстука», быть во всех отношениях расторможенным и в своей среде. Примечательно, что тяга к творческому новаторству возникает там, где появляется группа потенциальных или действительных единомышленников. Как это ни парадоксально на первый взгляд, но новаторство

требует коллективности, сближений и даже признания, хотя бы в небольшом кружке людей близкого уровня. Хотя и принято считать, что новаторы по большей части люди, сумевшие подняться над общим мнением и традициями, это не совсем так. К этому стоит приглядеться»³⁸.

Д. С. Лихачев даже наметил наличие в Петербурге в первой четверти XX века районов различной творческой активности. «Четкая «интеллектуальная граница пролегла в Петербурге первой четверти XX века по Большой Неве. По правому берегу, на Васильевском острове, располагались учреждения с традиционной академической научной и художественной направленностью – Академия наук с Пушкинским домом, Азиатский музей, Кунсткамера, Библиотека Академии наук, являвшейся в те годы значительным научным центром, Академия художеств, Университет, Бестужевские курсы и... ни одного театра, хотя именно здесь, на Васильевском острове, на Кадетской линии с 1756 г. стал существовать первый профессиональный театр – Театр Шляхетского корпуса, – того корпуса, где учились М. М. Херасков, Я. Б. Княжнин, В. А. Озеров и др. Иным был интеллектуальный характер левого берега Большой Невы <...> причем различие правого и левого берега Большой Невы ясно осознавалось в свое время»³⁹.

Когда поэт Виктор Жирмунский переселился на другой берег реки, Б. М. Эйхенбаум написал:

Ты был свидетель скромной сей работы.
Меж нами не было ни льдов, ни рек;
Ах Витя, милый друг! Пошто ты
На правый преселился брег?

Если переселение одного из «своих людей» трактуется чуть ли не как предательство – за этим должны стоять достаточно серьезные причины. Разумеется, причины чисто иррациональные... Но ведь эти причины существуют. Примерно в той же логике у Топорова Аптекарский остров – место, где удивительным образом концентрировались люди искусства и богемы.

Все эти наблюдения, конечно же, очень неопределенны, нечетки, выделенные районы не имеют строгих очертаний. Авторы видят, что какие-то части города играют особую роль, именно в них концентрируются интеллектуальные силы, собираются люди с общими творческими интересами. И только. В чем тут дело, почему только этот район города привлекает именно эту профессию или творческую группу? При современном уровне развития науки мы это даже предположить пока не в состоянии.

Но независимо от нашего понимания или желания-нежелания понять – интеллектуальные урочища в Санкт-Петербурге были и есть. Иногда можно выделить даже «урочища отдельных профессий». Скажем, в 1970–1980-е годы «урочищем археологов» был вытянутый треугольник между историческим факультетом Университета, Кунсткамерой на Васильевском острове (одна точка), Эрмитажем и Институтом археологии на Дворцовой набережной. Большая часть петербургских археологов жила не здесь – но в этом, почти мистическом, треугольнике, археологи работали и общались⁴⁰. Дом Ученых, где любили встречаться «за рюмкой кофе», находится как раз между Эрмитажем и Институтом археологии. Одно время молодежь любила собираться в кафе возле Исаакиевской площади (то есть почти не выходя за пределы «археологического треугольника»), но дальше как-то не забиралась.

Прослеживаются и урочища других профессий – по крайней мере за существование «урочища ботаников» и

«урочища геологов» я ручаюсь. Не зная деталей, рискую напутать: скажем, не поручусь, имело ли «урочище ботаников» форму четырехугольника или треугольника. Но тенденция несомненная.

Что еще важно подчеркнуть – быстроту возникновения и исчезновения таких урочищ, их непрочность. Ведь и правда – если даже такое интеллектуальное урочище возникло из-за каких-то особенностей архитектуры в этой части города (что очень трудно и понять, и доказать), то такое урочище не оказывает никакого влияния на архитектуру. Что изменилось оттого, что именно в этом полуподвале было кафе «Бродячая собака»? Да ничего!

Скорее, удивления достойно, что Васильевский остров как 150 лет назад, так и сейчас – место жизни и работы академической интеллигенции. Впрочем, где же еще базироваться академической интеллигенции, как не вокруг Университета и Библиотеки Академии наук? Это уже не мистика, а результат планировки города в целом.

Структура урочища в целом

Исторический центр города – урочище, которое резко выделяется среди более поздней застройки. Адмиралтейская часть – урочище второго порядка, отделенное от всего остального города Невой и Мойкой.

Внутри урочища второго порядка выделяются такие комплексы, как Дворцовая набережная, Невский проспект, комплекс Зимнего дворца, Адмиралтейство.

В комплексе Зимнего дворца четко выделяется само сооружение – Зимний, Дворцовая площадь, Адмиралтейский проезд.

В Адмиралтействе – само сооружение, Адмиралтейская набережная, Александровский сад. Все это пример урочищ четвертого порядка.

Урочище первого порядка	Урочища второго порядка	Урочища третьего порядка	Урочища четвертого порядка	Урочища пятого порядка
Санкт-Петербург	Адмиралтейская часть; Петроградская сторона; Выборгская сторона; Петергоф (примеры можно умножать)	Невский проспект; Петропавловская крепость; Комплекс Зимнего дворца; Дворцовая набережная	Зимний дворец, Дворцовая площадь, Адмиралтейство; Меншиковский дворец; Казанский собор; Толстовский дом	Усадьбы, то есть жилые многоквартирные здания с прилегающими участками и элементами инфраструктуры; двory Толстовского дома

Примеры такого рода можно умножать до бесконечности. Природные, географические урочища тоже могут быть иерархическими, но на примере Петербурга видно, до какой степени сложно по структуре и иерархично крупное антропогенное урочище.

Глава 10. Город-эпоха

Выделять этапы развития чего бы то ни было – неблагодарное занятие. Любую классификацию и любое выделение этапов раскритикуют. Выделение этапов я провожу чисто рабочее, просто, чтобы сделать понятнее и логичнее свое изложение. Я не настаиваю ни на выделении именно таких этапов, ни на их принятии:

Петербург в 1770 году
Петербург в 1840 году
Петербург в 1889 году
Петербург в 1913 году
Петербург в 1939 году
Петербург в 1980 году
Петербург в 2013 году.

Эпохи формирования урочища

Первый этап – это предыстория урочища. До 1769 года город уже есть, а известного нам городского урочища еще нет. Здания, возведенные до 1763 года, позже включались в новую городскую среду. При этом вся функциональная застройка Петербурга 1703–1769 годов – и производственная, и жилая, сознательно не сохранялась.

На втором этапе, в 1770–1830-е годы, начал формироваться тот Санкт-Петербург, который мы знаем, а точнее говоря – смысловое и композиционное ядро современного города. Возник логичный ансамбль с общей структурой и единством архитектурных стилей.

Городское урочище в этот период невелико: 150–240 тыс. человек жили на сравнительно небольшой площади, от примыкающих к основному руслу Невы

частей Петроградской стороны до Фонтанки и от Смольного монастыря до 26-й линии Васильевского острова. Большая часть Аптекарского и Васильевского острова, пространства за Фонтанкой образовали пригороды.

От этого периода тоже почти не сохранилась функциональная архитектура – только отдельные строения. Почти не уцелела деревянная архитектура периода; такие здания – скорее исключения из правила.

В этот период возникли ансамбли городов, исторически сопряженных с императорским Санкт-Петербургом: Петергоф – Ораниенбаум, Гатчина, Царское Село, Павловск. Их приходится рассматривать фактически как неотъемлемую часть городского урочища того времени.

На третьем этапе, между 1840-ми годами и 1917-м, Санкт-Петербург стал по-настоящему громадным городом, охватывая весь Васильевский, весь Аптекарский, Каменный, Елагин и более мелкие острова. Сфорсировалась Выборгская сторона как район каменной 3–6-этажной застройки. Границы города расширились, он достиг современных окрестностей Лесного проспекта на севере, Обводного канала на юге.

Даже функциональная застройка этого периода – промышленные предприятия, каменные многоквартирные (доходные) дома в основном сохранилась. Тем более интересна застройка новых урочищ культуры типа больниц, учебных заведений, учреждений науки – комплекса Медицинского института на Петроградской стороне, Ботанического института, Электротехнического и Технологического институтов.

Сформировались многочисленные пригороды, которые не считаются «историческими», но застройка которых интересна не только в историко-культурном, но и в архитектурном и эстетическом смысле: Териоки, Вырица и многие другие.

На четвертом этапе, в 1930-1950-х годах, продолжалась традиционная застройка каменными сооружениями в стиле модерн и сталинского неоклассицизма, или сталинского ампира. Масштабы жилой застройки сравнительно невелики. Намного интенсивнее велась промышленная застройка, создание громадных предприятий - Электросилы, ЛОМО, Путиловского (Кировского) заводов.

Пятый этап, 1950-1980-е годы, - время возникновения многочисленных районов, застроенных в основном функциональными сооружениями разного назначения и многоквартирными жилыми домами. В это время возникло порядка 40 % территории современного города, застроенной промышленным способом. Это сооружения, в которых основные несущие конструкции выполнялись из металла и современных материалов, а не каменной кладкой.

«Исторический» Петербург, возникший на первых трех этапах, сохранился как ядро города. Созданное на четвертом этапе - попытка продолжения этого ядра... Она составила не более 15-20 % территории Петербурга.

Теперь вокруг исторического ядра вырос город, равный историческому по площади, а к 1970-м годам превзошедший историческую часть по населению. В этом новом городе сформировались новые городские урочища.

Возникли и новые, сопряженные с Петербургом города, застроенные тем же способом, а исторические города (Гатчина, Петродворец и другие) на удалении от исторического центра обзавелись окраинами, выполненными в том же стиле.

В городах-сателлитах тоже возникли новые урочища 2-5 порядков.

Шестой этап, начавшийся в 1990-е годы и продолжающийся до сих пор, трудно характеризовать - он далеко не закончен.

Новые городские урочища 5–6 порядков бывает трудно изучать еще и потому, что они не привлекают особого интереса и считаются менее важными. Притом, что огромный процент современного населения Санкт-Петербурга проживает именно в них.

Сегодня внутри охранной зоны ЮНЕСКО обитает порядка 750–800 тысяч человек. Не все историческое ядро города вошло в границы охраняемой зоны. Но и с учетом этого в историческом ядре Петербурга живет не более 1 млн человек.

Памятник восьмидесяти лет

Петербург изначально мыслился как город – символ новой эпохи. Трудно сказать, что вкладывал Петр I в понятие «новая эпоха». Петербург состоялся как символ петербургской эпохи в русской истории (1721–1917).

Но город, который мы знаем, создавался с 1769 года, тогда Екатерина II утвердила план регулярной застройки. Реализация этого плана определила планировку и архитектурный облик Петербурга – по крайней мере, его центральной части. Петербург строился и формировался добрые 200 лет. Три плана застройки города аккуратно сменяли друг друга. Но центральная часть Петербурга и сейчас выглядит такой, какой она была создана с 1769 года.

Если бы современный житель Санкт-Петербурга или хорошо знающий его приезжий перенеслись на машине времени в 1740-й или 1750 год, они бы не узнали города. Почти нет знакомых строений, а знакомые имеют другой облик. Даже Петропавловская крепость до перестройки 1830-х годов имела совершенно иной вид. Городские ансамбли организованы совсем непривычно; все площади и почти все улицы какие-то «не те».

А вот перенесясь в 1850-й, даже в 1840 год, наш современник обнаружил бы тот же самый, привычный город. Стоя возле Адмиралтейства или прогуливаясь по Дворцовой набережной, Пушкин и Гоголь наблюдали примерно ту же самую картину, что и мы с вами. Проводов для троллейбусов и фонарных столбов не было в тогдашнем Петербурге... Но были коновязи, вполне напомиравшие фонарные столбы. Единственный незнакомый элемент города составили бы плашкоутные, а не каменные мосты через Неву.

Таковы факты: Петербург, который мы знаем, реально начали строить с 1760-х годов и построили где-то к 1840-м. Примерно за 80 лет.

Памятник шестидесяти лет

Примерно 60 % исторического Петербурга выстроили еще быстрее - с 1860-х по 1917 год. Это не императорский - это мещанский, интеллигентский, пролетарский Петербург. Это - памятник исторической России, но не ее аристократической части.

Улица Профессора Попова или набережная Каменного острова и сейчас почти точно такие же, каковыми их видели их тот же Попов, Тимирязев, Вернадский, Бутлеров... Здания университета таковы, что очень легко представить себе - вот сейчас из-за угла вынырнет Менделеев...

А весь город в целом - памятник петербургского периода русской истории.

В сознании (и подсознании) людей оказались слишком прочно спаяны три весьма разных явления:

1. Петербург как знамя исторического периода (город отождествляется с эпохой);
2. Петербург как знамя культуры петербургского периода русской истории (город отождествляется с

развитием культурного типа, который развивался не только в Петербурге);

3. Петербург как реально существующий город – однажды возникшее и существующее до сих пор, застроенное домами и населенное пространство.

Эти явления почти не различала русская эмиграция. Г. Иванов – едва ли не единственный человек этого круга, который любил Петербург до катаклизма. Но и для весьма равнодушного к этому городу В. Ходасевича; и для легкомысленной по молодости лет И. Одоевцевой; и для И. Куприна, чьей деятельной натуре ближе была теплая, динамичная южная Россия; и для космополита А. Вертинского – стоило им оказаться вне России, олицетворять ее стал именно Петербург.

Потому что Петербург был столицей? А разве для многих современных россиян, окажись мы навсегда в Китае или в Австралии, символом России станет Москва?

Явления срослись так плотно, что последнее время в «интеллектуальных» кругах принято скорбеть о «конце Петербурга», понимаемом именно как конец петербургского периода русской истории. Но даже эти рассуждения имеют косвенное отношение к городу Санкт-Петербургу. Исторический период канул в Лету – но город-то остался на месте и даже пострадал не очень сильно. Он продолжает играть в российской истории свою великую и загадочную роль.

Вечное присутствие эпохи

«Мгновенно» возникшая архитектура создает еще один удивительный эффект – эффект вечного присутствия петербургского периода русской истории.

В любом другом городе житель или приезжий поставлены перед самой городской историей, воплощенной в камне. В Москве вы проходите мимо

церковки XV века, видите дом сталинского модерна, упираетесь в псевдоклассицизм дворянской усадьбы начала XIX века, стоящей рядом с пятиэтажкой 1950-х годов... Таковы Волхонка, Моховая, Неглинная... большинство улиц и улочек в старой части города. В Москве динамика городской среды очевидна; она видна как раз потому, что все градостроительные периоды и культурно-исторические эпохи причудливо перемешаны. Все периоды «на месте», но каждый из них представлен небольшим числом объектов. Он не погружает в себя, не заставляет думать о себе, не подчиняет себе настоящее.

Не таков Петербург. В центре города мы попадаем в огромный ансамбль - в тот самый Петербург, который возник с 1769-го по 1917 годы. Любой современный житель города или приезжий поставлен перед этим - каким угодно, но только не современным городом.

Вот еще один контраст Петербурга - между современностью и этим историческим ансамблем.

В Петербурге вообще очень хорошо видно, какой она была, Российская империя. Не сусально-пряничная матушка-Русь, не идиллическая Россия, которую мы потеряли, а реальная и далеко небесконфликтная Россия - с царем и народовольцами, со студентами и монахами, с потрясшими Европу учеными и грязными юродивыми, вычесывающими на паперти вшей. Этот «дух России» через городской ансамбль очень хорошо передается всем. И современный человек поставлен перед теми, кто населял город века и поколения назад. Перед петербургским периодом нашей истории.

Глава 11. Каково жить в Петербурге

Действительно, хорошо ли жить в Петербурге? Или, скажем так: лучше ли жить в Петербурге, чем в Ярославле или во Пскове? Ответим сразу: в материальном отношении, конечно же, жить в Петербурге хорошо.

Но насколько уютно в Петербурге в смысле материальном, настолько же неуютно в плане душевном. Порой просто поразительно неуютно. Жизнь в Петербурге чревата напряженностью, страхом, неуверенностью, тревогой. В этом смысле жить в Петербурге намного менее комфортно, чем в Ярославле или во Пскове. Или, скажем, в Ростове-на-Дону.

Комфортно ли здесь жить?

Источники напряжения жителей Петербурга очень разные, и часто на одного человека действует по нескольку причин одновременно. Каково тем, кто поселился, сам того не ведая, в ультрапатогенных районах?!

Ну, Петербург как зона естественного отбора действует ведь не на всех. Есть все же в городе не только ультрапатогенные, но и геоселюберогенные области. Причем геоселюберогенные даже преобладают по площади. Но ведь и обитателям вполне комфортных мест ненамного лучше: на их глазах происходит «распад» жителей буквально соседней улицы. С генетическим шлаком в виде убийц, проституток, воров, идиотов разного сорта приходится иметь дело им самим и их детям.

Но даже если повезло, если семья сыграла с городом в рулетку – и выиграла. То есть если живет она вне

всяких патогенных зон – и на эту семью обрушиваются все явления, связанные с северным положением Петербурга. Эти явления особенно остро воспринимаются недавними выходцами из глубины России, а их ведь большинство в каждом из поколений жителей Санкт-Петербурга. Кто сказал, что русские только однажды пережили шок оттого, что попали на север? Эти первые, основатели и строители города, их потомки – малая толика, исчезающе малая часть жителей Санкт-Петербурга.

Повторюсь: точно такой же шок переживала большая часть обитателей Санкт-Петербурга в каждом из населявших его поколений.

«До тех пор [до приезда в Санкт-Петербург] я никогда так ясно не представлял себе, что значит с е в е р н о е положение России и какое влияние на ее историю имело то обстоятельство, что центр умственной жизни на с е в е р е, у самых берегов Финского залива... – писал князь Кропоткин. – Как известно, Петербург – единственный из крупных городов, который лежит в зоне явлений, способствующих возникновению и развитию психофизиологического шаманского комплекса и разного рода неврозов».

Ну, допустим, Петербург не единственный в истории крупный город, лежащий в зоне «этих явлений» – Стокгольм, Хельсинки, Копенгаген, Упсала и Осло тоже находятся не совсем в тропиках. Но Санкт-Петербург – единственный в истории город, в который постоянно приходит новое население – приходит из мест, где «таких явлений» не бывает. Те, кто переселился в Стокгольм из деревень Смоланда или маленьких городков провинции Скараборг, родились и выросли на той же широте. Для них-то никакого шока не происходит.

Петербург – это еще одна граница внутри России – граница средней полосы умеренной зоны и севера.

Санкт-Петербург – это место, в котором люди средней полосы постоянно, из поколение в поколение, сталкиваются с севером.

В напряженном поле идей

Кроме того, переселенец оказывается в напряженном поле идей. Каждое сооружение, каждый памятник несет что-то свое... Нового петербуржца обступают воплощенные идеи. Даже если он ничего не знает ни о самих идеях, ни об их воплощениях, эти идеи – пусть искаженные, пусть обрывками – все же проникают в его подсознание. А чем образованнее человек, тем сильнее действуют на него эти идеи, заставляя все время думать, осмысливать, переживать.

К тому же идеи, среди которых живет петербуржец, разнообразны. Огромен диапазон мнений, суждений, оценок; ничто не остается бесспорным или абсолютно точно установленным. Взять хотя бы оценку Петра I, основателя города в мифе массового сознания. От «он бог, он бог твой был, Россия» – и до антихриста. Поди разберись...

А разбираться приходится, потому что не может же человек вообще никак не отвечать на важнейшие вопросы, которые ставит перед ним сама жизнь. Кто такой Петр? Благо ли жить в Петербурге? Быть ли ему и правда пусто? Человеку приходится или принимать какие-то идеи – а тем самым отвергать все другие (и делать это совершенно сознательно), или, если хватит умственной мочи, выращивать свое, собственное понимание происходящего.

Примеров этого «выращивания своего» можно привести миллион. Покажу один пример: Ф. А. Степун писал в автобиографическом романе: «Какой великолепный, блистательный и несмотря на свою

единственную в мире юность, какой вечный город. Такой же вечный, как сам древний Рим. И как нелепа мысль, что Петербург, в сущности, не Россия, а Европа. Мне кажется, что по крайней мере так же правильно и обратное утверждение, что Петербург более русский город, чем Москва. Во Франции нет антиФранции, в Италии – антиИталии, в Англии – антиАнглии. Только в России есть своя антиРоссия: Петербург. В этом смысле он самый характерный, самый русский город».

Что сказать по этому поводу? В одном небольшом абзаце – и сколько совершенно индивидуальных, сомнительных, соблазнительных, вызывающих желание спорить, скорее всего неверных идей. А это – лишь один небольшой пример, не более.

Соблазн домысливать

Не всякий человек участвует в создании и достраивании Петербурга. Но всякий живущий и даже всякий достаточно долго пребывающий здесь испытывает ту же экзистенциальную тревогу, что и Росси, и Монферран, и Воронихин.

Напомню, что именно «сообщает» город самим фактом своего пребывания на краю российской земли и своей планировкой:

- неуловимость «главного»;
- противопоставление искусственного, созданного людьми, и природного;
- эсхатологическое мироощущение;
- принципиальная недоговоренность того «текста», который, многократно дописав, послали предки, и который читаем мы;
- необходимость личного, индивидуального прочтения этого «текста».

И в XX веке Санкт-Петербург своим расположением, своей планировкой показывает, что он лежит не просто на краю России, но и на краю Ойкумены (случайно ли роман с этим названием Ефремов писал в Петербурге?). Но и на краю мира людей. И на краю материального мира.

В какой бы точке Петербурга вы ни жили, ни работали и ни находились, Петербург ясно говорит, что «главное» находится не здесь – оно всегда где-то в другом месте, неуловимо и неявно; и что вот прямо здесь присутствует нечто, чего вы не знаете и не понимаете. Казалось бы, город предельно устойчив, ясен, и вообще он большой и каменный: прямо-таки символ чего-то основательного, положительного. Но вместе с тем он продуцирует и тревогу, чувство неопределенности. Город не дарует каких-либо прочных гарантий определенности; даже гарантий собственного существования; ощущение «пограничности» всего видимого и происходящего словно испаряется с булыжных мостовых города.

Живущий в городе естественнейшим образом проникается особым беспокойным, ни в чем не уверенным мироощущением. Неявность, скрытость и неочевидность центра, эксцентричность планировки делает урочища Петербурга особенно полисемантическими, создавая обстановку некоей призрачности, зыбкости, неясности границ реального и ирреального.

«Дописывание смыслов» происходит и в профессиональной деятельности. Петербург властно провоцирует на творчество в любой, в том числе и в сколь угодно узкой сфере. Ускоренное развитие культуры в Петербурге и происходит потому, что этот город – урочище культуры – является емким, контрастным, мозаичным, семантически валентным местом. Но особенно властно провоцирует город на

«дописывание» и переосмысление текстов самого места своего обитания или пребывания.

В мире со множеством центров и со смещенными центрами уже известное оказывается непрочным. Пришедшее от предков, полученное ли сегодня положительное знание – всегда только часть возможного.

Кое-что об экстремальных состояниях

Люди обычно отторгают все беспокойное, мятущееся, противоречивое, а любят мягкое, устойчивое, лишённое конфликтов. Но то, что не по душе людям, вполне может нравиться эволюции.

Есть много работ, в которых показано очень четко: развитие и общества, и всего мироздания идет неравномерно и происходит главным образом за счет очень быстрых, но и очень глубоких изменений.

Периоды спокойного развития по определенным, устоявшимся правилам – время накопления разного рода идей, мнений и способов жизни. Но потом наступает короткий, но бурный период экстремальных событий, общество становится «с ног на голову», люди чувствуют себя неуютно и скверно, но зато именно в это время выясняется, что именно из накопленного будет применяться в дальнейшем, а что история выкинет на помойку.

Традиционно люди боятся и избегают экстремумов. Идеалом выступает все-таки инерционное развитие, когда жизнь безопаснее, определенности несравненно больше и нужно затрачивать намного меньше усилий для поддержания жизнеспособности системы.

Но, во-первых, хотим мы этого или нет, инерционное существование нам «не светит». И индивидуальная жизнь человека в нашей цивилизации – это своего рода

«хроническая бифуркация», и все социальные и социоестественные системы Земного шара находятся в экстремальном состоянии и будут пребывать в нем неопределенно долгий срок.

Во-вторых (и тоже вне зависимости от наших вкусов), экстремальные периоды играют определяющую роль в эволюции. Есть старая шутка: если вы любите капитализм, вам надо полюбить конкуренцию и безработицу; а если вы приверженцы социализма, любить надо тайную полицию и дефицит.

Юмор юмором, но человечеству, похоже, предстоит полюбить экстремальные периоды развития, неопределенность и неустойчивость и научиться находить в них разного рода преимущества и удобства. Я совершенно не склонен относиться к этому положению, как к шутке; экстремальные состояния индивида, социума и социоестественной системы уже являются, и тем более будут в дальнейшем повседневной нормой человеческого существования.

Петербург как город, провоцирующий экстремальное состояние и человеческого организма, и человеческой психики... Он играет особую роль не только в истории России, но и в эволюции человечества.

К тому же Петербург сформировался в эпоху Просвещения. В эпоху культа науки. Он – часть мира, который построила наука.

II

**В ПЕТЕРБУРГЕ ЧТО-ТО
НАЧИНАЕТСЯ**

Глава 1. Торжество научнотехнического прогресса

О «свинцовых мерзостях» и об отсталости России наговорено столько, что с удивлением и неверием узнаем: в конце XVIII – начале XIX веков в Петербурге возведены сооружения, говорящие о ее мировом приоритете. В первую очередь – Медный всадник.

Медный всадник - явление в культуре и в технике

Медный всадник – творение не одного Фальконе: в обсуждении концепции памятника участвовали без преувеличения сотни, если не тысячи людей, включая Екатерину II, представителей высшего общества, интеллектуалов, и не только из России. Часто упоминают, что свои суждения по этому поводу высказывали Дидро и Вольтер: Дидро был в Петербурге, с Вольтером Екатерина II находилась в переписке.

Но сооружение это – плод не только символического осмысления российской истории, но и научно-технического прогресса. Медный всадник стоит на колоссальном отесанном булыжнике весом в 2400 тонн. Уже сама по себе эта, доставленная в самый центр Петербурга, отесанная и поставленная на нужное место каменная глыба, – символ покорения природы, подчинения неорганизованного мира болот могуществу человека.

Кстати, современники были возмущены намерением Фальконе обтесать и отполировать грандиозный «Гром-камень», – по замыслу, постамент памятника должен был символизировать дикую природу, побеждаемое цивилизацией варварство. Это – знак победы разума,

воли над дикой природой, и ему, по мнению многих, следовало оставаться как можно более естественным.

Известно, что с самого начала искали камень такого размера, чтобы он один позволил разместить на нем памятник. Сразу найти искомое не получалось, и тогда в газете «Санкт-Петербургские ведомости» было опубликовано обращение ко всем лицам, которые пожелали бы «для постановления монумента гору выломать и привезти сюда, в Санкт-Петербург».

Оказалось, что поставщик строительного камня, казенный крестьянин Семен Вишняков знает о местоположении необходимого монолита. Он давно собирался найти ему применение и даже намеревался для этого расколоть монолит на куски, но само мероприятие осуществить не смог без нужных инструментов.

Что характерно, до сих пор достоверно неизвестно место, откуда взяли «Гром-камень». Указания, что он находился в «лесистом и весьма сыром месте», около деревни Лахта, и что путь камня от места находки до места погрузки его на баржу занял около 8 верст, очень неопределенны. Тем более, что тащили камень не по прямой.

Место, где пребывал «Гром-камень» до перемещения, находили не раз. Все эти места очень недостоверны. Даже громадные куски камня, находящиеся якобы на месте погрузки, вряд ли действительно принадлежат «Гром-камню» – они существенно отличаются по цвету.

Специально для транспортировки камня построили огромную платформу, перемещаемую на специальных параллельных желобах, в которых перекачивалось 30 шаров.

Пришлось разработать специальный процесс подъема камня, чтобы подвести под него платформу. Для проживания примерно 2 тысяч рабочих пришлось

построить целую деревню. Платформу двигали несколькими воротами, а 46 каменотесов обрабатывали камень и во время движения. Для перевозки дождалась морозов и начали путь 15 ноября – чтобы подмерзшая почва смогла выдержать тяжесть.

На берегу Финского залива соорудили специальную пристань. В дно вбили сваи, на которые опустилось притопленное судно: это дало возможность сдвинуть камень с причала на баржу. Дождавшись новой осени, камень привезли в Петербург 26 сентября 1770 года.

Сообщим исключительно важное: «Гром-камень» – это самый большой за всю историю человечества монолит, когда-либо передвинутый и использованный в архитектурных целях. После того как римские инженеры изобрели бетон и строительный раствор, перемещение «циклопических» глыб прекратилось. Невероятно трудная работа по извлечению и перемещению глыб весом в тонны и десятки тонн была необходима, пока не умели складывать сооружения из небольших камней, скрепляя их раствором. Отесывать камни так, чтобы между ними «нельзя было просунуть лезвие ножа», тоже было необходимо только до появления раствора, когда камни требовалось идеально подгонять друг к другу.

Объем крепостных сооружений Константинополя, возведенных в IV веке по Р. Х., и объем знаменитой пирамиды Хеопса примерно одинаковы. Но пирамида сооружена из блоков массой от 2,5 до 3,5 тонн, а крепостные стены Константинополя – из камней массой порядка 6–8 кг.

Перевозка «Гром-камня» стала операцией, многократно превосходящей любые строительные манипуляции в пространстве: до этого никогда не перемещали глыб, весящих больше 100 тонн. Это обстоятельство следует вспоминать всякий раз, когда очередной контактер с инопланетянами или искатель

исчезнувших цивилизаций рассказывает, что только инопланетяне могли построить пирамиды, а человек в древности не мог совершить ничего подобного.

На этот раз перемещение монолита хорошо документировано, а в роли то ли атлантов, то ли инопланетян выступают хорошо известные лица, деятели русской истории. Отметим еще: без преувеличения все образованная Европа с интересом следила, как справятся в России с невероятно трудной научно-технической задачей.

Автором проекта стал глава комиссии по каменному строению в Санкт-Петербурге и Москве, президент Императорской Академии искусств в 1763–1795 годах, инициатор создания Смольного института и Воспитательного дома, личный секретарь императрицы Екатерины II с 1762 по 1779 год, Иван Иванович Бецкой. В Петербурге про Бецкого ходил стишок:

Иван Иваныч Бецкой,
Человек немецкой,
Воспитатель детской,
Носил парик шведской.

Но уважение к этому умнейшему человеку оставалось неизменным во всех классах общества.

Сам памятник весил 8 тонн. Бецкой предлагал изобразить Петра I, стоящего в позе Августа Октавиана с простертой вперед рукой и с жезлом в руке. Екатерина II видела императора восседающим на коне с жезлом или скипетром. Приехавший из Парижа великий мыслитель Дидро полагал, что надо воспроизвести фонтаны Версаля, о которых нам еще придется говорить. Памятник должен был стать фонтаном со статуей Петра I в центре, а вокруг – аллегорические фигуры. Вода же

должна извергаться из ртов лягушек – опять же, как в Версале.

Статский советник академик Якоб Штелин не хотел фонтана и не стремился к тому, чтобы Петра I окружали вкусные для французов лягушки. Но он подробно описывал, что Петр I должен быть изображен в окружении аллегорических статуй Благоразумия, Трудолюбия, Правосудия и Победы. И что сии назидательные фигуры должны попирать ногами другие аллегорические фигуры: Невежества, Лениности, Обмана и Зависти.

Когда Фальконе предложил свой вариант, он всем показался каким-то слишком простеньким. Ни фигуры монарха-победителя в традиционно торжествующей позе, ни аллегорий... Екатерина II первоначально была очень недовольна такой простотой и только постепенно прониклась новаторским для того времени замыслом.

При этом Фальконе предусмотрел немало символов, часть из которых была хорошо понятна в XVIII веке и перестала быть понятной нам. Петр I изображен в некоем очень условном одеянии. По словам скульптора, она «принадлежит всем нациям, всем мужам и всем векам; одним словом, это героическое одеяние». Одежда – символ простоты, символ пребывания вне времени, вне официальных рангов. Вместо седла Петр I сидит на медвежьей шкуре. Это тоже символ – символ России.

Понятнее нам, что лошадь под всадником – символ безмозглой природы, подчиненной воле великого человека. Это прекрасно чувствовал Пушкин с его знаменитой формулой, где Петр I «Россию поднял на дыбы». Так же хорошо это чувствовал Николай I, согласившийся взнуздать коней на Аничковом мосту. Первые варианты скульптур были сделаны намного более «вольными», но эти работы император дарил иноземным королям и окончательно утвердил статуи,

отражающие разные стадии укрощения коней. В сознании интеллигенции надолго утвердилось мнение, что Николай I выразил таким образом ненависть к свободе. В действительности семантика замысла такова же, как и в Медном всаднике. Остальные смыслы «присоединились» уже позже.

В работе Фальконе законодатель и цивилизатор, Петр I, подчеркнута динамичен, простирает вперед руку жестом римского приветствия. У пояса меч – все же воин. На голове – лавровый венок: победитель. Змея под ногами вздыбленного коня представляет одновременно и абстрактные «враждебные силы», и змею – символ сатаны. Все это замечательно, но что получилось?

На коне вскинулось бронзовое существо с лицом Петра в позе Георгия-Победоносца. Царь приравнен к одному из святых?! Говорят, на византийских фресках VI века Иисуса Христа иногда изображали с лицом императора Юстиниана... Тогда Медный всадник – аналогичный по масштабу пример кощунства.

Почти открытое обожествление Петра велось еще при его жизни, и сам Петр очень мало ему препятствовал. Петр присвоил титул «отец отечества», а в религиозной традиции «отцом» может быть только духовное лицо; «отцом отечества» – только глава всей Русской Православной Церкви.

Петр I допускал называть себя «богом» и «Христом», к нему постоянно относили слова из Священного Писания и церковных песнопений (слова, которые относимы вообще-то только к Христу). Так, Феофан Прокопович приветствовал Петра, явившегося на пирушку, словами тропаря: «Се Жених грядет во полунощи». После Полтавской битвы 21 декабря 1709 года Петра встречали словами церковного пения, обращенного к Христу в Вербное воскресенье: «Благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних, Бог Господь и явися нам...».

В более поздние времена, до самого последнего времени, «явление» Петра полагалось считать триумфальным шествием разума и просвещения, рассекающего царство полного мрака. Даже грязь и кровь его эпохи трактовались в романтическом свете – как неизбежность, на которую падает отсвет некоего мрачного величия.

Начинали уже современники Петра. Феофан Прокопович утверждал, что Петр «всю Россию, каковая уже есть, сделал и создал», а уйдя от мира «дух свой оставил нам». Петр Крекшин, один из первых биографов и историков Петра, всерьез продолжал эту линию: «Отче наш, Петр Великий! Ты нас от небытия в бытие произвел». И после Петра не смолкал славословящий хор, причем из людей очень часто умных, деятельных и по заслугам знаменитых.

Историк Татищев утверждал, что всем в своей жизни, а особенно «разумом» он обязан Петру. Кантемир писал «Петриду», посвящал Петру свои поэмы и «вирши». «Он бог твой, бог твой был, Россия!», – восклицал вполне благонамеренный Ломоносов. Примерно так же писал и совсем не благонамеренный Белинский:

Россия тьмой была покрыта много лет
Бог рек: да будет Петр – и был в России свет.

Медный всадник – зримое развитие тенденции превращения Петра в земного бога. Кощунство, смысл которого разделяли на протяжении веков люди очень разных убеждений.

На голове скачущего существа – лавровый венок, которым венчали триумфаторов. Что-то «римское» несет и надпись по латыни на одной и сторон постамента. Почему на латыни? Почему не на немецком, не на

французском? Естественно, Фальконе стремился передать образ Петра-императора. Петра – главы империи, сравнивавшей саму себя с Римской. Отсюда и венки, и латинская надпись «Petro primo – Catharina secunda».

Вторая причина появления этой надписи – амбиции Екатерины II. Императрица не имела в своих жилах ни капли крови династии Романовых. Ее оставалось опираться на дворянство, подкупаемое фантастическими привилегиями, и воображать себя наследницей и продолжательницей Петра I. Этот код малозначим для потомков, но был очень понятен для современников: Екатерина II «делала» себя преемницей Петра, творила законные основания своего пребывания на троне. На одной из складок плаща Петра I скульптор оставил надпись «Лепил и отливал Этьен Фальконе парижанин 1778 года». Но надпись малозаметна и на прочтение образа воздействия не оказала.

Символики отождествления Российской империи с Римской в Петербурге вообще гораздо больше, чем сразу кажется. Д. С. Лихачев справедливо заметил: «Петру бесспорно принадлежит смена всей знаковой системы Древней Руси. Он переделал армию, переделал народ, сменил столицу, перенес ее на Запад, сменил церковнославянский шрифт на гражданский, он демонстративно нарушил прежние представления о благочестивейшем царе и степенном укладе царского двора»⁴¹.

В знаковой системе, нужной для новой империи, огромное место занимают символы, восходящие к Риму: хотя бы использование золотой, солнечной краски. Прежнее знамя Московии – сине-краснобелое, «русский триколор», а на нем – золотой двуглавый орел, было утверждено Боярской думой в 1669 году. Петр поменял геральдику: орел стал черным и держал карты четырех морей. А фон, на котором изображен орел – золотой.

Напомню – золотой цвет был официальным цветом для казенных зданий. Даже здания учебных и научных учреждений окрашивались золотой краской, а «желтый дом» в переносном значении означал «сумасшедший».

Римская символика считалась самой «политкорректной», именно поэтому Петербург украшают в таком количестве посеидоны, нимфы, атланты, которые держат небо на каменных руках, и так далее.

Но возможны и другие понимания, присоединение других смыслов. Святой ли он – всадник, вздыбивший коня на краю дикой скалы и указующий в бездну? Скорее всего, первоначально именно в среде старообрядцев родилась версия, что в облике Петра изображен не кто-нибудь, а один из всадников Апокалипсиса. Всадник, имя которому смерть, и ад следовал за ним. Но кто бы первым ни придумал – монумент вполне можно «прочитать» и таким образом. Даже венки на голове Петра понимаются как языческий символ – ведь римская языческая символика как нельзя более уместна на челе адского существа.

Впервые об этой версии «прочтения» Медного всадника – как всадника Апокалипсиса – я слышал от пожилого родственника, весьма ученого человека. Говорил старик с юмором, немного насмехаясь над «малограмотными старообрядцами», но главное – он об этой версии знал.

Конечно, символика Медного всадника не ограничивается сказанным. Медвежья шкура, на которой сидит Петр, символизирует Россию? Это тоже может стать источником весьма интересных «прочтений». Наверняка существуют, тем более, неизбежно появятся новые культурные коды для понимания этого памятника... Мы уже «читаем» Медного всадника не так, как его «написал» Фальконе, а наши правнуки тоже увидят его иначе, чем мы.

Понимание и воздействие

Независимо от меры нашего понимания Медный всадник действует на нас. На зрителя влияют символы, лежащие в основе композиции памятника. Включаются другие коды, лежащие в более общих, более примитивных пластах культуры, если даже стоящий на Сенатской площади россиянин не слышал никогда о культе Петра – ни о прижизненном, ни о посмертном. Допустим, он никогда не читал строк «...Россию вскинул на дыбы» и понятия не имеет, почему этот исполин назван Медным всадником. Даже тогда действует сама по себе символика: вздыбленный конь, лавровый венок, простертая рука... Все это сообщает человеку ощущение некоего величия – как памятники Древнего Рима. У не ведающего российской истории русскоязычного туземца из глубины России возникнет не логическое понимание, а эмоциональное переживание.

Вместо четкого «Величие Петра – величие российской империи» адресант оказывается в силах понять лишь смутное «величие... неизвестно кого и чего». И трудно сказать, какие фантастические очертания примет российская история в его девственной голове, какими смыслами наполнит он Сенатскую площадь. Еще сильнее будет отличаться «прочтение» текста памятника в культурах европейских народов. «Медный всадник, яр и мрачен, все так же скачет наугад», – писал Адам Мицкевич.

История поставила интересный эксперимент: в России с 1793 года жили 16 японских моряков, потерпевших крушение на паруснике «Вакамия-мару». Император Александр I сделал дружественный жест – вернул в Японию ее людей. Согласились вернуться не все, но четверых согласных передали японским властям 27 марта 1805 года. Японские чиновники подробно

допрашивали вернувшихся, по их рассказам художник сделал рисунки – в том числе Медного всадника. Совершенно очевидно, что часть «текста» японцы не заметили, часть восприняли самым фантастическим образом, а часть этого текста додумали по-своему – ведь они понимали памятник в соответствии со своими собственными культурными кодами.

Так, для японцев постамент памятника показался сложенным из небольших камней, а не гигантским монолитом. По-видимому, японцы «просмотрели» многие символы, очевидные для европейцев, – например, идею борьбы разума и воли с неорганизованной дикой природой. Вообще, чем меньше мы понимаем смысл текста, тем активнее начинаем его додумывать. Попросту говоря, на послания предков потомки, а на послания других народов иноземцы наслаивают свои собственные представления...

Памятник в культуре

Время идет, и потомки забывают часть символов (как забылся смысл медвежьей шкуры). Даже если у них сохраняется полная уверенность, что они знают «все» – это заведомо не так.

Но зато памятник, здание или урочище, понимаемые все менее верно, обрастают шлейфом сведений неточных, вымышленных, но зачем-то нужных для потомков. Изменяется культура, и памятник наполняется новым содержанием. Получается поразительная вещь: потомки «знают» о памятнике больше его создателей – за счет того, о чем автор и не догадывался, но что приросло к «тексту» за все предыдущие случаи его «прочтения».

Мог ли Фальконе предполагать, что его памятник Петру I станет источником жутких историй в городском

фольклоре, а потом вдохновит Пушкина на его знаменитую поэму? Маловероятно...

Александрийский столп - триумф передовых технологий

Первоначально Монферран предлагал установить в память побед Александра I гранитный обелиск высотой 25,6 метра на гранитном цоколе, украшенный барельефами, изображающими собой события войны 1812 года.

Но Николай I однозначно заявил, что памятником покойному брату и его победам в войне 1812 года должна быть именно колонна. Реализуйся первоначальный замысел Монферрана, Дворцовая площадь, приобрела бы совсем другой облик. С одной стороны, это был бы памятник более оригинальный. С другой, постановка именно колонны вписала Дворцовую в контекст европейской культуры.

Николай I указал, что «его» колонна должна быть выше и колонны Траяна в Риме, и Вандомской колонны, которую установил в Париже Наполеон в 1807 году. Монферран создал не только более высокий, но еще и монолитный монумент. Гранитный монолит для стебля колонны выломали в скале, которую нашел сам скульптор в Финляндии. В 1830-1832 годах в Пютерлакской каменоломне, между Выборгом и Фридрихсхавном, выломали гигантскую призму, а после отделения заготовки из этой же скалы вырубili громадные камни для фундамента памятника, до 400 тонн каждый⁴².

На Дворцовой площади, доведя котлован до 5,2 метров глубины - до песчаного материка, уложили фундамент из громадных блоков. Затем с помощью специальных лесов усилиями 2 тысяч солдат и 400

рабочих 30 августа 1832 года всего за 1 час 45 минут колонну привели в вертикальное положение и поставили на фундамент. Число зрителей составило несколько тысяч человек, которые заняли всю площадь, окна и крышу здания Главного штаба.

Когда колонна плавно опустилась и стала на рассчитанное место, площадь взорвалась криками «ура!». Император же громко закричал:

– Монферран, вы себя обессмертили!

И опять Россия продемонстрировала высочайший уровень технологий.

Глава 2. Удивительные приключения ландшафтных парков

Стало общим местом утверждать, что дворцово-парковые комплексы России сложились под прямым и сильным влиянием Франции. С одной стороны, это совершенно справедливо.

Версаль начался с «охотничьего домика» Людовика XII в 1634 году, а знаменитый комплекс сооружался под руководством Людовика XIV с 1661 года и фактически до последних лет его продолжительной жизни. Версаль сделался, во-первых, личной резиденцией короля-солнца и до сих пор является своего рода памятником эпохи его затянувшегося на 72 года правления. Версаль был резиденцией французских королей до 1789 года, но память о личности Людовика Великого до сих пор почитает в Версале. Во-вторых, Версаль – это художественно-архитектурное выражение идеи «абсолютизма», как сказали бы марксисты, или воплощение единства Франции, как предпочитают выражаться французские историки. В-третьих, Версаль – максимально целостное и последовательное выражение типичной для европейского Нового времени идеи «власти человека над природой». Считается, что важнейшим выражением этого принципа стал регулярный принцип застройки, – в нашем случае, принцип организации парков. Внесенная человеком «соразмерность начал» превращала «хаос неорганизованной природы» в нечто безопасное и красивое, гарантированно подчиняющееся разуму и его замыслам, понятное и легко постижимое.

Считается, что крупнейший в Европе дворцово-замковый ансамбль Версаля отличается уникальной целостностью замысла и гармонией между архитектурными формами и переработанным

ландшафтом. Эта мысль традиционна для России – французы о совершенстве Версаля отзываются намного осторожнее. По существу эта «целостность» на 90 % определяется регулярностью. Помимо копирования самих архитектурных форм, Европа заимствовала в первую очередь эту идею.

С конца XVII века Версаль сделался образцом для «королевских городов», то есть загородных резиденций европейских монархов и аристократии. Как прямое подражание Версалю созданы СанСуси в Потсдаме, Шенбрунн в Вене. Вероятно, дворцово-парковые комплексы в окрестностях Петербурга – Гатчине, Ораниенбауме, Петергофе, Царском Селе, Павловске – тоже следует считать таким «подражанием». Но Царское Село, в том числе и его более старая Екатерининская часть, а особенно Павловский садово-парковый комплекс, семантически совершенно иные, нежели Версаль. В структуре и эстетике этих комплексов прослеживается действие иных идей, причем эти идеи заложены изначально.

Создается впечатление, что версальская семантика, или семантика версальских образцов, проникла в Россию при Петре I и быстро претерпела ряд серьезных изменений.

Петергоф

Петергоф создавался в годы, когда формирование версальского ансамбля еще продолжалось. Впервые Peterhof, Петров двор, упоминалось в походном журнале Петра I в 1705 году как «путевой двор» и пристань для переезда на остров Котлин. Но тот Петергоф, который мы знаем, начинался в 1710 году.

В 1710-м же одна из многих мыз – «попутных светлиц» по пути из Петербурга в Кронштадт –

Кроншлот, стала летней императорской загородной резиденцией.

В 1710-е годы здесь начались активные ландшафтные и архитектурные работы по строительству усадьбы Петра I. В 1714 году были заложены Большой Петергофский дворец, Большой грот с каскадами, Монплезир и другие сооружения Нижнего парка. Неподалеку от строительства дворцово-паркового комплекса возникла Малая и Большая слобода, так называемый Старый Петергоф. Это место обитания вовсе не одной аристократии.

Формирование дворцово-паркового ансамбля было в основном завершено к 1723 году. Тогда, в сравнимые с Версалем сроки, возник памятник мировой архитектуры и дворцово-паркового искусства XVIII–XIX веков. Императорская резиденция, а после падения монархии – музей-заповедник.

Петергоф семантически близок к Версалю. Та же регулярность, особенно Верхнего парка. Многие изображения на фонтанах как будто скопированы с версальских. Похожие формы дворца, сходные черты его организации и убранства. Но уже появилось нечто, Версалю совершенно несвойственное.

Во-первых, уровень регулярности Нижнего парка ниже версальской. Деревья тут естественные, все зеленые прямоугольники, растительные шары и лабиринты остались в более раннем Верхнем парке. Во-вторых, органичной частью дворцово-паркового комплекса стали включенные в него естественные рощи и побережье Финского залива.

Стремясь воспроизвести, а в чем-то и превзойти Версаль (нет в Версале ничего подобного Большому каскаду), российские строители начали отступать от французского образца. Причем регулярный Верхний парк занимает 15 га территории, а площадь нижнего парка превышает 100 га.

Царское Село

Царское Село было основано как императорская загородная резиденция год в год с Петергофом, в 1710 году: тогда Петр I подарил эти земли своей второй жене Марте-Екатерине. Но исходя из формальных документов о статусе урочища – значит экстраполировать на его историю позднейшие результаты исторического процесса. И, кстати, «царским» это место сделалось скорее по звукописи, чем по содержанию.

Впервые это поселение упоминается в составе Никольского Ижорского погоста в «Переписной окладной книге по Новгороду Вотской пятины 1501 года. На картах, составленных для Бориса Годунова, поместье имело название «Сарица». Предположительно название восходит к финскому Saari mets – возвышенность. В шведское время (1609–1702 гг.) на территории Екатерининского дворца существовала усадьба шведского аристократа – Sarishoff, то есть Сарская мыза. Это была небольшая усадьба, состоявшая из деревянного дома, хозяйственных пристроек к нему и сада, разделенного перпендикулярными аллеями на четыре квадрата.

Сарская мыза трансформировалась в Сарское Село, когда там вырос небольшой двухэтажный каменный дворец Екатерины I по проекту архитектора Иоганна Браунштейна. Построенный в 1718–1724 годах, дворец был окружен подсобными постройками, новым, значительно расширенным садом, заново перепланированный террасами мастером садово-паркового искусства Я. В. Розеном. Недалеко от дворца возникла слобода дворцовых служителей. В 1716 году была построена деревянная Успенская церковь.

Но все эти сооружения не определили лица нового урочища культуры. То Царское Село, которое известно нам из истории и из опыта живущих сегодня поколений, возникло в 1750-е годы. Тогда скромный (и плохо известный в деталях) дворец Екатерины I перестроили в роскошную летнюю резиденцию. В основных чертах дворец и сейчас имеет облик, который был придан ему Растрелли в 175 - 1756 годах. Тогда же шло расширение территории сада до современных Нижних прудов. В саду появились скульптуры и парковые павильоны.

В Царском Селе соотношение регулярных и пейзажных участков еще радикальнее, чем в Петергофе, - в пользу пейзажных. Старый сад мастеров Я. Розена и И. Фохта занимает площадь не более 18 га. Остальная площадь Екатерининского парка, более 80 га, приходится на Английский парк, сооружавшийся в 1760-1796 годах садовыми мастерами Дж. Бушем, Т. Ильиным, архитектором В. Нееловым.

Первоначально геометрически правильный Большой пруд превратился в Большое озеро, прямоугольные очертания Нижних прудов были смягчены. Появились Полулунные пруды, а все водные поверхности, занимающие пятую часть территории Екатерининского парка, оказались связаны между собой в единую самотечную систему. Частью этой системы стали небольшие, но бурные водопады.

Александровский сад был посвящен императору уже готовым. Регулярный Новый сад составил не более 13 % его территории. А в Пейзажном парке, который формировался позднее, создался каскад водопадов, - а скорее перекатов, которые, по словам Пушкина, «стекают».

К этим паркам следует добавить Баболовский, площадь которого сравнима с площадью Екатерининского и Александровского парков, вместе взятых (268,8 га). Созданный в конце XVIII века, он

перепланировался и достраивался до 1860-х годов. Прямая Баболовская просека соединяет его с Екатерининским парком, создавая единую систему парков Царского Села. Отдельный Нижний парк площадью порядка 100 га простирается между Царским Селом и Павловском, связывая в единую систему уже парки этих двух городов. Фермский парк, созданный в 1818–1820 годах, исходно предназначался для выпаса животных с Императорской фермы. В парке был специальный Ковшовый пруд для водопоя.

Как видим, парки Царского Села – это сложная система, в которой регулярность, степень влияния на природу как бы нарастает от периферии к центру. Чем позже создавался парк или участок парка – тем регулярности меньше.

Большой Екатерининский дворец по размерам не уступает Большому Версальскому, он не менее роскошен, но менее помпезен – это уже шаг от демонстрации богатства и могущества к проявлению чувства меры и хорошего вкуса.

То же можно сказать обо всех архитектурных сооружениях в парках Царского Села – а их более 100. От дворцов и павильонов, которые могли бы существовать и автономно – павильон Холодная баня с Агатовыми комнатами и Камеронова галерея, Концертный зал и другие, до мостов и памятников-стел и совсем небольших павильонов. Таковы сооруженные в честь российских побед в русско-турецких войнах Башня-руина, Чесменская, Морейская, Крымская колонны, Кагульский обелиск, Турецкий киоск и Турецкий каскад.

В начале XIX века к этим екатерининским памятникам Александр I добавил посвященные победе над Наполеоном ворота «Любезным моим сослуживцам».

В дворцово-парковом комплексе Царского Села содержится идея «собрания» разных земель,

территорий и народов. Эта идея очень старая, намного старше Петербурга. Она блистательно воплощена в ансамбле Москвы, где «тракты» и «шоссе» плавно переходят в улицы и собираются к Красной Площади и Кремлю.

Здесь небольшие центральные участки регулярного парка окружены все менее регулярными и притом разнообразными, все более естественными территориями. Удаляясь от этой центральной части, оказываешься среди более «природных» участков.

Что же касается семантики архитектуры и искусства, то она отражает стремление сделать дворцово-парковый комплекс психологически комфортным для обитателей или посетителей. Они не испытывают давления ни места, ни воплощенной в нем идеи. Притом, что здесь представлены образцы высокого искусства, в огромной степени изменившего природу. Образцы скорее ведут за собой, нежели давят.

Таким образом, Петергоф возник почти одновременно с Версалем. По срокам появления – это его младший брат. А Царскосельский дворцово-парковый комплекс, если сравнивать со сроками тогдашней человеческой жизни, – поздний сын, если не ранний внук Версаля.

Различия между Царским Селом и Версалем показывают: Россия (по крайней мере дворянская придворная Россия верхушки Петербурга) приняла нововременную европейскую идею, ассимилировала ее. Она создала новые дворцово-парковые комплексы уже исходя из собственной ментальности.

Петербург, который мы знаем, вовсе не является детищем Петра I. Этот город создавался в период с эпохи последних лет Елизаветы Петровны и до середины правления Николая I. Петергоф выпадает из периода, это действительно детище эпохи Петра I. Царское же

Село создавалось как часть ансамбля уже по-новому осмысленного Петербурга.

Семантика Гатчины и Павловска

Предшественником города Гатчины считается новгородское село Хотчино, которое впервые упоминается в 1500 году, а потом в шведских «Писцовых книгах Ижорской земли» в 1618–1623 годах. Романтики придумали языческую богиню Хочену, от имени которой якобы и произошло название Хотчино. Говорят о происхождении Гатчины и от слова «гать». «Чинная (то есть хорошая) гать – вот и Гатчина. Придворный поэт Рубан хотел угодить Павлу I, любившему все германское, и придумал, что название происходит от «Hat Schöne» – то есть «имеет красоту».

Гатчинское имение Екатерина II в 1765 году подарила Григорию Орлову, и с 1766 года началось строительство Большого дворца, организация пейзажного парка.

После смерти Орлова в 1783 году владельцем Гатчины стал великий князь Павел Петрович, поручивший архитектору Бренна завершить строительство, а с 1795 года началась реконструкция дворца.

Датой основания Павловского села считается 12 декабря 1777 года, когда Екатерина II подарила великому князю Павлу Петровичу 362 десятины земли по берегам реки Славянки, с двумя деревнями – Линна и Сеппеля. Екатерина любила охотиться в этих местах, для нее даже построили деревянные домики «Крик» и «Крак».

Но возводимый здесь в 1780–1786 годах Павловский дворец (архитектор Чарльз Камерон) не имел ничего общего с этими домиками. В 1788 году Павел, который

предпочитал жить в Гатчине, подарил село Павловское своей жене Марии Федоровне.

Расцвет Павловского дворца и парка пришелся на время после смерти Павла I. После его убийства и до своей смерти в 1828 году Мария Федоровна жила в Павловске. Она не могла простить императору Александру I участия в убийстве отца и не принимала его здесь.

То есть Павловск устраивали люди, годившиеся создателям Версаля даже не во внуки, а в правнуки и в праправнуки, тогда как Петродворец – Ораниенбаум создавали дети и внуки строителей Версаля. К тому же Гатчину и Павловск строили опальные, удалившиеся от дворца, люди, которые и хотели, и имели возможности реализовать не официальные, а свои личные представления о прекрасном. В Гатчине началась, в Павловске окончилась эволюция европейских образцов садово-паркового искусства в российские.

Легко заметить, что те же черты, которые проявились в Царском Селе, усилены и развиты в Павловске. Павловский дворец – не помпезное официальное сооружение, а, скорее, дом богатого человека. Если это идеальная царская резиденция, то устроена она в соответствии с совсем другими вкусами, чем даже Царское Село, не говоря о Петергофе.

В Петербурге после гибели фонтанов Летнего сада в бурю и наводнение 1777 года, Летний сад был перестроен и преобразован в соответствии с новыми тенденциями садово-паркового хозяйства. Тогда и появился тот Летний сад, в который «мосье» водил гулять Евгения Онегина. А другие сады и парки возникали по лекалам не Версаля, а Царского Села и Павловска. Они и сформировали тот облик петербургских парков, который стал типичен для города, сделался одним из его ярких признаков.

Большинство современных жителей Санкт-Петербурга, с которыми мне доводилось обсуждать эту тему, однозначно отдают предпочтение именно Павловскому парку. В Петергоф поведут скорее «гостя города», особенно иностранца. Павловский дворец и парк – нечто более интимное, частное, национальное.

Иезуитский колледж

В XVII–XVIII веках иезуиты имели репутацию блестящих педагогов и преподавателей. После первого раздела Речи Посполитой 201 иезуит оказался на территории Российской империи под покровительством Екатерины II.

Белорусские иезуиты продолжили служение в своих школах и церквях. В 1800 году император Павел I передал обществу церковь святой Екатерины в Санкт-Петербурге и разрешил устройство колледжа при ней. В этом колледже давалось блестящее образование, но велась и активная пропаганда католицизма. Выпускник колледжа иезуитов князь Иван Гагарин стал воинствующим католическим фанатиком.

В 1816 году иезуитов выслали из Петербурга, а в 1820-м император Александр I, по докладу князя А. Н. Голицына, указал выслать иезуитов из Российской империи, закрыть все их учебные заведения, а имущество конфисковать. Но до этих мер «конкуренция» с иезуитами заставила правительство создать новое учебное заведение – Царскосельский лицей.

Царскосельский лицей

Императорский Царскосельский лицей (с 1843 по 1917 годы – Александровский) – стал

привилегированным высшим учебным заведением для верхушки дворянства с 1811 по 1917 годы. Славу ему создало творчество знаменитейшего из его выпускников, А. С. Пушкина, воспевшего Лицей и годы обучения в нем. Императорский Царскосельский лицей был призван выпускать будущих государственных чиновников высших рангов. В него принимали детей 10-14 лет, прием осуществлялся каждые три года. Телесные наказания воспитанников официально были запрещены. Продолжительность обучения первоначально составляла 6 лет, два трехгодичных курса. С 1836 года - 4 класса по полтора года в каждом.

За это время изучались Закон Божий, этика, логика, правоведение, политическая экономия, латынь, французский и немецкий, литература на этих языках и на русском, российская и всеобщая история, физическая география, математика, физика, начала космографии, математическая статистика, чистописание, рисование, танцы, фехтование, верховая езда, плавание. Учебный план неоднократно менялся, но гуманитарно-юридическая направленность сохранялась - готовили-то высших чиновников. Лицейское образование приравнивалось к университетскому, выпускники получали гражданские чины с 14-го по 9-й класс, в зависимости от успеваемости.

Поразительное свойство всех учебных заведений: их первые выпуски всегда особенно хороши. Из первого выпуска 1811 года (30 человек) по крайней мере 12 сделали потрясающие карьеры. В том числе барон Корф, чьи мемуары печатались в «Русской старине»; в том числе последний канцлер Российской империи, князь Горчаков - человек, вошедший в историю европейской дипломатии, вернувший России политическое величие после Крымской войны.

И в последующем Лицей дал нескольких крупных чиновников и дипломатов. Конечно, их не следует

считать учеными в современном смысле слова – они не проводили самостоятельных исследований. Но, люди большой учености, они способствовали интеллектуализации России и ее высшего слоя.

29 мая 1918 года Лицей был закрыт Совнаркомом, а здание отдано Пролетарскому политехникуму. В 1925 году грянуло «дело лицеистов»: в ОГПУ дело «№ 194 Б» называли «Контрреволюционной монархической организацией», а также «Делом воспитанников» и «Союзом верных». Арестованным по делу, свыше 150 человек, были предъявлены неопровержимые доказательства их «преступной деятельности»: они традиционно собирались на ежегодные встречи выпускников в Лицейский день – 19 октября и служили в церквах Петрограда панихиды по погибшим и умершим лицеистам, на которых поминались также и члены императорской семьи.

26 человек, в том числе последний премьер-министр Российской империи Н. Д. Голицын, были сразу расстреляны. Почти все остальные осужденные по делу лицеистов впоследствии были расстреляны или погибли в лагерях.

Глава 3. Академия и академики

На примере Кунсткамеры особенно хорошо виден путь от учреждения феодального общества к современному научному учреждению.

Кунсткамера, от немецкого *Kunstkammer* – комната искусства – в прошлом название различных исторических, художественных, естественнонаучных и других коллекций редкостей и места их хранения. Такие кунсткамеры с XVI века создавались во многих княжеских и королевских дворах.

Увидев кунсткамеры во время «Великого посольства» 1697- 1698 годов, Петр I завел русский «кабинет редкостей». Распорядившись перенести столицу России из Москвы в Петербург, Петр также приказал перенести и «государев кабинет». Вся коллекция была размещена в служебном доме при Летнем дворце. Перенос кунсткамеры в Петербург в 1714 году стал считаться датой основания музея. Для каких целей могла служить кунсткамера в начале – середине XVIII века, свидетельствует история «восковой персоны».

Восковая персона

После смерти Петра I Бартоломео Растрелли сделал «восковую персону» – скульптуру, имевшую точное портретное сходство с покойным. Для изготовления скульптуры была использована посмертная маска, снятая с Петра в гробу: используя слепок, Растрелли отлил бронзовую маску Петра I, хранящуюся ныне в Государственном Русском музее.

Скульптор сам вырезал из дерева фигуру в точном соответствии с обмерами тела Петра I. Для придания подвижности он выточил для ног и рук «персоны»

специальные круглые шарниры. Лицо, кисти рук и ступни ног Растрелли выполнил из воска точно по снятым слепкам, парик на голове Петра сделал из его собственных, состриженных заранее, волос. Широко раскрытые, глядящие прямо на зрителя глаза «персоны» были выполнены финифтью на золоте художником-миниатюристом Андреем Овсовым. «Персона» Петра I облачена в костюм, который Петр при жизни надевал лишь однажды – в день коронации супруги 7 мая 1724 года.

Костюм «персоны», воскового двойника Петра I, вооружили: «при боке его кортик с золотым эфесом, украшенный яшмой и малыми красными яхонтами. Черенок изображает лошадиную голову, у которой во лбу алмазец». В ножны кортика, подаренного Петру I польским королем Августом II, вложен ножик и вилка с золотыми черенками. Зачем? Что должен есть даже не покойник, а изображающий его манекен?

Кресло, в которое усадили «персону», было богато украшено, ножки и локотники выточены резчиком Петром Федоровым, работавшим над этим креслом на Почтовом дворе в мастерской резчика и скульптора Н. Пино.

Когда Растрелли уже заканчивал работу над «персоной» Петра, он получил новое распоряжение Екатерины I – создать бюст А. Д. Меншикова. В начале 1727 года Растрелли выполнил восковой раскрашенный портрет А. Д. Меншикова, используя формы, снятые с его бронзового бюста 1716–1717 годов. Одновременно Растрелли в 1725 году готовил посмертный восковой раскрашенный бюст цесаревны Наталии Петровны.

А в 1726 году строили и мавзолей. Проекты мавзолея были одновременно заказаны и Растрелли, отцу и сыну, и архитектору И. Браунштейну, и скульптору Н. Пино. Весной 1726 года все модели лично осмотрела Екатерина; она выбрала вариант Браунштейна. Проект

Растрелли отвергли, похоже, из-за того, что он получился очень уж помпезен и громаден. Казна не смогла бы оплатить такого грандиозного проекта.

Работу по созданию новых «персон» и мавзолея не закончили: Екатерина умерла, Меншиков не удержался на престоле.

«Восковая персона» была выставлена в Кунсткамере и имела особенность: если посетитель наступал на некую точку паркета, восковой Петр вставал с кресла и эдак приветливо поводил в воздухе рукой. Так он и сидел, восковой император, пока не случилось несчастья. По одним данным, некая дама не была предупреждена и испугалась так, что упала в обморок. По другим сведениям, получилось еще хуже: у дамы случился выкидыш. После этого восковую «персону» из Кунсткамеры все-таки убрали, а хитрую механику сломали.

Вот что интереснее всего: приближенным и наследникам Петра хотелось как можно сильнее продлить его пребывание среди живых и после физической смерти. Это языческое отношение к покойнику – желание оставить его с собой – проявляется в двух феноменах культуры. Один из них – стремление сохранить на память образ – в виде ли портрета, фотографии, скульптуры или посмертной маски. Такова цель хранения фамильных альбомов, картинных галерей с портретами предков, или римского атриума со стоящими там бюстами предков хозяина дома. В другом варианте телесное сохранение тела покойного (бальзамирование) или куклы (восковой или бронзовой фигуры) не столь невинно: это желание продлить какое-то подобие жизни умершего. Язычник мог делать нечто подобное, не видя ничего дурного в такой некрофилии, – таков уж уровень языческого сознания. Язычник считает, что душа человека или одна из его душ вполне может оставаться в мумии или в этом изображении.

Не случайно фараонов бальзамировали, а китайский император Цинь Шихуанди создал грандиозный склеп, в котором живьем похоронили до 300 придворных и в котором поставили всю его армию, изваянную в натуральную величину из терракоты.

В нашем случае удивительно не желание сотворить из всей правящей компании кукол, имеющих максимальное сходство с оригиналами, и не желание поместить изваяния, чтобы они продолжали там жить. Удивительно, что это делали христиане, верящие в бессмертие души, в загробную жизнь и в бессмысленность сохранения тела. Ведь христиане верят, что душа после смерти отлетает, – вся и сразу. Если в изображении покойного или в его мумии продолжается жизнь – это никак не может идти от бога. Бог душу в тело вложил, он же ее и забрал, когда кончилась телесная жизнь.

Опять же – я ничего не утверждаю, не делаю никаких выводов. Я лишь задаюсь вопросом: чего хотели приближенные Петра, когда пытались сохранить подобие жизни в его изображении? Какие же представления об императоре они имели и что связывали с Петром? Кунсткамера для них была не научным учреждением, а собранием редкостей. В какое собрание вполне можно поместить и самого отца-основателя.

Академия наук

В 1830-е годы Кунсткамеру пришлось разделить – слишком много материалов появилось. Зоологический, Минералогический, Этнографический, Ботанический музеи начали каждый собственную жизнь и постепенно были переданы тем или иным институтам Академии наук.

Уже к середине XIX века эти институты объединили немало ярких ученых. Как правило, они работали и в музеях, и в академических институтах. О сотрудниках Академии наук так и говорили: «Он работает в Академии». Или «при Академии». Еще в годы своей молодости я часто слышал это... хотя такое определение давно стало анахронизмом. Давно уже надо было упоминать не Академию в целом, а ее отдельные институты. Вообще же об Академии говорить надо отдельно, помяная многих ее сотрудников как музейных работников, а часто и практических специалистов.

Академия художеств

Императорская Академия художеств создавалась в 1757 году как высшее учебное заведение в области изобразительных искусств Российской империи. Стремясь создать в России академию по образу и подобию французской, Петр I за год до смерти издал соответствующий указ. Это начинание после его смерти было воплощено в жизнь фаворитом императрицы Елизаветы Петровны, И. И. Шуваловым, и первоначально располагалось в его особняке на Садовой. Современное здание на Университетской набережной было построено в 1764–1788 годах архитекторами А. Ф. Кокориновым и Ж. Б. Валлен-Деламотом.

С 1758 года там начались учебные занятия. Учебный курс длился девять лет. С 1760 года лучших выпускников на казенные средства отправляли стажироваться за границу. С 1663 года во Франции художникам, граверам, скульпторам и архитекторам присваивалась римская премия, позволявшая жить в Риме 3–5 лет за счет патрона премии (первоначально им был король Людовик XIV). В России получилось намного демократичнее: с 1859 года было установлено три

степени званий классных художников. Получивший первую золотую медаль стал приобретать вместе со званием классного художника 1-й степени чин X класса и право быть посланным за границу.

Академики, подражая французам, полагали: исторический жанр есть самый благородный. Учащиеся создавали картины на программы, сюжеты которых были взяты из Библии, Илиады и Одиссеи, произведений античных авторов. В 1793 году, например, давалось задание: «Александр, чувствуя великую жажду, отказывается, однако, пить воду, принесенную ему в каске, сказав, что не довольно воды для всех его солдат, претерпевающих равную с ним жажду».

Академизм часто называли «мертвящим» и «сковывающим», но и в конце XIX – начале XX Академия подготовила таких крупных художников как В. И. Суриков, В. М. Васнецов, В. А. Серов, В. Д. Поленов, М. А. Врубель.

Знаменитый «бунт четырнадцати» разразился 9 ноября 1863 года, когда 14 самых выдающихся учеников императорской Академии художеств, допущенных до соревнования за первую золотую медаль, обратились в совет Академии с просьбой заменить конкурсное задание – написание картины по заданному сюжету из скандинавской мифологии «Пир бога Одина в Валгалле». Они хотели писать картины на темы, выбранные самим автором. На отказ Совета все 14 человек покинули Академию и организовали «Санкт-Петербургскую артель художников», которая позже (в 1870-м) была преобразована в «Товарищество передвижных художественных выставок».

Из числа преподавателей следует назвать представителей клана Бенуа. Основоположник рода, Луи-Жюль Бенуа из крестьянской семьи, стал придворным служителем. Великая французская революция вынудила его бежать в Россию, как и многих

его соотечественников. Он стал придворным метрдотелем при дворе Павла I, а потом – вдовствующей императрицы. Женился на Анне-Катерине Гроппе, немке по происхождению, в браке с которой у Луи-Жюля Бенуа было 18 детей. Семеро умерли в младенческом возрасте, в живых осталось пятеро сыновей и шестеро дочерей. Сын Луи-Жюля, Николай Леонтьевич Бенуа, основатель клана художников и архитекторов, главный архитектор Петергофа с 1850-го, дослужился до действительного статского советника. Сын этого достойнейшего человека, Альберт Николаевич Бенуа – художник, архитектор, академик и преподаватель акварельной живописи в Академии художеств, скончался в Париже – теперь взбесилась Россия, пришлось бежать обратно во Францию. Бежать во Францию пришлось и его второму сыну, Александру Николаевичу Бенуа – художнику, иллюстратору «Медного всадника», историку искусств, основателю и главному идеологу объединения «Мир искусства». Остался в России и дал многочисленное потомство Леонтий Николаевич Бенуа. Их двоюродный брат, Юлий Юльевич Бенуа – основной создатель «дома трех Бенуа» – доходного дома по адресу Каменноостровский, 26–28. Дом был построен по заказу Первого Российского страхового общества по проекту Л. Н. Бенуа, Ю. Ю. Бенуа и А. Н. Бенуа при участии А. И. Гунста.

В целом же Академия художеств не дала таких же ярких ученых, как многие другие интеллектуальные урочища Петербурга. Но ведь и направленность у Академии все же только частично научная.

Горный институт

21 октября 1773 году указом императрицы Екатерины II создали горно-техническое учебное

заведение - Петербургское горное училище. 28 июня 1774 года состоялось его торжественное открытие. До него во всем мире было только одно подобное заведение, в Германии, - Фрайбергская горная академия. Первоначальной целью его открытия были не научные исследования, а подготовка специалистов горного дела. Студенты Горного училища должны были обучаться 3-3,5 года, их образование не приравнивалось к университетскому.

Инициатором и спонсором Горного стал башкирский рудопромышленник Исмаил Тасимов, который обещал платить с каждого пуда поставленной им руды по полуполушке из получаемой на нее платы для «заведения горной школы». Вплоть до 1792 год Горное училище содержалось на средства рудопромышленников.

В 1792 году Училище содержалось за счет бюджета, с 1804 оно превратилось в Горный кадетский корпус. В 1834 корпус был преобразован в Институт горных инженеров - пять лет обучения, высшее инженерное образование. С 1866 году он стал именоваться Горным институтом.

Здание Горного института было возведено в 1806-1811 годах по проекту выдающегося архитектора А. Н. Воронихина. До этого весь квартал еще в 1720-х годах застроили жилыми типовыми домами по проекту Д. Трезини. Воронихин соединил сначала два, потом пять двухэтажных жилых зданий на подвалах с высоким крыльцом, и перестроил их для нужд учебного заведения.

Более чем за два века существования института он выпустил 36 тыс. специалистов. В числе выпускников и преподавателей такие звезды, как Василий Михайлович Севергин - геолог, химик и минералог. Именно он создал первую геологическую номенклатуру на русском языке, вводя в науку описательные свойства минералов: блеск,

гибкость, цвет черты и так далее. Сводя эти термины в толковые словари, читая публичные лекции, Севергин не только способствовал распространению научных знаний, но зарождению и развитию геологических и химических знаний в России.

Дмитрий Иванович Соколов родился в семье бедных ремесленников и, рано оставшись без отца, был отдан в кадетские классы для малолетних за казенное содержание в закрытое заведение «Горный корпус». Из сироты слесаря вырос ученый, который параллельно с Чарльзом Лайелем разрабатывал теорию современной геологии.

Считается, что главный автор этой теории – Чарльз Лайель – обосновал ее в своей классической книге «Основные начала геологии», выпущенной первоначально тремя томами. Некоторые положения этой книги просто неверны, в том числе многократно цитировавшееся: «с древнейших времен до наших дней не действовали никакие другие причины, кроме тех, которые ныне действуют, что действие их всегда проявлялось с той же энергией, которую они проявляют ныне»⁴³.

Тем не менее революция в науке произведена – геология развивалась как наука об эволюции Земли, а не опираясь на теорию катастроф Кювье.

В Англии «Принципы геологии, являющиеся попыткой объяснить прошлые изменения поверхности Земли путем соотношения с причинами, ныне действующими» при жизни автора выходили 11 раз и постоянно дополнялись. 12-е издание было уже посмертным. На русский язык книгу перевели очень быстро.

Так вот: Соколов часто приходил к выводам, очень похожим на выводы Лайеля. Но теория не была главным, что интересовало Соколова. В 1839 году он впервые обосновал выделение в особую геологическую систему

красноцветных отложений Заволжья. Спустя два года, в 1841-м, англичанин Родерик Мурчисон дал название системе – пермская. Это пермский период Палеозойской геологической эры.

Иван Васильевич Мушкетов

Геолог по фамилии Мушкетов встречается на страницах фантастического романа В. А. Обручева «Плутония». Прообраз этого персонажа, Иван Васильевич Мушкетов, действительно совершил несколько неправдоподобно смелых путешествий. Обнаружить его одного в байдарке посреди Ледовитого океана было вполне вероятным событием.

Прототип персонажа, потомственный казак Иван Васильевич Мушкетов в 1867 году окончил Новочеркасскую гимназию, затем как стипендиат Войска Донского окончил в 1873 году Горный институт в Санкт-Петербурге. Он был участником нескольких путешествий в Тянь-Шань и Памиро-Алтай. Во время этих путешествий он открыл месторождения каменного угля, марганцевых, серебряных, медно-свинцовых руд, которые разрабатываются по сей день. Его исследования охватили всю нагорную часть Туркестанского края, большую часть Бухарского ханства, пустынь Кара-Кумы и Кызыл-Кумы. Мушкетов первым произвел фундаментальное научное описание Туркестанского края и составил его первую геологическую карту. Им была организована в России служба постоянных сейсмических наблюдений. Его фундаментальный труд «Физическая геология» стал новым словом не только в отечественной, но и в мировой науке того времени⁴⁴.

Иван Васильевич Мушкетов являлся научным руководителем знаменитого геолога и писателя

Обручева, который увековечил его в качестве персонажа повести. Сын Мушкетова, Дмитрий Иванович, также выпускник Горного института, был исследователем Средней Азии, Восточной Сибири, Дальнего Востока, Кавказа, Якутии, бассейна реки Дон, учеником В. И. Вернадского. С 1918 года он стал ректором Горного института, одновременно заведовал кафедрой общей геологии, был председателем Геологического комитета в 1926–1929 годах. Член многих геологических и географических обществ Германии, Бельгии, Франции, Англии, Китая, США, он пользовался мировой известностью и огромным авторитетом среди геологов.

Д. И. Мушкетов стал одним из инициаторов и организаторов XVII Международного геологического конгресса в Москве. Конечно, человек с такой биографией не мог представлять пролетарскую науку: за месяц до начала конгресса Мушкетова арестовали и расстреляли в 1938 году вместе с рядом других, таких же как он «буржуазных специалистов». Вместо него Конгресс возглавил Иван Михайлович Губкин. Дед основателя советской нефтяной геологии был волжским бурлаком, а отец каждые 7–8 месяцев в году уходил на промысел в Каспийское море. И сам он оказался посговорчивее: работал в Москве, где возглавил Московский нефтяной институт.

Глубоко уважаю И. М. Губкина, но в этом случае противостояние Петербурга и Москвы приняло очень уж уродливый характер. Да и на роль главы Международного геологического конгресса Мушкетов годился намного больше.

Дмитрий Васильевич Наливкин

Один из основателей современной геологической науки, геолог и палеонтолог Дмитрий Васильевич

Наливкин, окончил Горный институт в 1915 году, где проработал свыше шести десятилетий: ассистентом, преподавателем, с 1920 года - профессором, с 1930 по 1982 годы - заведующим кафедрой исторической геологии.

В 1937 году к XVII сессии Международного геологического конгресса в Москве была опубликована «Геологическая карта СССР» масштаба 1:5000000 под редакцией Наливкина, которая вызвала огромный научный и практический резонанс среди советской и зарубежной геологической общественности. Данная карта и появившаяся следом, в 1940 году, «Геологическая карта СССР» масштаба 1: 2500000 под его же редакцией легли в основу монографии «Геология СССР», положив тем самым начало системному изучению и познанию геологического строения страны. С этого времени и до конца жизни Д. В. Наливкин оставался бессменным редактором сводных геологических карт СССР, на которых, как в зеркале, читаются история геологического изучения и открытия месторождений полезных ископаемых в СССР.

Очень образно и красиво об этом выдающемся геологе написал в одной из своих работ Лев Исаакович Красный, другой патриарх российской геологии: «...его курс “Геология СССР” вместе с составлением геологических карт страны - единый благородный сплав, составивший целую эпоху в познании Родины»⁴⁵.

С 1921 года впервые в СССР Наливкин начал читать курс учения о фациях: геологических отложениях одного времени, но сформировавшихся в разных условиях.

Его сын, член-корреспондент Академии наук, Василий Дмитриевич Наливкин, в 1964 году получил Ленинскую премию за участие в научном обосновании перспектив нефтегазоносности Западно-Сибирской равнины и открытие первого в этой провинции Березовского газоносного района.

Александр Петрович Карпинский

Потомственный геолог, сын горного инженера Петра Михайловича Карпинского, Александр Петрович Карпинский даже родился на территории Турьинских рудников. Сейчас это город Краснотуринск. В 1944 году шли споры – не назвать ли город именем Карпинского? Но, во-первых, Карпинском уже называли соседний городок Угольный (до 1936 года – Богословск). Во-вторых, в поселке Турьинские рудники родился еще один знаменитый человек – изобретатель радио А. С. Попов. Но Поповск! От такого названия коммунистов буквально трясло. Отчего и называли Краснотуринском. Карпинский окончил Корпус горных инженеров с золотой медалью и в чине поручика. По окончании Корпуса два года проработал на Урале, откуда был вызван в Петербург для преподавательской работы в Горном институте. Главной научной заслугой Карпинского стало учение о платформах. Ряд работ он посвятил Восточно-Европейской (Русской) платформе. Эти труды стали фундаментом учения о платформах. С мая 1917 и до конца своих дней Карпинский был первым выборным президентом Российской Академии наук, Академии наук СССР с 1925 года.

Клан Обручевых

Владимир Афанасьевич Обручев – геолог, палеонтолог, геоморфолог, географ, писатель-прозаик и фантаст.

Великий ученый был сыном отставного полковника А. Ф. Обручева (верного слуги царя-батюшки). А его дядя, Владимир Александрович, окончил Николаевскую академию генерального штаба, служил в лейб-гвардии Измайловском полку. Но в 1859 в чине поручика вышел в

отставку, сблизился с народолюбцами. Участвовал в распространении воззваний Чернышевского, «Великорусс», после чего угодил на каторгу и поселение в Сибири. Впрочем, в 1874 году был возвращен, стал добровольцем во время Русско-Турецкой войны, в 1884-м поступил на службу по морскому ведомству. Вышел в отставку в 1906 году в чине генерал-майора.

Сестра отца, Мария Александровна, стала биологом, убежденным сторонником эволюционизма, и женой Ивана Сеченова. Сеченовы радушно принимали Володю Обручева в родовом имении Клепенино, где он пользовался обширной семейной библиотекой. Получив домашнее воспитание, В. А. Обручев свободно владел несколькими европейскими языками. Это в дальнейшем выделяло его в научной среде так называемой «красной профессуры» и послужило основанием нескольких доносов.

Окончив Горный в 1886 году, Владимир Обручев получил предложение своего научного руководителя Мушкетова об участии в экспедиции в Центральную Азию. О путешествиях и открытиях Обручева можно написать не одну книгу. А помимо этого В. А. Обручев написал еще ряд научно-популярных и научно-фантастических книг.

Все трое сыновей Обручева благополучно пережили войны и катаклизмы. Палеонтолог Дмитрий Владимирович и геолог и экономист Владимир Владимирович не стали знаменитыми, но сделали хорошие научные карьеры.

Сергей Владимирович Обручев - геолог и путешественник, член-корреспондент АН СССР с 1963-го, с 14 лет он принимал участие в экспедициях отца, а когда ему исполнился 21 год, провел самостоятельную экспедицию, посвященную геологической съемке окрестностей Боржоми. В 1922 года С. В. Обручев был начальником геолого-поискового отряда в

океанографической экспедиции на арктические архипелаги Шпицберген и Новая Земля.

В 1926–1935 годах Сергей Владимирович изучал почти неизвестные тогда районы Северо-Востока СССР – бассейны рек Индигирки и Колымы. Для коммунистов важнее всего было открытие золотоносности этих мест, для науки важнее всего изучение геоморфологии, геологического строения и геологической истории северо-восточной Азии (хребет Черского считается последним географическим открытием такого масштаба на всей Земле).

С. В. Обручев – лауреат Сталинской премии 1946 года за открытие оловянных месторождений на Северо-Востоке СССР. Помимо научных достижений, Сергей Владимирович – автор ряда научно-популярных книг, в том числе: «В неведомых горах Якутии» (1928), «На “Персее” по полярным морям» (1929), «Колымская земля» (1933), «На самолете в Восточной Арктике» (1934), «В неизведанные края» (1954), «По горам и тундрам Чукотки» (1957), «В сердце Азии» (1965). А помимо этого он – автор литературоведческого исследования «Над тетрадами Лермонтова».

До сих пор существует дача Обручевых в Кратово под Москвой. Огромный дом в теплое время года населяют буквально отряды Обручевых – внуков, правнуков и пра-правнуков знаменитого ученого и писателя. На редкость удачливая семейная история!

Иван Антонович Ефремов

Иван Антонович Ефремов, знаменитый писатель-фантаст, – последний, принятый в Союз писателей без обычной формальной процедуры. Крупнейший ученый, геолог и палеонтолог, создатель нового направления в науке, тафономии, за которое получил Сталинскую

премию второй степени в 1952 году, философ-космист и яркий социальный мыслитель.

Ефремов родился в 1908 году в городке Вырица под Петербургом в семье лесопромышленника, видного деятеля Земского движения, благотворителя. В Вырице сохранилось здание школы и библиотеки, построенное Ефремовым-старшим в 1912 году. Антип Ефремов сделал первый взнос на создание местного театра и лазарета для военнослужащих.

Судя по всему, отношения в семье не были особенно теплыми, во время Гражданской войны родители развелись. В 1919 году мать с детьми переехала в Херсон. Там она вскоре вышла замуж за красного командира и уехала с ним, а детей оставила своей тетке, которая вскоре умерла от тифа, и Иван фактически стал беспризорником. Он прибился к красноармейской автороте, вместе с которой «сыном полка» дошел до Перекопа. 12-летний мальчик был контужен взрывом во время бомбежки Очакова, и с этого времени начал немного заикаться.

После сумятицы Гражданской войны какие-то отношения с отцом восстановились, но подросток все равно жил сам по себе. Закончил школу и, чтобы начать работать, прибавил себе год; сменил отчество с Антиповича на Антоновича и начал писать в анкетах – «...в 1907 году родился в семье крестьянина поселка Вырица».

Согласно одним сведениям, о его настоящем происхождении было прекрасно известно, и в 1930-е годы из-за этого Ивану Ефремову отказали в приеме в КПСС. Потом, после нашумевшей «Туманности Андромеды», коммунисты уже сами звали Ефремова, но теперь он отказался. «Мое социальное происхождение не изменилось», – сказал писатель.

По другой версии, только после выхода в свет нашумевшего романа «Час быка», в 1970 году, КГБ под

руководством Андропова начало проверять биографию писателя и выяснило: никакой он не сын бедного крестьянина!

В эту вторую версию верится с трудом: слишком легко было проверить, выяснить, уточнить корни Ефремова. Вырица лежит в сорока минутах езды на электричке от Петербурга, в Вырице жила сестра Ефремова, его племянники. Скорее, никому не было дела до фальсификации, так было даже удобнее. Действительно: какой смысл выяснять, чей сын Ефремов? Он – человек яркий и известный, полезный для властей СССР. Начать следствие? Уличать его во лжи и в происхождении от «эксплуататоров»? Резона явно нет никакого, а польза от деятельности ученого может быть потеряна... Лучше ничего не выяснять.

В своем интервью Борис Стругацкий сказал, что именно Ефремов стал прототипом Федора Симеоновича Киврина в повести «Понедельник начинается в субботу»: «Федор Симеонович писался именно и только с Ивана Антоновича. Есть, правда, и другое мнение, о том, что Ефремов послужил прототипом другого героя этой повести: Амросия Амбруазовича Выбегалло».

До самой своей таинственной смерти в 1972 году Иван Ефремов был знаменитым писателем, культовой фигурой. Его боготворили тысячи и миллионы читателей, уважали сотни коллег. Ему завидовали менее удачливые коллеги, недолюбливали, а порой ненавидели руководители творческих организаций. Но издатели с удовольствием публиковали.

Иван Антонович Ефремов создал науку тафономию о закономерностях захоронения живых организмов в геологических слоях. Действительно, захоронение костей скелета происходит крайне редко. Для этого нужно, чтобы труп животного сразу же после гибели попал в реку, в болото или в море.

Мы находим только те кости, которые окаменели из-за проникновения воды, богатой минералами, в пустоты мертвых животных. Мы изучаем камни, которые сохраняют форму когда-то растения или животного с такой точностью, что можно определить структуру клеток этого организма. Такова судьба в лучшем случае одного из миллиона животных биологического вида. Чтобы кости животных этого вида окаменели и сохранились до нашего времени, вид должен быть многочисленным и к тому же обитать там, где возможно быстрое захоронение останков.

Представителей каждого вида мамонтов, лошадей, трехпалых лошадок-гиппарионов, мастодонтов одновременно жило на Земле десятки миллионов, поэтому многие скелеты мы сегодня можем изучать. Наверняка малочисленные виды, современники этих, даже жившие у воды, остались нам неизвестными. И многочисленные виды, обитавшие в тропических лесах или в сухих степях, тоже никогда не попадали в геологическую летопись. По весьма примерным оценкам половина всех родов динозавров и больше половины всех видов вымерли, не оставив в геологической летописи вообще никаких следов. Эти виды навсегда потеряны для науки.

С конца XX века палеонтология развивается в мировом масштабе – не говоря ни о чем другом, масштаб земляных работ растет взрывообразно. С тех пор, как в XIX веке начались исследования древней фауны, было открыто 527 родов ископаемых животных. Количество открытых родов ежегодно возрастает на 15 %. С 1990 года вообще начался «взрыв» полевых открытий.

По подсчетам палеонтологов из Пенсильванского университета и связанного с ним Суормуртского колледжа, в ближайшее столетие будет обнаружено 75 % родов динозавров из тех, чьи останки вообще содержатся в геологической летописи. Через 140 лет эта

величина достигнет 90 %. По оценкам профессора Пенсильванского университета Додсона, общее количество известных науке родов к началу XXII века составит порядка 1,85 тысячи. Из них как минимум 1,3 тысячи родов динозавров пока неизвестны и только еще будут открыты наукой в некоем обозримом будущем⁴⁶.

Таким образом, мы строим картины древней жизни на основании случайных, разбросанных, искаженных сведений. Долгое время мы даже не понимали этого. Теперь понимаем, но все равно строим свои представления, зная только о 15 % живых существ, населявших Землю 70 и 100 миллионов лет назад. Радует, что уже наши потомки в начале XXII века будут смогут открыть примерно 45 % родов и видов времен динозавров. Но и они не будут знать всего разнообразия динозавров. Никогда. Разве что изобретут «машину времени».

Глава 4. Передовой город России

Сегодня Петербург так прочно кажется «историческим» городом, что трудно представить его символом прогресса. Тем не менее он оставался таковым по крайней мере до начала советского времени. В 1930-е годы были приложены колоссальные усилия, чтобы лишить Санкт-Петербург этого статуса и перенести в Москву все, что возможно. Прихватить с собой большевики не смогли разве что разводные мосты.

Но до этого все технические новинки появлялись сначала в Петербурге, а потом уже во всей остальной России – и потому, что он столица, и потому, что он – «окно в Европу».

Уже в XVIII веке сильное впечатление производили механизмы фонтанов в Петродворце и в тогдашнем Летнем саду. В XIX к фонтанным механизмам дворцовых парков добавились все чудеса технического прогресса – тем более, в Петербурге находились самые крупные механические заводы с самым передовым оснащением и лучшей механикой.

Пароход

Первый в истории пароход Роберта Фултона совершил первое плавание в 1807 году по реке Гудзон. Предприниматели, давшие ему денег на строительство, просили не сообщать их имен, чтобы не опозориться, если что-то пойдет не так.

А через 8 лет, в 1815 году, петербургский заводчик, шотландец по происхождению, Чарльз Берд, в православии Карл Николаевич (1766–1843), построил и пустил в эксплуатацию первый русский пароход «Елизавета». Мощность паровой машины вызывает

улыбку у современных людей: 4 лошадиные силы. Но в 1816 году был спущен на воду второй пароход улучшенной конструкции с машинной мощностью 16 лошадиных сил. К 1820 году на линии Берда СанктПетербург – Кронштадт ходили четыре парохода с мощностью машин в 12 и 25 лошадиных сил, а у двух пароходов – даже по 35. В навигацию 1817 года два раза в день совершались регулярные пассажирские рейсы в Кронштадт. Грузовые парусники стремительно проигрывали конкуренцию.

До 1843 года Карлу Николаевичу Берду принадлежала исключительная императорская привилегия на строительство и эксплуатацию паровых судов в России. К 1820 году фирма владела 15 пароходами, к 1835-му – 52 пароходами, которые ходили по разным рекам и озерам России.

Кстати, когда окончилось действие привилегии Берда, «Общество пароходства по Волге» было основано Санкт-Петербургским иностранным гостем Д. И. Кейли, Санкт-Петербургским купцом 1-й гильдии М. П. Кирилловым и Калязинским купцом 1-й гильдии Д. М. Полежаевым 7 сентября 1843 года. И тут лидировали петербуржцы.

До 1843 года Берд нажил огромное состояние и стал своего рода живым символом успеха, материального богатства и технического прогресса. В Петербурге на вопрос, как дела, частенько отвечали: «Как у Берда, только труба пониже да дым пожиже».

Железные дороги

Первым в мире железную дорогу на конной тяге, «конку», изобрел россиянин, житель подмосковного села Мячково, Иван Кириллович Ельманов в 1820 году. Годом позже идея конки была запатентована Генри

Родинсоном Пальмером. Он создал конку независимо от Ельманова, но, в отличие от него, получил патент. Первые в мире городские конки появились в США: в 1828 году в Балтиморе, в 1832-м в Нью-Йорке, в 1835-м - в Новом Орлеане. В 1860 году инженер Домантович построил конно-железную дорогу на улицах Санкт-Петербурга.

Первая в мире железная дорога с паровой тягой была построена в Англии Джорджем Стефенсоном в 1825 году, между Стоктоном и Дарлингтоном, и имела протяжность 40 километров (26 миль). Первая железная дорога между относительно крупными городами была открыта в 1830 году и соединила промышленный центр Манчестер с портовым городом Ливерпуль (56 км).

30 октября 1837 года открылась первая в Российской империи и шестая в мире Царскосельская железная дорога: Санкт-Петербург - Царское Село, длиной 23 км. Невелико «отставание», и сейчас трудно представить себе ликование всего общества. Когда 22 мая 1838 года открыли движение на участке Царское Село - Павловск, на вокзале в Павловске с большим успехом выступал Иоганн Штраус.

После строительства Николаевской железной дороги Москва - Петербург люди боялись ездить. Впервые, 14 августа 1851 года, ее испытали военные: два батальона лейб-гвардии Семеновского и Преображенского полков, два эскадрона лейб-гвардии Кавалергардского и Конного полков и дивизион гвардейской артиллерии. После первой поездки Николай I получил телеграмму: «Приказ выполнен. Батальон героически проехал по железной дороге».

Уже в XX столетии в Петербурге возник и первый оптический завод (будущее ЛОМО), Петербург лидировал в области строительства самолетов. В числе прочего, на Русско-Балтийском вагонном заводе в 1913 году был построен первый в мире многомоторный

самолет «Русский витязь». Впоследствии самолеты этой серии носили название «Илья Муромец».

Разводные мосты

Конец XIX - начало XX веков - время создания разводных мостов с их сложной и очень мощной механикой, нового символа Петербурга. Какое значение придавалось созданию разводных мостов, говорит хотя бы то, что при закладке Троицкого моста 12 августа 1897 года присутствовали члены императорской фамилии и президент Франции Фора⁴⁷. Ничего подобного системе разводных мостов не было нигде в мире.

Глава 5. Новый облик Петербурга - созревший плод прогресса

Новая эпоха и облик города

Малоосмысленный факт: с середины XIX века облик Петербурга претерпел кардинальные изменения. Во-первых, появилось центральное отопление, исчезли трубы и поленницы. Во-вторых, электрическое освещение окончательно сделало его иным - уже чисто зрительно.

Как часто бывает, был напрочь забыт один из российских (и петербургских) приоритетов мирового масштаба: первый отопительный радиатор был изобретен в Петербурге в 1855 году. Его создатель - Франц Фридрих Вильгельм (Франц Карлович) Сан-Галли (1824-1908). Дед Франца Карловича, Бальтазар Сангалли, был итальянцем, подданным Австрии. В 1778 году, во время Прусско-Австрийской войны за баварский престол он попал в прусский плен и навсегда остался в Пруссии.

С 1843 года его внук жил в России, где завел свое дело: фабрику металлических изделий. В 1855 году он создал первую в мире систему водяного отопления. Его «хайцкерпер», то есть «горячая коробка», был вполне узнаваемым: толстые металлические трубы и вертикальные диски, нагреваемые горячей водой или раскаленным до 150-200° паром, который подавали под давлением. «Хайцкерперы» стали вывозить во многие страны, а в Петербурге один из первых в мире радиаторов до сих пор работает на бывшей даче великого князя Бориса Владимировича в Царском Селе.

Распространение радиаторов необычайно расширилось с 1909 года, когда пар стали подавать в систему насосами, под давлением. В виде эксперимента так стали отапливать здание Михайловского театра. Опыт оказался удачным, такой тип отопления завели в Эрмитаже, в здании Мариинского театра, в новых корпусах Института инженеров путей сообщения, в корпусах Орудийного завода. Но частные квартиры и дома по-прежнему отапливались дровами. Уголь в Петербурге применялся мало – везти его надо было издалека, а леса по всему северо-востоку поставляли сколько угодно дров.

Только к концу 1930-х годов чугунные гармошки радиаторов появились в жилых домах. Тогда начали строить дома без печей. Но еще в начале 1950-х годов в каждом петербургском доме либо строились дровяные сараи во внутренних дворах, либо дрова хранились в специальных подвальных помещениях. Только в 1963 году распоряжением Ленгорисполкома было запрещено разведение огня в домах в целях отопления – кроме поселков с малоэтажной застройкой. В них печное отопление имеется до сих пор.

Конечно, дрова использовались и для приготовления пищи. Одна из городских баек 1910-х годов: некий купец начал завозить в Петербург дрова, выдержанные и высушенные особо долгий срок, больше 10 лет. Якобы с применением этих дров были связаны вкуснейшие блюда в том или ином ресторане.

С 1880 годов появились фитильные керосинки, с 1892 года – бесфитильные примусы. Насколько они были распространены, свидетельствует вся русская классическая литература. Стали классикой образы хозяйки, колдующей у примуса, как и злобной соседки по коммунальной кухне, отливающей керосин из чужих примусов. Массовыми тиражами издавались книги о том, как готовить на керосине⁴⁸.

Газовые плиты появились в 1912 году, к 1915-м в Петербурге их стало уже около 10 тысяч и до 20 тысяч водогреев на газе. Но газ использовался только для этих целей, не для обогрева помещения. Тем не менее и керосинки полностью изменили облик города.

Стиральная машина

Первая стиральная машина, запущенная в серийное производство, была создана в 1907 году Уильямом Блэкстоуном, у нее был ручной привод. В Европе первые стиральные машины начали производить немцы в 1900 году. Современные машины с электрическим приводом появились в 1908 году. Это были очень примитивные по современным представлениям агрегаты: внутри открытого корпуса крутился винт. Отжим производился вручную, через вальки. Но и такие машины быстро привели к исчезновению профессии прачки.

Электрическое освещение

Электрические лампочки - тоже российский приоритет. Первая в мире лампа накаливания была запатентована в 1874 году А. Н. Лодыгиным. Из России он уехал, потому что сблизился с народниками и опасался ареста. В 1894 году он организовал в Париже ламповую фирму «Лодыгин и де Лиль» и только в 1907 году вернулся в Россию. Лодыгин преподавал в Электротехническом институте, работал в строительном управлении Петербургской железной дороги и уехал в США уже после Февральской революции.

Уже в 1874 году А. Н. Лодыгин получил в России привилегию на изобретенные им лампы накаливания и организовал в Петербурге «Товарищество

электрического освещения Лодыгин и К^о» для эксплуатации этого изобретения. За изобретение лампы накаливания Петербургская академия наук присудила Лодыгину Ломоносовскую премию. В этом же году П. Н. Яблочков устроил на паровозе первую в мире установку для освещения железнодорожного пути при помощи электрического прожектора, а Ф. А. Пироцкий проводил на Волковом поле в Петербурге первые опыты в России по передаче электрической энергии на расстояние.

В 1879 году Яблочковым был основан первый русский электромеханический завод в Петербурге. В 1880 году Петербурге открылась первая в мире Всероссийская электротехническая выставка, организованная Русским техническим обществом, а А. Н. Лодыгин получил патент на способ изготовления электрических ламп накаливания с металлической нитью, выполненной из тугоплавких металлов (вольфрам, молибден, осмий, иридий). И не случайно в 1891 году Телеграфное училище в Петербурге было преобразовано в Электротехнический институт.

Главную трудность на пути к широкому применению электрического освещения представляло отсутствие надежного и недорогого источника энергии. Создание современной паровой турбины – уже не российский приоритет, ее изобрел Чарльз Парсонс в 1884 году. Сегодня такие турбины генерируют примерно 80 % всего электричества в мире.

Отмечу еще, что в 1913 году по количеству произведенной электроэнергии Российская империя находилась на четвертом месте (2,5 млрд кВт / ч) после США (26, 8 млрд кВт / ч), Германии и Великобритании (3 млрд кВт / ч каждая).

Еще в 1882 году любопытные валом валили на Невский проспект, где работали первые электрические фонари. А к 1913 году до 20 % домов в Петербурге освещались электричеством. Полностью город был

электрифицирован к 1928 году. Но при этом лампочки были маломощные, в основном 15–30 ватт. Они были дороги, ненадежны. Квартиры с ними освещались намного хуже, чем в наши дни.

Одно из интересных свидетельств этого – наличие окон в туалетах и ваннных комнатах, находящихся в глубине квартиры. Свет падал из окна в кухню, а из нее – во внутреннее окно туалета. Естественно, такие окна были не во всех домах, а в предназначенных для небогатых людей – мне не удалось вычислить процент зданий, снабженных такими внутренними окнами.

Только в 1930-е годы свечи и керосиновые лампы окончательно ушли в прошлое, стали частью дачного быта или использовались в случаях аварий электросети.

В 1860 году масляные и спирто-скипидарные фонари на улицах ушли в прошлое, Петербург осветили 6 тысяч керосиновых фонарей. К 1917 году все фонари на улицах Петербурга были электрическими. Но, конечно же, и эти фонари светили слабее современных. Полезно взглянуть на картины художников и «масляного», и «керосинового», и «электрического» периодов городского освещения. Сразу видно, насколько скверно, по современным понятиям, освещался город... Даже в самом центре – отдельные источники слабого света, все тонет в полумраке, а в нескольких шагах от транспортных артерий почти совершенно темно.

Даже в «электрическую» эпоху, в 1920–1950-е годы, предки намного больше нас страдали в «черные ночи» ноября и декабря. А до конца XIX века на два-три зимние месяца город погружался в полумрак. В полумраке шли на службу и со службы, чиновники портили зрение, переписывая или читая документы серыми петербургскими днями, очень часто – при свечах. К тому же город в зимнее время заволакивало дымом от великого множества печей. Благодаря частым сильным ветрам Петербург не был подвержен смогу, да дрова и

не давали такого количества сажи и мелкой взвеси непрогоревших веществ, как уголь. Но порой проходим даже на центральных улицах становилось трудно дышать.

Новая эпоха и образ жизни

В начале XVIII века не всякая петербургская семья могла иметь собственную баню: подвоз дров был сложен, дрова дороги. 2 марта 1720 года первый петербургский генерал-полицмейстер А. И. Девьер запретил людям «подлых сословий» строить бани и воздвиг для простолюдинов 30 бань.

Подвоз дров по Ладожскому каналу облегчил положение дел, но общественные бани прижились. В 1815 году в Петербурге было 480 домашних бань и 15 общественных. К 1850-м годам общественных стало уже больше сорока. В 1870-х годах бань было 46 на 650 тысяч жителей. К концу 1930-х годов – 64 общественных бани на 3,2 миллиона жителей. Во многих даже не бедных домах ванных комнат не делали. Считалось, что жильцы раз в неделю ходят в баню, а по утрам и вечерам умываются в рукомойниках. Представление о них вполне дает «Мойдодыр» Корнея Чуковского, впервые опубликованный в 1923 году. Только 1930-е годы в новых домах уже обязательно строили ванные комнаты, и рукомойники начали вытесняться из быта.

Тем не менее еще в 1980 году в Петербурге и его пригородах работало 77 общественных бань на 22 тысячи мест. В 1980-е годы их число стало сокращаться. К 1987 году бань осталось всего 52. Сегодня их в Петербурге больше 300, но это модные сауны, которые считаются невероятно приятными и престижными. Эти сауны и всевозможные спа-центры не имеют, конечно,

ничего общего с общественными банями давнего и недавнего прошлого.

Но в 1920-е годы уже подавали воду в дома: с 1846 года паровой насос снабжал несколько ближайших домов у Воскресенского моста. Это оказалось экономически невыгодно, но попытки создать водопровод повторяли в 1858 году; к 1863-му центральная часть Петербурга жила с водопроводом. Необходимого опыта еще не было – водопроводные трубы проложили неглубоко, в первые же морозы вода в трубах замерзла. Только в сентябре 1866 года водопровод заработал снова.

В 1891-1893 годах петербургские водопроводы, принадлежавшие акционерным компаниям, были выкуплены городскими властями. Водопровод пришел в дома почти всех петербуржцев, и только тогда исчезли водовозы. Еще в фильме «Волга-Волга», вышедшем в 1938 году, есть персонаж – водовоз. Но это водовоз уже не петербургский, а провинциальный, поволжский. Привозная вода была платной, и до конца XIX века в Петербурге действовали 37 водокачек – деревянных или каменных будок, оборудованных ручными насосами. Таковую воду нужно было набирать и нести в дом самим, а частные водокачки тоже взимали плату – пусть меньшую, чем водовозы.

Отметим и еще одну деликатную деталь – канализация появилась довольно поздно. Не потому, что Россия отсталая или в Петербурге что-то не так. Канализационные трубы у нас стали прокладывать еще в 1770-е годы по указу Екатерины II. К 1834 году протяженность подземных труб на улицах Петербурга составляла 95 км – вдвое больше, чем в «передовом» Париже. Но в большинстве многоквартирных домов действовала совсем другая система: во дворе делалась выгребная яма, в нее жильцы сливали нечистоты из специальных ночных горшков. Некоторые из этих

изделий, предназначенные для дам, изготавливались изящно, даже кокетливо.

Изобретателем унитаза со сливом (ватерклозета) считается британец Стефан Грин. Почти одновременно с ним русский морской инженер Василий Блинов на глазах у публики во время лекции смыл водой полведра конского навоза в унитазе собственной конструкции. Но патента на свое изобретение он не получил. Не патентовать изобретения - это у нас прямо-таки национальная черта!

В Петербурге (как и в Париже и в Лондоне) клозет устраивали, как правило, один на несколько квартир, на черной лестнице. Если он был даже в отдельной квартире, то все равно сливали в унитаз из специального бака черпаком. Бачок для слива устанавливался не везде. В конце XIX века унитазы со сливным бачком или с баком для сливания черпаком имелись только в 49,5 % квартир Петербурга. Но и при действии ватерклозетов долгое время нечистоты попадали в выгребную яму под домом.

Из ям нечистоты вычерпывались специальными ассенизаторами, которые извлекали их специальными черпаками, загружали в бочки и вывозили за город. Зимой было проще: замерзшие нечистоты раскалывались ломиком и замороженными же вывозились. Работали ассенизаторы обычно по ночам. «Ночное золото», иносказательное название нечистот, дало народное название ассенизаторам: «золотари». Только в 1911 году, после очередной эпидемии холеры, правительство приняло закон о создании общей городской канализации.

Загрязняли город и лошади. До массовой автомобилизации в Петербурге в 1745 было 3 тысячи извозчиков, в конце XVIII века около 5 тысяч, в 1838 году - 78 тысяч, в конце XIX века 16-20 тысяч. Кроме

пассажирских извозчиков было еще около 25 тысяч грузовых перевозчиков, «ломовиков».

Извозчиков стало намного меньше после 1907 года, с появлением трамваев. Но даже в 1928-м в Петербурге-Ленинграде работало около 5 тысяч извозчиков, и лишь к 1939 их осталось всего 57. Рабочая лошадь с тех пор превратилось в красивое и милое воспоминание, часть эдакого «стиля ретро». А в 1900 году кроме извозчицких в частном пользовании было еще не менее 40 тысяч лошадей. Конный трамвай, конка, пущенный в 1863 году, тоже требовал огромного количества рабочих лошадей.

Официально скорость движения извозчика ограничивалась 10 верстами в час. «Летящий» частный экипаж (двигавшийся со скоростью не больше 20 – 30 км / час) дружно осуждался всеми классиками как источник опасности для пешеходов.

Конка вызывала у старшего поколения смутные опасения. Согласно семейной легенде, моя прапрабабушка, Капитолина Егоровна, всегда приказывала своему кучеру останавливаться перед рельсами конки и переходила их пешком.

Навоз были обязаны собирать сами владельцы лошадей... но они редко соблюдали этот закон, к огорчению дворников.

Мир петербуржца

Сами по себе новые условия быта могут оцениваться только положительным образом. Но произошедшие изменения сделали совершенно другим бытовой опыт поколений, родившихся в 1970-е годы, чем у их родителей, а часто – даже у их старших братьев и сестер. Произошел не только стремительный рост

уровня и качества жизни, но и некоторый культурный разрыв.

Человек, родившийся даже еще в 1940–1950-е годы, жил в доме, который отапливался весело стреляющей, гудящей печкой. Часто он сам носил или помогал носить для нее дрова. От печки шла жаркая волна тепла, дом отапливался этим живым жаром. А растапливать печку было увлекательным занятием. В доме имелось полутемное, немного жуткое место – дровяной подвал, куда и надо было ходить за дровами. Другое непростое место – чердак, где развешивали белье для просушки.

Человек жил в доме, где даже при скверной лампочке в 30 ватт по углам скапливались тени, с неосвещенным коридором, темноватым и часто плохо отапливаемым туалетом. В квартиру поднимались по полутемной же лестнице. В таком доме намного легче было рассказывать и намного страшнее слушать о привидениях и всяких потусторонних вещах, чем в ярко освещенной современной квартире. Тем более, плохо освещался дом «до электричества», где керосиновая лампа бросала красноватый круг света вокруг стола, за которым ужинает семья. Печное отопление было все-таки не таким надежным. Утром по полу полз холодок, спали в теплых ночных рубашках, а утром первым делом топили печь.

Мне в детстве были вполне понятны иллюстрации к «Мойдодыру», где мальчик в ночной рубашке прыгает за свечкой, убегающей в печку. А где теперь свечки и печки? Быт XIX века был понятен из опыта собственной жизни еще в 1950–1960-е годы. Поколения, родившиеся позже, уже не имеют необходимого бытового опыта. Ничего непостижимого в быте недавних предков нет – но приходится уже специально его изучать. Что и составляет этот самый «культурный разрыв».

Во-вторых, мы не всегда представляем себе облик города до технологического и бытового переворота

1960–1970-х. Петербург был городом, который субъективно больше – потому что пешком и даже на извозчике, на конке, двигались по нему куда медленнее, чем в эпоху автобусов и метро. В городе было много людей загадочных профессий – извозчиков, дворников, «золотарей», водовозов. Они часто появлялись по вечерам и ранним утром, а то и приезжали по ночам. Для ребенка из интеллигентной семьи это были «другие», появлявшиеся и исчезающие по каким-то мало понятным законам, – не в меньшей степени, чем призраки или тролли.

В таинственном городе, окруженном болотами и лесами, были еще полутемные жутковатые подвалы, окруженные набором самых мрачных легенд. В XX веке появился целый пласт «ужастиков» про метро, причем петербургские ужастики не страшнее московских, но более реалистичны. У нас не рассказывали ни про крыс-мутантов размером с овчарку, ни про бродящих в подземелье бомжей, превращающихся в чудовищ. Но истории о тайных военных базах и сбежавших из них солдатах, которые с тех пор питаются похищенными офицерами и милиционерами, я слышал лично. И рассказывали их вполне серьезно.

Сейчас мы живем не только в громадной агломерации. Мы не только передвигаемся по агломерации быстрее, чем передвигался прадед и дед по намного меньшему городу. Мы живем в городе светлом, теплом, удобном. Действие и белых ночей начала лета, и «черных дней» ноября-декабря тоже сказывается не так сильно: у нас слишком много источников света. К 1980-м годам начал исчезать, к началу XXI века окончательно исчез город, полутемный на протяжении двух-трех месяцев в году.

III

**В ПЕТЕРБУРГЕ ЧТО-ТО
ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

Глава 1. Эрмитаж

Сегодня Эрмитаж – это пять зданий, расположенных вдоль набережной Невы, с центром в Зимнем дворце. Это фондохранилище в Старой Деревне, галерея актуального искусства, филиал музея в Казани, выставочный центр «Эрмитаж-Гуггенхайм» в Лас-Вегасе, выставочный комплекс «Эрмитаж Амстердам» в Амстердаме, «Эрмитажные комнаты» в Сомерсет-Хаусе в Лондоне. Коллекция музея насчитывает около 3 млн произведений искусства и памятников мировой культуры. Это один из крупнейших и самых значительных художественных и культурно-исторических музеев не только России, но и мира. Он входит в число 20 самых посещаемых музеев мира.

Эрмитаж сегодня – это 2,5 тыс. сотрудников, от полотеров до известных во всем мире докторов наук. Эрмитаж – пример информационного урочища, прошедшего полный путь от культурного центра феодального общества до центра современной науки.

Само слово «Эрмитаж» восходит к французскому *ermitage* – место уединения, келья, приют отшельника, затворничество. Так называли специальный флигель, где императрица Екатерина II в 1764 году поместила купленное ею собрание картин Иоганна Эрнста Гоцковского – 317 (по другим данным «всего» 225) полотен голландскофламандской школы.

Покупки произведений искусства продолжались. В 1769 году в Дрездене приобрели коллекцию графа Брюля – больше 600 картин. В 1772-м – итальянских, французских, фламандских и голландских мастеров XVI–XVIII века у барона Кроза. В 1779-м – коллекцию живописи британского премьер-министра Уолпола. Античные статуи и бюсты, скульптуры работы

Микеланджело купили у английского банкира Лайд-Брауна. В посмертной описи имущества Екатерины 1796 года перечислено 3996 картин.

Малому Эрмитажу стало тесно, и в 1771-1787 годах было выстроено здание Большого Эрмитажа. Политику скупки произведений искусства за рубежом продолжали и Александр I, и Николай I. В 1852 году Николай I открыл для посещения публики Императорский Эрмитаж. К 1880 году посещаемость музея достигла 50 000 человек в год. До этого посещать музей могли лишь избранные. Сам Пушкин смог получить пропуск только благодаря рекомендации Жуковского, служившего наставником у сына императора.

В систематизации и изучении коллекций Эрмитажа исключительную роль сыграл Андрей Иванович Сомов. Этот человек фактически открыл новый этап в истории русского искусствоведения. Среди прочего он доказал, что немало полотен, которые приобретались императорами за огромные деньги как работы Рафаэля или Леонардо да Винчи, на деле являются произведениями их учеников. Основатель русского научного искусствоведения умер в результате несчастного случая после наезда на него экипажа на Дворцовой площади у Эрмитажа.

Детьми А. И. Сомова были известный художник Константин Андреевич Сомов, вынужденный эмигрировать, и Анна Андреевна Сомова-Михайлова. Она не получила систематического образования, а графике и живописи училась дома под руководством своего брата. Красиво вышитые сумки, изделия Анны Андреевны из бисера многократно участвовали в европейских выставках, где она неизменно получала первые призы. Ее сумочки, прозванные во Франции ридикюлями, стали родоначальницами современных женских аксессуаров.

Судьба коллекций, собиравшихся русскими императорами несколько поколений, сложилась

грустнее, чем могла бы. В 1929- 1934 годах правительство СССР стало продавать художественные сокровища. Коммунисты не видели в этом ничего плохого. Ведь скоро грянет мировая революция! Все вернется к трудовому народу!

Под «крышей» Наркомпроса создали специальное агентство «Антиквариат». Через него и вели продажи. Эрмитажу было дано предписание продать 250 картин по крайней мере по 5000 рублей за каждую, гравюры и скифское золото (директором Эрмитажа в то время был партийный функционер Б. В. Легран). Всего из залов и запасников музея было отобрано 2880 картин, 350 из которых представляли собою произведения значительной художественной ценности, а 59 – шедевры мирового значения.

Сбыть удалось не все, но 48 шедевров продали, включая Рембранта, Тициана и Рафаэля. В том числе и собранное еще Екатериной II. Продали и картины, завещанные Эрмитажу П. П. СеменовымТян-Шанским. Естественно, продавали картины из «национализированных», то есть присвоенных или украденных коммунистами собраний, – например, шедевры Строгановского дворца.

Оценивать и этическую, и культурную, и экономическую стороны преступления предоставляю самим читателям.

Эрмитаж - основоположник российской научной археологии

До 1863 года Эрмитаж находился под личным управлением императора. В эпоху Николая I разные отделения возглавляли крупные художники – Фиделио (Федор) Антонович Бруни и Флориан Антонович Жиль. Первым директором Эрмитажа Степаном

Александровичем Гедеоновым были изданы каталоги картин и древней скульптуры – сначала на французском языке, а через год и на русском.

До Гедеонова в Эрмитаж положено было приходить в вицмундирах или фраках, по особым входным билетам, выдававшимся Придворной Конторой. Директор облегчил вход копиистам и стал добиваться пропуска публики на широких началах. Публику стали пускать без всяких билетов и в обыкновенных костюмах, но с сокращением часов работы Эрмитажа по сравнению с прежним порядком.

С. А. Гедеонов издал ряд исследований, в том числе «Варяги и Русь», в котором пришел к выводу, что варяги – западнославянского происхождения, а Русь – восточнославянский народ. В своей книге автор подверг противников критике, но признавал, что его «протест против мнимо-норманнского происхождения Руси не разрешил вопроса, давно спорного в исторической науке».

Директора Эрмитажа

Все последующие директора Эрмитажа были чрезвычайно хорошо образованными и культурными – и аристократами, и людьми очень скромного происхождения.

Александр Алексеевич Васильчиков, директор Эрмитажа в 1879–1888 годах, всегда помнил о своем происхождении по материнской линии от К. Г. Разумовского. Результаты своих изысканий о роде он издал в пяти томах под названием «Семейство Разумовских». Он настоял на передаче Эрмитажу многих коллекций из императорских дворцов, в том числе из Петергофа.

Одновременно с директорством в Эрмитаже А. А. Васильчиков был председателем Императорской Археологической комиссии. Этот научный и организационный центр по археологии работал с 1859 года. Подчинявшаяся Министерству двора комиссия была единственным учреждением, выдававшим «открытые листы» – разрешения на проведения раскопок в Российской империи, занималась охраной и реставрацией памятников. До создания Академии истории материальной культуры в 1919 году, то есть до создания археологического учреждения Академии наук, комиссия фактически была им.

Во время директорства Васильчикова в Эрмитаже начали работать выдающиеся ученые: египтолог Голенищев, археолог Кизерицкий, византиевед Кондаков. Эрмитаж начал становление как важный научный центр.

Обер-гофмаршал Высочайшего двора, действительный статский советник князь Сергей Никитич Трубецкой, директор Эрмитажа в 1888–1889 годах, заведовал музеем во многом номинально. При Трубецком в залах музея особенно часто устраивались придворные балы и ужины, а фактически делами Эрмитажа занимался славяновед, академик Арист Аристович Куник. Крупный историк, автор более чем 120 работ, он и стал директором Эрмитажа в 1889–1899 годах.

После него, в 1899–1909 годах, «правил» русский театральный деятель, сценарист, художник, тайный советник, обер-гофмейстер Иван Александрович Всеволожский. Дипломат, имевший широкие связи за границей, Всеволожский был прекрасно образован и хорошо понимал значение Эрмитажа. Он привлек к работе ряд молодых специалистов, связанных с кругами коллекционеров и художников, в том числе Александра Бенуа.

Правнук князя М. И. Кутузова, Граф Дмитрий Иванович Толстой, директор Эрмитажа в 1909-1918 годах, окончательно привел Эрмитаж к уровню первоклассного музея европейского типа, в котором работали выдающиеся специалисты и в котором ежегодно бывали сотни тысяч посетителей.

В первые годы советской власти традиция продолжилась - в 1918-1927 годах директором Эрмитажа был известный искусствовед и геральдист Сергей Николаевич Тройницкий. Дворянин старого хорошего рода, сын сенатора, в 1904 году он окончил Императорское училище правоведения, и в 1908 году принят на службу в Эрмитаж в отдел средних веков и эпохи Возрождения, с 1915 - хранителем отделения древностей Эрмитажа. Директором он был избран, а в 1931-м - «вычищен по первой категории» без права работать в Эрмитаже и в 1935 году выслан в Уфу как социально опасный элемент. Хорошо, что умер своей смертью.

Из других директоров, работавших впоследствии, ученым был только искусствовед, историк античного искусства, Оскар Фердинандович Вальдгауер. Он был директором Эрмитажа недолго, исполняющим обязанности в 1927-1928 годах Вальдгауер в числе первых ввел научные методы организации музейной экспозиции.

В числе остальных мы видим профессиональных революционеров Германа Владимировича Лазариса, который мелькнул в Эрмитаже с февраля по ноябрь 1928 года, и Павла Ивановича Кларка - с декабря 1928 по август 1929 года. Революционером был и Владимир Иванович Забрежнев. Впрочем, у этого сотрудника НКВД имелось столько псевдонимов, что он вряд ли сам твердо помнил, как его зовут. Он тоже лишь мелькнул... Как и один из первых советских дипломатов, Леонид Леонидович Оболенский. Он постоянно подчеркивал, что

к роду князей Оболенских никакого отношения не имеет. Эрмитаж он возглавлял несколько месяцев в последний год своей жизни. По словам его сына: «ничего не успел продать и ничего переставить. Успел только покрасить Зимний в бирюзовый цвет, каковым он был до того как его выкрасили в красно-коричневый, цвета запекшейся крови».

Торговлей сокровищами Эрмитажа активно занимался в 1930– 1934 годах советский дипломат, партийный деятель Борис Васильевич Легран. В 1934 году Леграна на посту директора Эрмитажа сменил его заместитель Иосиф Абгарович Орбели. Сам же Легран умер своей смертью и погребен на Коммунистической площадке Александро-Невской лавры. Возможно, это спасло его от репрессий.

С того времени директорами Эрмитажа неизменно становились крупные ученые. Рассказывать об археологе и востоковеде Иосифе Абгаровиче Орбели можно долго. Академик АН СССР с 1935-го, первый президент Академии наук Армянской ССР в 1943–1947 годах, он был ученым громадного масштаба.

Доцент Петроградского университета в 1917 году, профессор кафедры истории Переднеазиатского Востока Лазаревского института в 1918-м, с 1919 года он был преподавателем Петроградского археологического института, профессором кафедры истории восточного искусства Петроградского университета, членом Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК), руководителем разрядами археологии и искусства Армении и Грузии этой академии и ученым секретарем Коллегии по делам музеев Народного комиссариата просвещения РСФСР. С 1 сентября 1924 года он стал помощником директора Эрмитажа. В страшные годы блокады, в 1941 – 1942 годах, Орбели руководил охраной и эвакуацией Эрмитажа и ленинградских учреждений Академии наук СССР. В 1944

году он работал в составе чрезвычайной комиссии по обследованию ленинградских дворцов: определял меру ущерба, нанесенного культурным ценностям авиацией и артиллерией противника. Это позволило ему в 1946 году выступать свидетелем на Нюрнбергском процессе.

Ближайший соратник Марра, Орбели создал школу советских кавказоведов, которые умели сочетать работу в области материальной культуры и филологии. Эта школа и до сих пор такая, мировой приоритет.

В 1951 - 1964 годах директором Эрмитажа был Михаил Илларионович Артамонов. Основная заслуга этого человека в науке: основание советского и российского хазароведения. Началось же все с того, что, проводя свою первую самостоятельную археологическую экспедицию, разведку на Нижнем Дону в 1929 году, он идентифицировал с левобережным Цимлянским городищем известный по письменным источникам город Саркел. Раскопки Саркела велись в 1934 - 1936 годах. Они были возобновлены в 1949 - 1951 годах в ходе исключительной для тех времен по масштабам Волго-Донской новостроечной экспедиции. Экспедиция вела спасательные работы в районе, который должен был уйти на дно Цимлянского водохранилища.

Из этих полевых работ выросли все труды Артамонова, составившие эпоху в изучении раннего средневековья степей Восточной Европы. Артамонов первым в мире создал системный обзор истории Хазарского каганата. Его работа оказалась заложником политики. В год выхода его «Истории СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства» в 1939-м власти не тревожило, что принявшая иудаизм Хазария сыграла важную роль в истории народов СССР. В эпоху «кампании по борьбе с космополитизмом» подобное вызывало невероятное раздражение. Его новую монографию «История хазар» полностью издали только в 1962 году.

Но это еще что! Статья «Первые страницы русской истории в археологическом освещении» была опубликована... в 1990 году. Ведь в этой статье преступный Артамонов утверждал, что начало заселения славянами лесной полосы Восточной Европы относится «не к первым векам н. э., не к VI, а к IX в., что вынуждает к пересмотру проблемы славяно-норманнских отношений, а вместе с тем и процесса образования Древнерусского государства»⁴⁹. И на посту директора Эрмитажа Артамонов был, как говорят прапорщики и бывшие комсомольские работники, «неуправляемым». То есть начальство он слушался, но не всегда.

Например, увлекался авангардной живописью. При его поддержке в Эрмитаже была организована выставка работ Пикассо, удалось сохранить работы импрессионистов. Поводом для отставки Артамонова послужила внутримузейная выставка работ студентов Академии художеств, отчисленных за абстрактное искусство и вынужденных работать такелажниками в Эрмитаже (в том числе Михаила Шемякина). Умер Артамонов прямо за рабочим столом, редактируя научную статью.

Клан Пиотровских

Об этом клане можно говорить долго, и говорить о них трудно... Как объективно ни напишешь, а будет выглядеть как восхваление. Потому что даже Артамонов был большим ученым в полном подчинении партийного начальства.

А Борис Борисович Пиотровский за свое долгое директорство (1964–1990) был крупным ученым, организатором науки, сумел стать одним из представителей советской номенклатуры. То есть

фактически занять такое же положение в обществе, какое занимали его предки – потомственные дворяне.

При Пиотровских статус директора Эрмитажа окончательно сделался таким же высоким, как в царской России.

До того как стать директором, Борис Борисович прошел превосходную школу как археолог. По совету своего учителя Н. Я. Марра он занялся исследованиями в Армении и клинописью урарту. Книга «История и культура Урарту» выдвинула его в ряды самых серьезных специалистов по истории Закавказья.

И раскопки Кармир-Блура, древней столицы Урарту, и личные качества Бориса Борисовича создали ему поистине уникальную репутацию. Несколько удивительных историй рассказывают о Борисе Борисовиче и хранящихся в Эрмитаже мумиях. Их я поведаю в другой книге.

Немало интересного повествуется о Михаиле Борисовиче Пиотровском, но тоже – в уважительном ключе. Автор более 250 научных работ, М. Б. Пиотровской развернул и огромную организационную работу.

Археология Эрмитажа сегодня

Число археологических экспедиций Эрмитажа называют разное – и 20, и 22, и 23. Причина простая: число экспедиций меняется. Стратегию создания археологических экспедиций определяет Археологическая комиссия музея во главе с его директором. Итоги работы экспедиций ежегодно обсуждаются на Археологической сессии музея.

В Издательстве Государственного Эрмитажа регулярно публикуются монографии, сборники научных трудов на археологические темы, отчеты

археологических экспедиций. На протяжении многих лет в Эрмитаже выходит «Археологический сборник». Результатом исследований стали несколько экспозиций музея.

Экспедиции Эрмитажа работают на юге, северо-западе, в центральных областях России, в Сибири и на Алтае, в Крыму, на Украине, в Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане, Казахстане, Турции и в Италии. Многие памятники, которые сегодня составляют гордость Эрмитажа, были найдены во время собственных археологических раскопок. Такие сенсации, как Пазырык, Пенджикент, Кармир-Блур, скифское золото, сасанидское серебро, псковские фрески, рождены эрмитажными экспедициями.

Результаты некоторых современных исследований буквально ошеломляют. Еще Петру I Никита Демидов подарил золотые скифские вещи из курганов. Сокровища, подаренные Демидовым, выставляются в Эрмитаже 300 лет. Но только сейчас археологи Эрмитажа «докопались» до места происхождения золотых вещей из сибирских курганов⁵⁰.

Глава 2. Университет

Как и Эрмитаж, Санкт-Петербургский университет относится к учреждениям, пережившим разные исторические эпохи. Одни возводят его родословную к Академическому университету, основанному Петром I в 1724 году. Но тот Университет влачил жалкое существование и фактически перестал существовать в 1766 году.

Другие же полагают современный СПбГУ преемником санктпетербургского университета, созданного в 1819 году, по докладу попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, действительного статского советника С. С. Уварова министру духовных дел и народного просвещения, князю А. Н. Голицыну: «Об учреждении Университета в Санкт-Петербурге». В любом случае это ведущий и старейший в России классический университет, один из ведущих в России и всем мире.

Петербургский университет – это 24 факультета и института, 304 кафедры, 13 тысяч сотрудников, почти 6 000 преподавателей, из которых более 1500 докторов наук, 3 000 кандидатов наук, более 40 академиков государственных Академий.

Даже просто перечислить направления, в которых сотрудники университета добились выдающихся результатов, и выдающихся преподавателей, будет непросто. Выпускниками университета были такие деятели русской науки, как В. В. Докучаев, А. С. Попов, К. А. Тимирязев, П. П. Семенов-Тянь-Шанский.

Членами Академий наук, в том числе зарубежных, стали более 600 выпускников и преподавателей петербургского университета. Нобелевскими лауреатами стали выпускники: основоположник учения о

высшей нервной деятельности Иван Петрович Павлов – в 1904 году, основоположник химической физики Николай Николаевич Семенов в 1956-м, автор фундаментального классического курса теоретической физики Лев Давидович Ландау в 1962-м, основоположник квантовой электроники Александр Михайлович Прохоров в 1964-м, создатель теории межотраслевого анализа Василий Васильевич Леонтьев в 1973-м, один из создателей линейного программирования Леонид Витальевич Канторович в 1975-м.

Здания университета сегодня разбросаны в Василеостровском, Петродворцовом, Центральном и Адмиралтейском районах Петербурга, в Ленинградской и Белгородской областях, Краснодарском крае, республике Карелии. Но историческим центром Университета остается, конечно, здание Двенадцати коллегий на стрелке Васильевского острова.

Рассказать обо всех выдающихся ученых, связанных с университетом, задача абсолютно непосильная. Я выбрал несколько имен, вклад в науку которых мне, во-первых, понятен, а во-вторых, достаточно хорошо известен.

Большая просьба не обижаться за то, что вынужденно не назвал огромного числа самых достойных людей.

Докучаев и его школа

Василий Васильевич Докучаев (1846–1903) – геолог, географ, ботаник и почвовед, создатель учения о почве как об особом природном теле, имеющем свою историю и закономерности развития. Докучаев полагал, что почва как особое природное минерально-органическое образование является результатом совокупного действия живого мира, материнской породы, климата,

рельефа и времени. Он же ввел в науку «крестьянские» названия почв: подзол, чернозем, серозем⁵¹.

Докучаев провел десятки экспедиций в разные регионы России, собрал колоссальный материал. Убежденный сторонник того, что теория должна серьезно работать на практику, он сыграл громадную роль в становлении Ново-Александрийского лесного института и в развитии Великоанадольского опытного лесничества.

Ново-Александрийский институт

Ново-Александрийский институт сельского хозяйства и лесоводства (в Люблинской губернии, Польша) – самый молодой из лесохозяйственных институтов России до 1917 года. Он стал высшим учебным заведением только в 1869 году. Этот институт – прямой преемник института-«агрономии», созданной в 1816 году на территории современной Варшавы, в ее пригороде – Маримонте. Сегодня Маримонт вошел в район Варшавы под названием Жолибож. С 1840 года «агрономию» объединили с Варшавской лесной школой. Маримонтский институт сельского хозяйства и лесоводства в 1840–1857 годах выпустил больше сотни специалистов-лесоводов.

В 1867 году Институт перевели в Пулавы – бывшее имение Чарторыйских. Это имение конфисковали в 1842 году за постоянные антироссийские выступления бывшего друга и соратника Александра I, князя Адама Чарторыйского, и назвали Новой Александрией.

Ново-Александрийский институт сельского хозяйства и лесоводства стал одним из первых в Европе высших сельскохозяйственных и лесохозяйственных учебных заведений. Располагался он в бывшем дворце Чарторыйских и выпускал каждый год 20–30 ученых

лесоводов. Немного? Но и Лесной институт в Петербурге выпускал 70–80 специалистов в год.

До этого, в 1870–1890 годах, ежегодный выпуск ученых лесоводов из Петербургского лесного института составлял в среднем 35 человек, из Ново-Александрийского института – 20, из Петровской академии – 15. По современным представлениям, неправдоподобно мало. Другой вопрос, что качество этих специалистов было исключительно высоким. А малочисленность научного сословия в целом делала реальной индивидуальную работу с каждым со стороны гигантов тогдашнего естествознания.

Исключительную роль в истории Ново-Александрийского института сыграл Василий Васильевич Докучаев. В 1891 году этот великий человек трудился в Министерстве народного просвещения и департаменте земледелия: разрабатывал программы и законодательную базу сельскохозяйственного и лесохозяйственного образования в России.

В 1892–1895 годах он был директором Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства. За это время Докучаев создал один из лучших в России и всей Европе музеев сельского хозяйства, а также 3 лаборатории, 20 кабинетов, ветеринарную клинику, метеорологическую станцию, молочную и три растениеводческих опытных фермы, оранжереи, лесные питомники, библиотеку. Кроме того, благодаря Докучаеву Ново-Александрийский институт сельского хозяйства и лесоводства получил права, уравнивавшие его с другими университетами России.

Сам Докучаев называл три года директорства «триумфом своих идей» и «лучшим временем жизни». С началом Первой мировой войны в 1914 году институт эвакуировали в Харьков – большая часть Польши, а потом вся Польша были оккупированы войсками Германской империи. С 1921 года функционировал

Харьковский сельскохозяйственный институт имени В. В. Докучаева. Сейчас это Харьковский национальный аграрный университет.

В самой же Польше под немецкой оккупацией в 1916 году из остатков Ново-Александрийского института создан Научно-исследовательский институт сельского хозяйства, просуществовавший до 1951 года. В этом году НИИСХ разобрали по разным институтам Польской Академии наук.

Дубравы в степи

Великоанадольский лес считают началом научного степного лесоводства. Это самый большой искусственный лес на планете. Первым начал планомерное наступление на сухую степь глава Лесного департамента Министерства государственных имуществ, полковник Корпуса лесничих, Виктор Егорович фон Графф, в 1843 году.

Интересно, что, выбирая место для образцового и учебного лесничества в 1843 году, фон Графф нашел самое сухое и неудобное место. Начальству объяснил так: «Если получится здесь, получится и где угодно».

Эксперимент удался, но, во-первых, в недостаточных масштабах. Во-вторых, суховеи четыре раза уничтожали посадки. Раз так – о чем речь? Все равно мы бессильны против природы. В-третьих, просто не хватало денег. После последнего выпуска Низшей лесной школы в 1866 году лесничество было преобразовано в образцовое, но его бюджет и штат сокращены в три раза.

Энтузиазмом нового заведующего лесничеством, Людвиг Барка, удалось вновь заинтересовать Лесной департамент в степном лесоразведении. К концу «правления» Барка 5 лесничеств Екатеринославской

губернии ежегодно сажали около 400 десятин леса, 11 лесничеств Херсонской – около 350 десятин.

Важнейший этап степного лесоразведения связан именно с именем В. В. Докучаева. Глава Особой экспедиции Лесного департамента по испытанию и учету различных способов и приемов лесного и водного хозяйства в степях России, в 1892–1898 годах назначил Великоанадольское лесничество одной из основных опытных площадок.

Докучаев начал разводить самую ценную породу – дуб. Идея Докучаева по части разведения дубов в степи была гениально проста: притенение в первые годы жизни растения. Первые три года солнце сжигает нежные листочки дуба. В лесу дуб вырастает в тени уже взрослых деревьев. Если дубы сажать в степи, надо первые три года притенять посадки – например, полотнищами на шестах. Этот элементарный метод дал прекрасные результаты. Вторым отличным способом стала мелиорация. Мелкие каналы, проводимые от речки Кашлагач, питали молодые деревца. Потом уровень почвенных вод поднимался, в орошении уже не было необходимости.

Громадную роль в этой работе сыграл Николай Яковлевич Дахнов (1862–1930), директор в 1894–1919 годах. Этот удивительный человек за свою жизнь не опубликовал ни одной научной статьи. Но именно он разработал древесно-теневой метод культуры дуба и метод выращивания дубовых насаждений с помощью лесных школ. Метод так и называется: дахновский. Суть метода в том, что растения первые три года растут в специальных питомниках, «школах», а потом рассаживают.

И метод притенения, и дахновские «лесные школы» применяли потом великое множество раз. Например, в «Сталинском плане преобразования природы».

Сталинский план преобразования природы

20 октября 1948 года по инициативе Сталина Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР».

Этот грандиозный план явно был следствием почти забытого сегодня голода 1947 года, унесшего, по разным оценкам, от полумиллиона до миллиона жизней. Тех, кто уцелел на войне, но на кого обрушились экологические последствия «индустриализации».

«Сталинский план преобразования природы» предполагал создание в течение 1950–1965 годов крупных государственных лесозащитных полос общим протяжением 5 320 км с площадью лесопосадок 117 900 га.

Наряду с созданием крупных государственных лесных полос в постановлении предусматривалось создание полезащитных лесонасаждений на полях колхозов и совхозов на общей площади 5 709 000 га. Одновременно на полях вводились травопольные севообороты, обеспечивающие восстановление плодородия почв, и предусматривалось строительство 44 000 прудов и водоемов.

Это был план работ по переделке природы засушливых степей. Был ли план чистойшей утопией? Да, потому что заявлялись практически нереальные цели. Нет, потому что многое сделать было можно. По-видимому, «сталинский план преобразования природы» не следовало принимать. Но коли он уже начал осуществляться, его нельзя стало и отменять.

Рассчитанный до 1965 года, план преобразования природы был полностью свернут сразу после смерти Сталина. Что совершенно чудовищно, сотни тысяч гектаров лесополос в 1960-е годы были вырублены. Созданные в 1949 - 1955 годах 570 лесозащитных станций также ликвидированы.

Хрущев последовательно мстил «хозяину». Только мстил-то он, получается, не Сталину, а всей России. И еще - «сталинский план преобразования природы» логически продолжал то, что начинал еще фон Графф в 1843 году.

Учителя и ученики

Из профессоров на В. В. Докучаева наибольшее влияние оказали геологи - П. А. Пузыревский, А. А. Иностранцев, агроном А. В. Советов, химик Д. И. Менделеев, ботаник А. Н. Бекетов. Именно Пузыревский посоветовал своему студенту на летних каникулах «походить по речке, записывать все, что на ней увидит, и привезти образцы». Собранные материалы помог правильно интерпретировать опытный петрограф А. А. Иностранцев. С этой экскурсии, похоже, и началось развитие теории почв.

Докучаев воспитал множество учеников, ставших впоследствии известными исследователями. Часть его учеников были теоретиками, из которых самый знаменитый, вне всякого сомнения, В. И. Вернадский. Другие ученики В. В. Докучаева, Н. М. Сибирцев, Г. Н. Танфильев, А. Р. Ферхмин, получили золотые медали на Всемирной выставке 1900 года в Париже за составление почвенной карты России.

Менделеев

Дмитрия Ивановича Менделеева (1834–1907) упорно связывают исключительно с его таблицей. Уже открытие этого закона – одного из фундаментальных законов мироздания – было бы достаточно для вечной неувядаемой славы. Но в деятельности Менделеева выделяют «7 основных направлений деятельности ученого – 7 секторов»:

1. Органическая химия, учение о предельных формах соединений.

2. Растворы, технология нефти и экономика нефтяной промышленности.

3. Физика жидкостей и газов, метеорология, воздухоплавание, сопротивление среды, кораблестроение, освоение Крайнего Севера.

4. Эталоны, вопросы метрологии.

5. Химия твердого тела, технология твердого топлива и стекла.

6. Биология, медицинская химия, агрохимия, сельское хозяйство»⁵².

Менделееву приписывают создание современной водки. На этикетке «Русского стандарта» написано, что данная водка «соответствует стандарту русской водки высшего качества, утвержденному царской правительственной комиссией во главе с Д. И. Менделеевым в 1894 году». Это не совсем так, потому что Менделеев считал идеальной крепостью водки 38°. Но это число было округлено до 40 – для упрощения расчета налога на алкоголь.

Изучению состава и свойств разных сортов нефти, ее перегонке и вопросам нефтедобычи Д. И. Менделеев посвятил около 150 работ. Он вступил в жесткий конфликт с братьями Нобилями: те спекулировали «дышащими интригой слухами» об истощении бакинской нефти, чтобы добиться падения цен на участки и скупить их. Менделеев доказал необоснованность таких предположений. Именно Д. И.

Менделеев еще в 1860-е годы предлагал строительство нефтепроводов, которые в 1880-е с успехом создавались Нобелями. Менделеев первым определил географический центр Российской империи и дал ряд рекомендаций промышленного и культурного развития европейской и азиатской частей страны: двуединой России. Эти идеи нашли практическое применение только в середине - конце XX века. Менделеев четко видел грядущие перемены в России и во всем мире. В своей последней книге, вышедшей в 1906 году, «К познанию России», он сосредоточил внимание на росте населения в России. Ведь «высшая цель политики яснее всего выражается в выработке условий для размножения людского». По его мнению, к 2050 году численность населения России достигнет 800 млн человек.

Впрочем, занимался он и самыми неожиданными делами: пытался создать математический анализ музыки и любил ремонтировать чемоданы. Почему именно чемоданы - бог весть, но что любил - факт.

Фридман

Многие уверены, что создатель теории расширяющейся Вселенной Фридман - американец. Не могли же в России создать нечто в такой степени значительное! А вот сделали⁵³.

В США действительно уехал близкий друг Фридмана, Яков Давидович Тамаркин (1888-1945). В августе 1924 года он отправился вместе с большой группой советских математиков на Международный конгресс математиков в Торонто. Он не вернулся в СССР, преподавал в Дартмутском колледже и Брауновском университете, стал вице-президентом Американского математического общества. В США Тамаркин создал свою научную школу

математиков, подготовил более двух десятков докторов наук.

Сам же создатель теории нестационарной Вселенной, Александр Александрович Фридман (1888–1925), был достаточно обычным русским интеллигентом. Он едва ли не первым в России понял необходимость создания отечественного авиаприборостроения. В 1917 году он стал создателем и первым директором завода «Авиаприбор».

Выдающийся физик и геофизик, он еще в гимназии увлекался астрономией. 5 февраля 1925 года, незадолго до смерти, Фридман был назначен директором Главной геофизической обсерватории. Трудно сказать, каких еще высот мог бы достичь А. А. Фридман, но увы, в июле 1925 года он умер от брюшного тифа.

Глава 3. Академия и естественные науки

Берг и эволюционная теория

Бывает очень трудно определить, какому именно ученому принадлежит имя того или иного ученого.

Выдающийся биолог и географ Лев Семенович (Симонович) Берг (1876–1950), член-корреспондент с 1928 и действительный член АН СССР с 1946 года, и преподавал, и был президентом Географического общества СССР. Он состоялся как автор основополагающих работ по географии, ихтиологии, теории эволюции. Автор капитального труда «Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран», он предложил «систему рыб и рыбообразных, ныне живущих и ископаемых», которая используется до сих пор. Берг внес существенный вклад в озероведение, гляциологию, гидрологию, пустыноведение, геоморфологию, геологию.

Как эволюционист, он стал автором книги «Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей» (1922). По Бергу, развитие видов происходило от множества исходных форм, и не все виды имеют общих предков. Основой появления новых видов становятся генетические мутации, а борьба за существование и естественный отбор не являются факторами прогресса. Они скорее способствуют сохранению уже существующих видов. Эволюция – это в основном развертывание уже существующих задатков качеств организмов. Вымирание же чаще всего – следствие внешних причин.

Это параллельное дарвинизму учение в СССР старались осторожно замалчивать. Но такие громадные ученые, как А. А. Любищев и С. В. Мейен, были приверженцами теории номогенеза.

Павлов

Иван Петрович Павлов (1849–1936) тоже не был сторонником Дарвина. Основатель крупнейшей российской физиологической школы, создатель учения о высшей нервной деятельности, рефлексологии, физиологии, он всегда с теплотой вспоминал рязанскую духовную семинарию. Именно в ней он прочитал небольшую книгу «Рефлексы головного мозга» профессора И. М. Сеченова и в 1870 году поступил на юридический факультет Петербургского университета. Поступить прямо не естественное отделение физико-математического факультета он не имел права как семинарист. Но перевестись право имел! И перевелся... через 17 дней обучения.

Описывать виртуозные эксперименты Павлова можно долго. В 1903 году он первым сформулировал принципы физиологии высшей нервной деятельности, ввел понятие условного и безусловного рефлексов и подкрепления при формировании условных рефлексов. В 1904 году И. П. Павлов стал первым российским нобелевским лауреатом.

С 1925 года и до смерти Павлов руководил созданным «под него» Институтом физиологии АН СССР. В 1935 на 14 - м Международном конгрессе физиологов Иван Петрович был увенчан почетным званием «старейшины физиологов мира». Ни до, ни после него ни один биолог не удостоивался такой чести.

Отпетый по православному обряду, И. П. Павлов после смерти стал символом «материалистической

науки». «Учение Павлова» превратилось в лозунг наряду с работами Мичурина. Очередной погром в естественных науках, так называемая Павловская сессия Академии медицинских наук и Академии наук СССР в 1950 году проводилась под лозунгом «защиты павловского наследия». Впрочем, к этому великий физиолог уже не имел отношения.

Бэр

Карла Эрнста фон Бэра (1792-1876) тоже трудно приписать к одному ведомству. Основоположник эмбриологии и сравнительной анатомии, член Петербургской академии наук, один из основателей Русского географического общества, он и преподавал, и был в числе организаторов музея Зоологического института Российской Академии наук, основанного в 1832 году на базе зоологических коллекций Натурального кабинета Кунсткамеры.

Бэр открыл хорду, или спинную струну, - основу внутреннего скелета всех позвоночных, а в 1826 году открыл яйцеклетку млекопитающих. Он показал, что развитие всех организмов начинается с яйцеклетки и что на ранних этапах развития зародыши всех животных, относящихся к разным классам, очень похожи. Причем у зародышей каждой большой группы животных общие признаки образуются раньше, чем специализированные.

«Законы Бэра» гласят:

1. Наиболее общие признаки любой крупной группы животных появляются у зародыша раньше, чем менее общие признаки.

2. После формирования самых общих признаков появляются менее общие, и так до появления особых признаков, свойственных данной группе.

3. Зародыш любого вида животных по мере развития становится все менее похожим на зародышей других видов и не проходит через поздние стадии их развития.

4. Зародыш высокоорганизованного вида может обладать сходством с зародышем более примитивного вида, но никогда не бывает похож на взрослую форму этого вида.

Карл Бэр относился к тем счастливым людям, которые не цепляются за статус и место ученого до последнего дыхания. После своего 70-летнего юбилея Карл Бэр посчитал свою карьеру ученого законченной и уехал из Петербурга в родной город Дерпт-Тарту-Юрьев. Там он тихо скончался во сне 16 ноября 1876 года.

Семенов-Тян-Шанский

Почетный член Императорской академии наук с 1873 года, Академии художеств с 1874-го, сенатор с 1882-го, член Государственного совета с 1897-го, член Русского горного общества с 1900-го, действительный член всех Российских университетов, Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1857–1914) изучал хребет Тянь-Шань, до того недоступный европейцам.

Он не только сам исследовал эту малоизвестную горную систему, он организовал ряд экспедиций в Центральную Азию, участвовал и в подготовке крестьянской реформы 1861 года, и в подготовке первой в Российской империи переписи населения в 1897 году.

Из пятерых сыновей Семенова-Тян-Шанского двое умерли в блокаду: крупный русский зоолог, энтомолог, поэт-переводчик Андрей Петрович (1866–1942) и географ, статистик, картограф, автор фундаментальных работ по физико-географическому районированию Вениамин Петрович (1870–1942).

Из внуков известен Александр Дмитриевич, епископ русской православной церкви за рубежом (1890–1979). Грустно, что в России род прервался.

Прорывы в гуманитарных науках

Оценить вклад в гуманитарные науки труднее, чем в естественные. Тем не менее создателем сравнительно-исторического подхода в изучении народов стал Фридрих Вильгельм Радлов (1837–1918). Уроженец Германии, он стал Василием Васильевичем в православии, и именно в Петербурге написал более 150 научных работ. Деятельность его связана с подразделениями Академии наук и с Кунсткамерой.

Историк, востоковед, филолог, член Санкт-Петербургской Академии наук, Василий Владимирович Бартольд (1869–1930) прославился не только как один из авторов Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, автор множества работ по истории ислама, организатор и редактор журнала «Мир ислама», а затем «Мусульманский мир». Он – один из основателей всей русской школы востоковедения. Бартольд первым ввел в научный оборот название государства и нации: Азербайджан, азербайджанцы. Народ этот, потомков отюреченных иранцев и кавказцев, до 1934 года официально называли «бакинскими татарами» или «кавказскими татарами».

Удивительные сосланные

В Петербурге жили и работали два удивительных еврея: Штернберг и Тан-Богораз. Сосланные на северо-восток Азии за революционную пропаганду в самые гиблые места, они смогли стать крупными учеными.

Народоволец Хаим-Лейб (Лев Яковлевич) Штернберг (1861- 1927) во время многолетней ссылки на Сахалин подробно исследовал общественный строй, религиозные верования и обычное право нивхов (гиляков), айнов и тунгусо-маньчжурских племен. Профессор Петроградского университета и член-корреспондент Академии наук, он исходил из единства человечества с позиций эволюционизма. В частности, начал рассматривать разные этапы формирования религиозных представлений. Его брат, профессор Абрам Яковлевич Штернберг (1873-1927), стал основателем и директором туберкулезного института в Санкт-Петербурге.

Натан Менделевич Богораз (1865-1936) стал Владимиром Германовичем и принял массу псевдонимов, из которых основной - Н. А. Тан, образованный от имени Натан. Впоследствии Богораз стал употреблять псевдоним «Тан» вместе с настоящим именем и фамилией - Тан-Богораз. В 1889 году за народовольческую пропаганду он был сослан в Среднеколымск. Он провел такие серьезные исследования жизни, хозяйства и религии чукчей и коряков, что Академия наук в 1894 году включила его в состав своей экспедиции. Три года Богораз кочевал вместе с чукчами. По окончании экспедиции Академия наук выхлопотала для него разрешение возвратиться в Петербург, а в 1900 году направила в новую экспедицию - Северо-Тихоокеанскую.

Сотрудник Музея антропологии и этнографии, профессор ряда ленинградских вузов, Богораз основал Институт народов Севера и Комитет содействия народам северных окраин (Комитет Севера) при Президиуме ВЦИК, чтобы «содействовать планомерному устройению народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении». Он же основал Музей истории религии,

который до 2000 года располагался в здании Казанского собора. Был он и автором художественных произведений. Описывая народы Севера и жизнь на Севере, он остался примитивным народническим социологом – и в «Чукотских рассказах», и в историко-этнографических романах «Жертвы дракона», «Восемь племен», «Союз молодых».

Полная противоположность Штернбергу и Тан-Богоразу буквально во всем, один из основоположников географического детерминизма в антропологии, Эдуард Бернгардович Петри (1884–1937) родился в швейцарском городе Берне, но гимназию и университет окончил в Петербурге. Его опекуном и наставником был академик В. В. Радлов. Последователь великого географа Жака Элизе Реклю (1830–1905), Эдуард Бернгардович соединял этнографию, археологию, историю культуры и географию в своих исследованиях.

В 1918 он бежал из Петербурга в Иркутск, где стал одним из основателей университета. Он невероятно раздражал советских «ученых» знанием языков, умом и квалификацией. В 1937 году Петри был расстрелян за связь то ли с пятью, то ли с семью вражескими разведками и подрывными центрами.

Дешифровка письменности индейцев майя

С Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН связана и дешифровка ряда древних письменностей, в том числе иероглифики майя. Именно здесь с 1953 года и до смерти работал профессор Юрий Валентинович Кнорозов (1922–1999). Группа Кнорозова, объединившая филологов, этнографов и математиков, предложила дешифровку знаменитых ронго-ронго, «говорящих табличек» острова Пасхи и письменности цивилизации МохенджоДаро в долине Инда.

Но высшим взлетом этой работы стала дешифровка письменности майя. Была эта иероглифика забыта уже в XVII веке: образованные индейцы говорили и писали по-испански – буквы удобнее иероглифов; католическая церковь негативно относилась к атрибутам «языческих заблуждений» в виде книг и надписей иероглифами.

Работая в Хорезмийской экспедиции и занимаясь изучением специфики взаимоотношений кочевых этнических групп и оседлых цивилизаций в регионе, Кнорозов прочитал опубликованную в 1945 году статью немецкого ученого Пауля Шелльхаса под «сильным» названием «Дешифровка письма майя – неразрешимая проблема». Отношение Кнорозова отражают его собственные слова: «Как это неразрешимая проблема? То, что создано одним человеческим умом, не может не быть разгадано другим».

Позже сложилась легенда, якобы сам Юрий Валентинович спас из горящей библиотеки в Берлине драгоценные книги: «Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланда и «Кодексы майя». Кнорозова эта легенда сердила, он называл ее «дурацкой и нелепой». По его словам, книги он нашел в ящиках подготовленной для эвакуации немецкой библиотеки в Берлине. Интереснее, что Кнорозов многократно отказывался идти на офицерские курсы, чтобы побыстрее демобилизоваться и вернуться к научной работе.

В 1952 году Кнорозов начал читать хотя бы некоторые иероглифы майя. Защита его кандидатской диссертации принесла ему сразу же докторскую степень. В 1963 году вышла обобщающая монография Кнорозова «Письменность индейцев майя» с каталогом иероглифов и словарем. В 1975 году опубликован полный перевод иероглифических рукописей майя.

Работа стала без преувеличения сенсацией

Тем не менее Ю. В. Кнорозов перед защитой всерьез ожидал ареста: ведь «классики марксизма» утверждали, что иероглифическая письменность соответствует «стадии развитого классового государства». Что это за стадия и какое государство классовое, есть непостижимая мистическая истина марксизма, но вот такое они и правда писали. А Энгельс в одной из своих работ вещал, что у майя «государства не было». Не было, стало быть, и никакой иероглифической письменности – она выдумана «буржуазными фальсификаторами истории».

За рубежом, особенно в Мексике, сенсация была не меньше. Ни разу не бывавший в Мексике советский исследователь сделал то, чего не добились многие ученые разных стран, годами проводившие полевые исследования. Не выходя из кабинета, он дешифровал древнее письмо, основываясь на текстах трех сохранившихся рукописей. Кнорозов до 1990 года оставался «невыездным». В 1990-м правительство Гватемалы организовало Кнорозову посещение всех достопримечательностей страны, вручило ему Большую Золотую медаль президента. В 1995 году в посольстве Мексики в Москве Кнорозов был награжден орденом Ацтекского орла, который вручается мексиканским правительством иностранным гражданам за исключительные заслуги перед Мексикой. В 2012 году в городе Канкун, в Мексике, Юрию Валентиновичу Кнорозову был установлен памятник, созданный Григорием Потоцким.

До самой смерти от инсульта круг научных интересов Кнорозова был неправдоподобно широк – от дешифровки древних систем письма, лингвистики и семиотики, до заселения Америки, археоастрономии, шаманизма, эволюции мозга и теории коллектива. Одним из направлений деятельности Кнорозова была разработка теорий сигнализации, коммуникации и

коллектива. Эти исследования велись в рамках программы «Мозг» специальной комиссии президиума АН СССР.

Ученица Кнорозова, Галина Гавриловна Ершова (родилась в 1955), тоже награждена Медалью Юрия Кнорозова Правительства Мексики и губернатора Юкатана. По ее словам, Кнорозов «с виду он казался суровым и угрюмым, но к нему всегда и везде тянулись и дети, и животные».

Итс

Еще одна легенда этнографии, Рудольф Фердинандович Итс (1928–1990), организатор кафедры антропологии и этнографии ЛГУ, сотрудник Кунсткамеры, прожил нелегкую жизнь. Автор приключенческих романов, он известен под псевдонимом Р. Демидов. Член Союза писателей.

Эстонец по национальности, он, по одним данным, родился в Таллине, по другим – в Череповце. В любом случае нормальная жизнь семьи окончилась в 1937-м: сначала был арестован отец, а затем – мать.

После ареста родителей Рудольф оказался в детдоме. Подростку из преуспевающей элитной семьи надо было привыкать к режиму детского дома. В 1945 году он экстерном закончил 10-й класс и был направлен на учебу на восточный факультет Ленинградского университета. Закончивший с отличием университет, Итс был оставлен в аспирантуре. В 1968 году Итс был переведен на исторический факультет ЛГУ для воссоздания кафедры этнографии и антропологии, которую он и возглавил, а в 1970 году был избран профессором ЛГУ. На кафедре учились студенты более чем из 30 стран. Свыше 40 ее выпускников стали кандидатами и докторами наук.

С 1973 по 1985 год свыше 10 раз Р. Ф. Итс выезжал за рубеж для чтения лекций и участия в международных конгрессах, конференциях, симпозиумах по антропологии и этнографии. Итс длительное время являлся членом редколлегии журналов «Советская этнография» и «Вокруг света», альманаха «Хочу все знать». Он опубликовал целый ряд научно-популярных книг, в которых ярко и вдохновенно рассказал о нелегкой работе этнографов, об обычаях и традициях народов нашей страны. Всего перу Итса принадлежит свыше 200 публикаций, в том числе монографий, учебных пособий, научно-популярных книг.

Глава 4. Система учреждений науки

Основание Академии

28 января 1724 года именной указ об учреждении Академии объявил Сенат. 27 декабря 1725 года состоялось первое торжественное заседание Академии – ее официально открыли уже после смерти Петра I. Вначале Академия занимала двухэтажный дом бывшего вице-канцлера П. П. Шафирова на набережной Большой Невы близ домика Петра. В 1783–1789 годах по проекту Джакомо Кваренги на берегу Невы рядом с Кунсткамерой было построено главное здание Академии наук, по адресу Университетская набережная, 5. Это монументальное, строгое и величественное трехэтажное сооружение на высоком гранитном цоколе, украшенное мощным, немного тяжеловесным восьмиколонным портиком с фронтоном, является прекрасным образцом русской классической архитектуры второй половины XVIII века и занимает одно из ведущих мест в облике невских берегов. Фасад величественного здания Академии наук расположен на «красной линии» застройки набережной, наружная парадная лестница выдвинута на самый тротуар.

В 1790-х годах здесь размещались Академическая канцелярия, книжная лавка, инструментальная, словолитная и слесарная палаты, даже жилые помещения для служащих. Постепенно тут остались только административные учреждения Академии наук. В 1820-е годы здесь же, на Университетской набережной, были построены здания для созданных на базе коллекций Кунсткамеры Ботанического, Зоологического, Минералогического, Этнографического, Азиатского, Египетского и Нумизматического музеев. Тем самым

было создано урочище науки, существующее до сих пор. Оно росло за счет Университета и расширения числа академических институтов.

Русификация Академии

В разные годы Академия наук носила различные официальные названия:

1724 – Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге

1747 – Императорская академия наук и художеств в Санкт-Петербурге

1803 – Императорская академия наук

1836 – Императорская Санкт-Петербургская академия наук

1917 – Российская академия наук

1925 – Академия наук СССР

1991 – Российская Академия наук

Первоначально Академия объединила самых блестящих ученых Европы. Не потому, что они выросли в России, а потому, что их пригласили в Петербург, а потом «создали условия». В числе первых академиков оказались братья Бернулли, Николай и Даниил, Христан Гольбах, астроном и географ Жозеф Никола Де Лиль (Делиль), Леонард Эйлер.

Все члены академии были немцами, голландцами, швейцарцами или французами. Единственным уроженцем России среди академиков первого состава оказался сам президент Академии – но и тот этнический немец. С удовольствием сообщаю, что все потомки Леонарда Эйлера (1707–1783) остались в России и полностью обрусели. Некоторые из них в годы сталинщины начали скрывать свое происхождение. Я лично знаком с такими людьми. Они просили не сообщать их фамилии, и я не сообщу. Но и число прямых

известных потомков Леонарда Эйлера превысило тысячу человек. Из них сегодня на Земле живут более 400, в том числе половина – в России.

Деятельность таких ученых, как Бернулли или Эйлер, сразу же выдвинула Санкт-Петербургскую Академию наук в ряд крупнейших научных учреждений Европы. В 1736 году известный французский физик Дорту де Меран полагал, что «Петербургская Академия со времени своего рождения поднялась на выдающуюся высоту науки, до которой академии Парижская и Лондонская добрались только за 60 лет упорного труда».

Елизавета Петровна старалась быть приверженной «всему русскому». В числе прочего она в 1746 году назначила президентом Академии графа Кирилла Разумовского (1728–1803). В Академию начали избираться русские ученые. Первыми русскими академиками стали: С. П. Крашенинников, положивший начало естественнонаучным книгам на русском языке («Описание Земли Камчатки»), М. В. Ломоносов, поэт В. К. Тредиаковский, а позже астрономы Н. И. Попов, С. Я. Румовский, П. Б. Иноходцев, натуралисты И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский, В. Ф. Зуев и др.

«Патриотическая» и «прорусская» позиция императрицы помогла Михаилу Ломоносову делать карьеру.

Академия воспитала выдающихся деятелей отечественной культуры, знаменитых путешественников и естествоиспытателей. Среди них были Н. И. Гнедич, В. М. Головнин, Н. И. Греч, В. И. Даль, Н. М. Карамзин, К. Х. Ф. Ледебур, Н. И. Пирогов, Н. А. Полевой, О. И. Сенковский, Х. Х. Стевен, А. С. Шишков.

В числе иностранных членов Академии (160 в XVIII-м, более 200 в XIX веке) мы обнаруживаем самые блистательные имена: А. – М. Ампера, Ж. – Л. Гей-Люссака, Т. Г. Гексли, У. Гершеля, И. В. фон Гете, А. фон

Гумбольдта, Ч. Р. Дарвина, Ж. Кювье, Ч. Лайеля, Ю. фон Либиха, Т. Р. Мальтуса, О. – Л. Коши, Ж. – Б. – Ж. Фурье.

К началу XX века петербургская Академия объединяла 49 действительных членов. К 1917 году там было 5 лабораторий, несколько обсерваторий, 5 музеев, 14 комитетов и комиссий, насчитывалось порядка 220 научных и технических сотрудников.

КЕПС Вернадского. Системный подход к организации науки

21 января 1915 года академик Вернадский огласил на заседании физико-математического отделения Академии наук заявление о необходимости организации Комиссии по изучению естественных производительных сил России – КЕПС. Помимо В. И. Вернадского заявление подписали академики Н. И. Андрусов, князь Б. Б. Голицын, А. П. Карпинский и Н. С. Курнаков. В заявлении говорилось, что, по мнению его авторов, следует наладить тщательный учет естественных производительных сил России, и «задача их учета должна входить в предмет ведения Императорской Академии наук, высшего научного учреждения страны»⁵⁴. «Организация научного творчества для обороны от врага и для роста нашего национального богатства», – в этом Вернадский видел назначение КЕПС⁵⁵.

Уже в 1916 году численность членов КЕПС достигла 131, в 1917-м – 139 человек. В Комиссию входили многие выдающиеся ученые, представлявшие все отрасли естественных и технических наук. В 1916 году в составе КЕПС были представлены 10 научных и научно-технических обществ и пять министерств⁵⁶.

В годы советской власти отделы КЕПС были реорганизованы в научные учреждения, ставшие

основой сети научных институтов АН СССР. Экспедициями КЕПС созданы базы АН СССР на местах. В 1930 году КЕПС преобразовали в Совет по изучению производительных сил, который существует до сих пор. КЕПС разработала план, который вошел в историю как план ГОЭЛРО: план создания плотин и электрификации России за счет энергии воды. Это был революционный план для страны с медленно текущими, надолго замерзающими реками.

КЕПС подумывала и об «исследовании двигательной силы ветра». Ведь «ветер представляет неиссякаемый источник даровой силы, которую издревле люди используют как на суше, так и на море»⁵⁷. КЕПС сделала первые шаги к созданию альтернативной энергетики.

Обсуждая снабжение населения продовольствием, КЕПС изучала состояние рыбной промышленности и настаивала на бережном отношении к рыбным запасам⁵⁸, поднимала вопросы увеличения продовольственных ресурсов, улучшения питания населения.⁵⁹ КЕПС занималась вопросами продовольственной безопасности России и ориентировалась на долговременное мирное созидание.

Практическое применение наработок Вернадского и других ведущих умов оказалось настолько важным, что их использовали еще десятки лет. О плане ГОЭЛРО много рассказывать не нужно. Но ведь о необходимости строительства системы гидроэлектростанций в Сибири говорилось еще в 1916–1917 годах. А началось оно в 1959 году с Усть-Илимской ГЭС. КЕПС ставила задачу комплексного освоения регионов. Работа КЕПС помогала развитию и фундаментальной науки. Вернадский утверждал, что Первая мировая война и работа Комиссии изменила в корне геологическое миропонимание: «В атмосфере этой войны я подошел в геологии к новому для меня и для других и тогда забытому пониманию природы – к геохимическому и

биогеохимическому, охватывающему и косную и живую природу с одной и той же точки зрения»⁶⁰.

Академия наук в XX веке

27 июля 1925 года ЦИК и Совнарком СССР приняли постановление «О признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Союза ССР»; в соответствии с ним Академия получила наименование: Академия наук СССР.

В январе 1929 года академики демонстративно провалили трех кандидатов-коммунистов, баллотировавшихся в состав АН. Тогда для «чистки» Академии в Ленинград была направлена правительственная комиссия во главе с Ю. П. Фигатнером. Академию обвиняли в сокрытии важных политических документов – в том числе акта об отречении Николая II, архивов ЦК партий кадетов и социалистов-революционеров. В июне – декабре 1929 года по ее решению из АН были уволены 128 штатных сотрудников (из 960) и 520 сверхштатных (из 830). С поста постоянного секретаря Академии в конце октября 1929-го был смещен востоковед Сергей Федорович Ольденбург, создатель российской индологической школы. Он отстаивал независимость Академии... После него коммунисты установили полный контроль над Академией.

Вместе с тем вся история СССР – это история роста и укрепления Академии наук, превратившейся в могучее советское ведомство. Численность и научных работников, и учреждений только росли. В 1940-м в Академии наук СССР было около 150 научных институтов с примерно 130 тысячами сотрудников разного ранга, 4000 научных работников. В 1985 году в АН СССР – 5100 научных, научно-педагогических, конструкторских и

проектных организаций всевозможных видов, около 330 научных учреждений, в которых трудились 57 тысяч ученых-исследователей, при общей численности работников во всех учреждениях 217 тысяч человек. Действительных членов и членов-корреспондентов АН СССР было тогда 274 и 542 человека.

В 1934 году президиум Академии и 14 ее институтов, по приказу советского правительства, были переведены в Москву. Росли учреждения АН СССР на периферии. Однако Санкт-Петербург по-прежнему оставался крупнейшим научным центром.

Ботанический сад и Ботанический институт

Ботанический сад в Санкт-Петербурге ведет свою историю от Аптекарского сада, или Аптекарского огорода, давшего название самому острову. Аптекарские сады в России известны с правления первых Романовых в XVII веке. В Петербурге первый аптекарский садик создан еще в 1703 году близ развалин Ниеншанца.

Указом Петра I от 11 февраля 1713 года аптекарский сад переносился на Вороний остров, и с 1730-х годов за островом утвердилось название Аптекарского. Главная цель этого сада (при Екатерине II – 640 x 425 метров) состояла в разведении лекарственных трав. Медицинские цели сада все больше дополнялись целями фундаментальной науки. 22 марта 1823 года Александр I повелел соединить медицинский и ботанический сады в единый и переименовать Аптекарский сад в Императорский Ботанический. С тех пор это в основном научное заведение, в котором выращивание медицинских растений – прикладная задача.

Сад служил местом обучения садоводству и огородничеству садовых учеников, а также имел отделение для практических занятий студентов.

После Октябрьской революции Главному ботаническому саду РСФСР передали оранжереи царских резиденций и частных усадеб Аптекарского острова. С 1925 года это Главный ботанический сад СССР, а в 1931 году, в результате слияния Ботанического сада с Ботаническим музеем АН СССР, образован Ботанический институт АН СССР (ныне - Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН).

Во время Великой Отечественной войны Ботанический сад очень пострадал от бомбежек. Рядом с садом находился бункер командующего Балтийским флотом, а на территории сада стояли зенитные орудия. Первая авиабомба на территорию сада упала 14 октября 1941 года, взрывной волной выбило стекла в тропических оранжереях, перестала работать котельная. Коллекция тропических растений погибла практически полностью, всего же за в блокаду удалось сохранить чуть более 250 растений: маленькие сеянцы, кактусы, то, что сотрудники могли унести в квартиры и то, что могли собрать в одну небольшую оранжерею, которую отапливали печками...

Важной частью урочища стал дом № 2 - жилой дом служащих Императорского Ботанического сада, возведенный в 1912-1914 годах архитектором А. И. Дитрихом. В 1913-1945 здесь жил и работал выдающийся русский ботаник, академик Владимир Леонтьевич Комаров (1869-1945).

Дом связан с работой многих других выдающихся ученых: Николая Ивановича Вавилова (1887-1943), братьев Александра Александровича (1906-1982) и Андрея Александровича (1908-1988) Федоровых, Армена Левонича Тахтаджана (1910-2009).

Электротехнический институт

3 июня 1886 года императором Александром III был утвержден проект временного положения и штата Технического училища. К 11 июня 1891 Техническое училище преобразовано в Электротехнический институт с правом защиты дипломной работы после первого года практической работы. С 16 июня 1899 ЭТИ получил статус высшего учебного заведения с введением пятикурсного обучения, и с 12 августа 1899 назывался «Электротехнический Институт Императора Александра III». С 1900 года выпускникам присваивалось звание инженеров-электриков.

Конечно, это предыстория урочища. Только в 1903 году было завершено строительство комплекса зданий для Электротехнического института и начался перевод Института в новое здание на Аптекарском острове – на другой стороне улицы Профессора Попова от Ботанического института.

Сегодня университет готовит специалистов по 42 научным специальностям. Здесь обучается около 10000 студентов, аспирантов и слушателей, работают 5 членов-корреспондентов РАН, 20 лауреатов национальных и международных наград, более 200 профессоров и докторов наук.

Технологический институт

Самое известное урочище третьего порядка, сопряженное с другими трассой Московского проспекта, – Технологический институт, основанный в 1828 году, а в 1896-м переименованный в «Технологический Институт Императора Николая I». С 1992 года – СанктПетербургский государственный технологический институт (технический университет), СПбГИ (ТУ).

Технологический институт связан с именами Д. И. Менделеева, первого издателя широко известного справочника по органической химии Ф. Ф. Бейльштейна, основателя русской цементной промышленности А. Р. Шуляченко, автора теории автоматического регулирования И. А. Вышнеградского и многих других.

Глава 5. Лесной институт

Лесные институты, в силу профиля, изначально создавались на окраинах городов, а то и в сельской местности.

Кто-то назвал лесоводство «дитя бедности». И правда... Начало лесохозяйственной науке и лесоводству США было положено лишь в конце XIX века. А в Германии практические лесные школы пошли с 1795 года – потому что стало мало лесов. Вскоре, в 1907 году, создали новое высшее учебное заведение лесного хозяйства – институт лесоводства и древесины в городе Альтзоль, в 1816-м – лесной факультет Высшей сельскохозяйственной школы в городе Брюне.

Сегодня Брюн – это чешский Брно, а Альтзоль – словацкий Зволен. Но при всем уважении к братским славянским народам уверяю вас – никакого отношения они не имеют к этим центрам немецкой науки.

В 1816 году создали Лесную академию в Тарандте, потом превращенную в лесохозяйственный факультет Дрезденского технического университета, а в 1830 году завели Лесную академию в Эберсвальде (ныне Научно-исследовательский институт по лесному хозяйству).

Во Франции, едва кончилась наполеоновщина, в 1824 завели Высшее лесное училище в Нанси. В Швеции в Стокгольме с 1828 года работает Высшая лесная школа.

Россия ничуть не отстала. В 1803 году, по примеру германских практических школ, указом императора Александра I в Царском Селе было открыто Практическое лесное училище. В 1805 году – Лесное училище в Козельске. В 1808 году на Елагинском острове создали Лесной институт младшего из графов Орловых, главы Академии наук, графа Владимира Григорьевича.

Эти три учебных заведения объединили в 1811 году (Козельское училище влили в Институт только в 1813-м) и назвали на немецкий образец Форст-институтом, то есть Лесным институтом. По-русски Лесным институтом учебное заведение стали именовать с 1829 года. Это был странный гибрид вуза и техникума, где учились 4 или 6 лет, а принимали туда подростков с 10 до 14 лет.

Но с 1837-го это уже именно вуз, военно-учебное заведение под названием Лесной и межевой институт. Специально для этого Института построили 4 учебных корпуса. В XIX – начале XX веков Лесной институт лежал на самой городской окраине: несколько красивых корпусов, окруженные парком. Это урочище связано с деятельностью таких значительных людей, как Николай Александрович Холодковский (1846–1921), Георгий Федорович Морозов (1867– 920), Владимир Николаевич Сукачев (1880–1967). На фоне этих гигантов скромно смотрится прадедушка автора, Павел Николаевич Спесивцев (1866–1938). Но и о нем рассказать хочется.

Основатель энтомологии

Николай Александрович Холодковский считал себя и биологом, и почвоведом (явное влияние Докучаева). Он – автор трудов по различным разделам зоологии, главным образом по энтомологии и паразитологии, учебных руководств по зоологии и энтомологии. Особый интерес представляют его исследования сложных циклов развития хермесов – вредителей хвойных деревьев.

Убежденный приверженец эволюционного учения Чарльза Дарвина, он публиковал свои научно-популярные работы по теории эволюции и общим вопросам биологии, популяризируя дарвинизм. Но вошел Холодковский в историю главным образом потому, что стал одним из первых энтомологов России. Холодковский

очень много переводил с французского и немецкого, всячески пропагандировал иноземный опыт лесной науки.

И еще он переводил литературные произведения. В том числе перевел «Фауса» Гете, и перевел так хорошо, что 19 октября 1917 года ему была присуждена Пушкинская премия. Кроме того, он перевел поэму Эразма Дарвина «Храм природы» и множество творений Байрона, Лонгфелло, Мильтона, Шиллера, Шекспира. Стихотворения самого Холодковского посмертно опубликованы И. П. Бородиным и А. П. Семеновым-Тянь-Шанским.

Классик русского лесоводства

Георгий Федорович Морозов окончил Александровский кадетский корпус, Павловское военное училище, а уже потом попал в Лесной институт.

В 1893 году по окончании института поехал работать помощником лесничего Хреновского лесничества в Воронежской губернии, там же стал преподавателем лесной школы. Он занимался степным лесонасаждением по программе Докучаева. После стажировки в Германии в 1896–1898 годах стал профессором в Лесотехническом институте, а с 1907 по 1917 год возглавлял кафедру общего лесоводства. В 1913 году он стал членом Постоянной Природоохранной комиссии при Императорском Русском географическом обществе. 28 апреля 1917 года Г. Ф. Морозов, как признанный глава русских лесоводов, открыл в Петрограде Всероссийский съезд лесоводов и лесных техников.

Влияние Г. Ф. Морозова в ученом мире немало содействовало созданию Крымского заповедника, который В. Н. Сукачев в 1924 году назвал одним из

первых русских памятников природы. Сукачев предлагал присвоить Крымскому заповеднику имя Г. Ф. Морозова.

Конечно, не присвоили. В апреле 1917 года на страницах «Лесопромышленного вестника» Морозов писал: «Не дай бог возникнут аграрные беспорядки, или темные силы начнут нашептывать невежественные лозунги, сеять неприязнь, страх, и в результате – с разных сторон может быть прописан смертный приговор лесу. Нашей первой обязанностью является всеми доступными способами повести широкую пропаганду о необходимости сберечь леса, все равно, кому бы они ни принадлежали».

Часто пишут, что летом 1917-го Морозов тяжело заболел и вынужден был уехать на лечение в Ялту. Но, полагаю, причины были и помимо болезней. В Крыму он даже издал за свой счет брошюру «Как бороться против большевиков». В частных разговорах он сравнивал свою брошюру с порошками от вредных насекомых.

В 1930-х годах в СССР сообщалось, что «морозовское учение о типологии леса целиком и полностью направлено против нашего социалистического строительства»⁶¹. Если обойтись без шизофренических бредней, то единое и цельное учение Морозова о лесе как биogeоценотическом, географическом и историческом явлении впервые показало лес как природный комплекс. Ученый доказал, что разнообразные формы леса могут быть поняты только в связи с природной средой. Это учение о природных комплексах оказало громадное влияние на развитие научной мысли.

Морозов – автор классического и неоднократно переиздававшегося труда «Учение о лесе», в котором изложены вопросы биологии лесных пород, биологии и типов лесонасаждений⁶².

Основатель биогеоценологии

Герой социалистического труда, действительный член Академии наук СССР, профессор Владимир Николаевич Сукачев не только основал биогеоценологию как новое направление в науке. Не только ввел в науку само понятие биогеоценоз.

Организатор науки, он основал Институт Леса (позже – Институт леса и древесины) Сибирского отделения АН СССР; лабораторию лесоведения Академии наук СССР (1959, ныне Институт лесоведения РАН), которой руководил до 1962 года; лабораторию биогеоценологии при Ботаническом институте АН СССР в Ленинграде (1965).

Прадед

Павел Николаевич Спесивцев родился 8 августа 1866 года. Сохранилась семейная легенда о том, как он пошел в подготовительный класс гимназии. В этот класс принимались дети с 8 лет, но основная масса была 9- и 10-летних.

В подготовительный класс принимались мальчики всех сословий от 8 до 10 лет, знающие молитвы и умеющие читать и писать по-русски, считать до тысячи и производить сложение и вычитание с этими числами. «Приготовишка» должен был показать хотя бы начальные знания французского и немецкого языков.

Перевод из подготовительного класса предполагал экзамен, переводили не всех: при хорошем поведении по определению педагогического совета. Известны цифры: в одной из гимназий из 46 поступивших в подготовительный класс в первый класс перевели 24 человека. В другом случае – перевели 35 мальчиков из 51 поступившего.

Отсев из основных классов гимназий был очень высоким. Весь восьмилетний курс оканчивали не более 20-30 % поступивших в подготовительный класс, а иногда и 10 %.

Преподавание велось на очень высоком уровне. Тогдашний уровень развития всех наук предполагал намного меньшее число обобщений, чем в наши дни, и усвоение намного большего числа фактов, чем закономерностей. Учиться было труднее, потому что многое приходилось запоминать. Сейчас школьнику скажут: «Сложно устроенные крупные животные замыкают все пищевые цепочки, они господствуют в биосфере». В 1900 году эту же мысль выразили бы двумя страницами сложного текста с приведением множества примеров. А понятие биосферы В. И. Вернадский сформулировал в 1924 году; в преподавании наук термин используется с конца 1930-х.

Гимназия представляла собой особый мир со своими правилами, образом жизни и законами. Мальчик попадал в гимназию, в этот особый мир, где семьи как бы не существовало. Личные интересы, особенности, взгляды ученика не имели значения. От него требовалось освоить то, что ему дают. Освоить – и все тут. Никакая «педагогика сотрудничества» и «учет личностных особенностей» не существовали.

Тем не менее гимназия вводила в мир тогдашней науки. Ведь в самой науке формальные знания были в эту эпоху важнее, чем потом. Их надо было усваивать, запоминая и запоминая.

Гимназия готовила и к жизни – во «взрослом» мире ведь тоже никто особо не интересовался, насколько хочет и в какой степени может студент, работник, ученый соответствовать предъявляемым требованиям. Может – милости просим. Не может – ну и пошел вон, ты уже никому не интересен.

Гимназия готовила к системе общественных отношений, в которой должное было важнее личных желаний. В которой требования были жесткими, а способности – условием, которое не обсуждается. Одно из требований, если хочешь получить образование.

Жестко? Жестоко? Но именно такая система создала российскую науку с ее «гигантами естествознания», с колоссальными достижениями, поучительно-эффективную. Но нет ничего удивительного, что отсеивался колоссальный.

Вообще, во всех сферах жизни есть сочетание двух стратегий. Условно их можно обозначить как «либеральную» и «социалистическую». В экономике так и говорят про «социализм» и «капитализм». «Социализм» – это когда много социальных гарантий, достигаемых за счет высоких налогов на прибыль. Фактически при «социализме» государство и общество душат частную инициативу, не дают «слишком далеко» отбиться от стада. Но «зато» каждый, даже самый убогий, получает кусок общественного пирога.

При «капитализме» никто особо ни о ком не заботится. Убогонькие погибают или влечат самое жалкое существование, их судьбы никого не волнуют. Экономика развивается взрывообразно. Складываются громадные состояния, возникают целые отрасли промышленности, все кипит.

Но при «капитализме» на одного Генри Форда приходится несколько сотен мелких предпринимателей, чьи состояния никогда и не приблизятся к заветному миллиону долларов. И несколько десятков тысяч тех, кто вообще не сможет создать своего предприятия или быстро прогорят. Хорошо тем, кто сумеет присоединиться к успеху Генри Форда, стать у него инженерами или специалистами по продажам. Большинство прогоревших пойдут к конвейеру. Часть из них будет всю жизнь злобно завидовать Форду,

сбиваться в марксистские и анархические кружки, мечтать о социализме...

Но ведь в науке все точно так же. Не тянешь? Иди в чиновники, начиная с 14-го класса. Окончивший гимназию имеет право претендовать на 12-й, а самые лучшие, окончившие с золотой медалью, даже на 10-й класс. Но и это ведь – самое подножие чиновничьей пирамиды.

Пошел в науку? На одного Докучаева – десятки таких, как мой прадед. И тысячи мелких клерков науки, которые вообще ничего не достигли. Тут опять же естественное следствие – керосиновая лампа, марксистский кружок... предвкушение злобной мести выхваляющимся «буржуям».

...Подготовительный класс готовил к урокам в гимназии без особого снисхождения. В первый же день Павел Николаевич, тогда еще просто Паша Спесивцев, пошел к директору. И заявил:

– Мне у вас учиться трудно, я больше не приду.

– Учиться и правда трудно, – согласился директор. –

Не все проявляют нужные способности и усидчивость. Но подумайте сами, господин Спесивцев, – ведь если вы не окончите гимназии, вы не будете знать ни географии, ни истории, ни русской словесности, ни естествознания. Вы не будете говорить ни по-латыни, ни на французском, ни на немецком. Вы же просто не сможете стать взрослым человеком! О чем вы будете говорить с другими людьми?

Прадед кивнул... Задумался. И на следующий день пришел в гимназию. Насколько ему было трудно учиться, не знаю. Историю его первого дня моя бабушка пересказывала с большим юмором, как интересное происшествие, не более.

Вообще, в ту эпоху считалось, что «трудно» – это обычное состояние, и тех, кому оказывалось жить «слишком трудно», не жалели. Шлак стекал на дно,

столь красочно описанное Горьким. Или сидел в писарчуках, почитывая Маркса, Ницше и Прудона, жаждал революции и переустройства.

Павел Николаевич окончил гимназию, а в 1891 году – и Лесной институт в Санкт-Петербурге.

В ранних работах Павла Николаевича тоже прослеживается хорошее знание иностранных языков и достижений немцев и французов. Его книжка, вышедшая в 1914 году, носит название «Жизнь и нравы короедов»⁶³. Откровенная калька с названий книги Жана-Анри Фабра (1823–1915): разные ее издания носили названия «Жизнь и нравы насекомых» и «Инстинкты и нравы насекомых».

Эта книга – сокращенный вариант серии книг из 10 томов – «Энтомологические воспоминания», изданных во Франции в 1879– 1907 годах. Хороший писатель, Фабр популярно рассказывал о жизни насекомых, пауков и скорпионов Прованса, описывал свои эксперименты, впечатления и даже развивал философские взгляды. Во Франции «Жизнь и нравы насекомых» вышла в 1909 году. В России – в 1905⁶⁴.

Павел Спесивцев окончил Лесной в 1891 году и уже к началу XX века был доктором зоологии и лесных наук, приват-доцентом.

Должность приват-доцента в Германии и в России – промежуточная между доцентом и профессором. В «континентальной» академической системе после защиты докторской диссертации (соответствующей современной кандидатской) человек мог занять должность ассистента, доцента – без права чтения лекций. Если он прошел хабилитацию – то есть защитил еще одну диссертацию, то получал право читать лекции и построить собственный курс. Но – не в том вузе, в котором он хабилитировался.

Сама хабилитация имеет смысл в основном только тогда, когда освобождается место профессора. Места

эти строго ограничены, и встать на место профессора можно только если прежний умер, уехал, уволился, был изгнан и так далее. Или если учреждается новая вакансия: например, вводится преподавание новой дисциплины.

Приват-доцент – это специалист, прошедший хабилизацию, но не ставший профессором. Выше доцента, но ниже официального профессора. Ту часть работы, которая соответствовала профессорской, приват-доцент выполнял бесплатно. Тут надо сказать, что вообще доходы преподавателей были очень высоки, а нагрузка не превышала 300 часов в год. Причем на 1 час прочитанной лекции записывалось 8 часов подготовки.

Присвоенный прадеду чин коллежского асессора невысок – VIII класса в табели о рангах. Соответствовал чину майора, а после отмены майоров в 1884 году – чину капитана. В придворных чинах ему соответствовал чин титулярного камергера. Чин давал право на личное дворянство и обращение «Ваше высокоблагородие». У меня нет никаких сведений о том, что прадед когда-либо пытался выправить документы о своем личном дворянстве. В семье вообще не слишком уважали дворян: они бездельники и мордовали народ. А мы, интеллигенты, хорошие – мы работаем, мы за народ и никого не обижаем.

К счастью, сейчас эти разборки утратили вообще всякий смысл, но три поколения назад различия были совершенно реальными. И у прадеда были веские причины «не идти в дворяне» – свое происхождение и место в жизни он считал высоким и без этого.

Павел Николаевич не раз приезжал в Великоанадольское лесничество к шурина (мужу сестры) Василию Сидорову. Он составил максимально подробное по тем временам описание и классификацию короедов.

Как он пережил катаклизм, у меня нет никаких сведений. Знаю, что он не уехал на юг, оставался в Петербурге и жил на Мойке, 112.

В конце 1890-х годов он женился на некоей Анне Симеоновне, заставляя подняться не одну бровь: что выкрестка, еще ладно... А вот разведенка... уже вещь невероятная, ставящая под сомнение нравственность дамы.

Весьма вероятно, брак был «гражданским», то есть невенчанным. Это тоже было нечто непристойное и совершенно ужасное. А жена и пасынки Павла Спесивцева нигде не упоминаются, их нет ни в каких документах.

В родне считали, что брак это не особенно удачный: к Анне Симеоновне постоянно приезжали родственники, какие-то диковатые бородатые евреи из черты оседлости. Они останавливались в доме Павла Николаевича, докучали ему, раздражали и вообще мешали. Возможно, родня Анны Симеоновны и вызывала раздражение у родственников как «люди не своего круга», но в какой степени эта история про вредных родственников Анны Симеоновны полностью соответствует действительности, я не знаю. Возможно, родственники сильно преувеличивали.

У жены Павла Николаевича, Анны Симеоновны, было трое детей от первого брака. Две девочки и сын Володя. Никаких сведений ни о нем, ни об Анне Симеоновне, ни о других ее детях у меня нет. После отъезда прадеда в Стокгольм – как в воду канули. Сам же отъезд произошел в 1922 году: в этом году коммунисты разрешили выезд из Петрограда. Это был год высылки философов на знаменитом «Философском пароходе». Собственно говоря, это были два парохода, «Обербурггомистр Хакен» и «Пруссия», на котором из Петрограда в Швецию выслали более 160 человек.

Другими рейсами из Одессы и поездами за границу выслали еще не менее 195 деятелей науки и культуры, но к Петербургу это уже не имеет прямого отношения.

Мотивы высылки очень хорошо разъяснили культовые фигуры коммунистов, Ленин и Троцкий.

По мнению Ленина, интеллигенция: «Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу»⁶⁵.

По мнению Троцкого: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть невозможно»⁶⁶.

Помимо высланных было немало бежавших.

В Финляндию ушло до 8 тысяч человек после поражения Кронштадтского восстания и захвата красными Кронштадта. По разным оценкам, по льду Финского залива из самого Петербурга зимой 1921 и 1922 годов ушли до 20 тысяч человек. Это все нелегальная эмиграция, а были ведь и уехавшие легально. Их число сравнимо с нелегальными беженцами: порядка 20–30 тысяч человек.

Некоторые оказались в эмиграции вообще почти анекдотично: появление границы с Финляндией сделало «эмигрантами» всех, кто оказался к северу от этой границы. Илья Ефимович Репин (1844–1930) при всем желании не мог бы уехать в Финляндию в 1918-м – там бушевала «местная» гражданская война – не менее страшная, чем в России. В 1920 он смог поселиться на своей даче, оказавшейся теперь на финской территории. А за своими вещами в Петроград послал кухарку.

Немало людей уехало из Петербурга вполне легально, в том числе и Спесивцев. Павла Николаевича власти даже пытались уговаривать: специалисты в области естественных наук ценились, их старались

удерживать. Высылали-то гуманитарную интеллигенцию. Коммунисты искренне поклонялись науке и считали, что все данные гуманитарных наук надо заменить бредом Карла Маркса, Ленина... А естественные науки - оставить.

Прадеду даже ставили в пример Тимирязева: пожилой Климент Аркадьевич Тимирязев яростно поддерживал большевиков, за что и был ими почти канонизирован. Лично знаком был с Дарвиным! Борец за эволюционную теорию! И притом «наш»...

Действительно, К. А. Тимирязев с большим энтузиазмом поддерживал Октябрьский переворот. В 1920 году он послал Ленину один из экземпляров своей книги «Наука и демократия», где в посвянительной надписи сообщал о «счастье быть его [Ленина] современником и свидетелем его славной деятельности».

Впрочем, был Тимирязев сторонником не диктатуры пролетариата, а либеральной демократии. Советскую власть он рассматривал именно как переход к демократии. А молитвенное отношение большевиков к науке полагал залогом все той же самой демократии.

«Только наука и демократия, по самому существу своему враждебны войне, ибо как наука, так и труд одинаково нуждаются в спокойной обстановке. Наука, опирающаяся на демократию, и сильная наукой демократия - вот то, что принесет с собой мир народам»⁶⁷.

Прадед, по сведениям моего названного дяди, Александра Александровича Федорова, отнесся к «положительному примеру» с большим юмором. Сказал, что если достигнет 80 лет и переживет «удар», то станет сговорчивей.

Интересно использование простонародного слова «удар». Тимирязев в 1909 году перенес инсульт, с тех пор у него была парализованы левая рука и нога. В

научной среде нередко считали, что с тех пор он «со странностями». Восторг Тимирязева насчет большевиков и его странная вера в них как предтеч демократии трактовались как одна из «странностей». А прадед уехал.

В Стокгольме он, несмотря на возраст в 56, лет был устроен очень неплохо: энтомологом на Королевской лесной опытной станции.

Роман Николаевич Редлих рассказывал мне, что встречал прадеда в Праге в 1928 году: тогда правительство Чехословакии во главе с Масариком стало создавать Русский университет.

По-видимому, интеллигентная часть чехов испытывала чувство неловкости и вины за поведение чехов в России 1918–1920 годов: предавшие Колчака, они вывезли из России огромные богатства, в том числе изрядную часть золотого запаса Российской империи, захваченного генералом Пепеляевым в Казани в 1918 году.

Идея Русского университета состояла в том, чтобы ковать кадры для будущей послесоветской России. По словам Романа Николаевича, «что-то у него [Павла Спесивцева – А. Б.] с Русским университетом не заладилось». Видимо, чтение лекций по энтомологии не предусматривалось, а прадед, узкий специалист, не захотел или не смог читать более широкие курсы.

Во всяком случае, в Россию он никогда больше не вернулся. Легальный эмигрант, он и из эмиграции продолжал публиковать в России свои произведения.⁶⁸ Впрочем, некоторые книги советского времени – переиздания⁶⁹. Печатался он и в Швеции, изучая энтомофауну Швеции⁷⁰.

С коллегами в Лесном институте и с моей бабушкой, своей племянницей, переписывался до 1935 года. После прихода к власти Гитлера переписку прекратили, а

прадедушка, Василий Егорович, сжег все письма Спесивцева из Швеции.

Живя в Стокгольме, Павел Николаевич очень тосковал и несколько раз просил свою племянницу, мою бабушку, послать ему в письме лист киевского каштана. Послала ли она такой лист или нет, я не знаю.

Прадед умер 1 мая 1938 года в возрасте неполных 72 лет. Похоронен на Лесном кладбище в Стокгольме. Его могила сохранилась и находится в хорошем состоянии.

Павел Николаевич Спесивцев упоминается во многих справочниках зарубежья и России после 1991 года.

Послесловие, или новые районы Петербурга как новые урочища культуры

Выделять этапы развития чего бы то ни было – неблагоприятное занятие. Любую классификацию и любое выделение этапов раскритикуют. Членение этапов я провожу чисто рабочее, просто чтобы сделать понятнее и логичнее свое изложение. Я не настаиваю ни на выделении именно таких этапов, ни на их принятии кем бы то ни было.

Первый этап – это предыстория урочища. До 1769 года город уже есть, а известного нам городского урочища еще нет. Здания, возведенные до 1763 года, позже включались в новую городскую среду. При этом вся функциональная застройка Петербурга 1703–1769 годов – и производственная, и жилая, сознательно не сохранялась.

На втором этапе, в 1770–1830-е годы, формируется тот СанктПетербург, который мы знаем, а точнее говоря – смысловое и композиционное ядро современного Петербурга. Возникает единый логичный ансамбль с общей структурой и единством архитектурных стилей.

Городское урочище в этот период невелико: 150–240 тысяч человек живут на сравнительно небольшой площади, от примыкающих к основному руслу Невы частей Петроградской стороны до Фонтанки и от Смольного монастыря до 26-й линии Васильевского острова. Большая часть Аптекарского и Васильевского острова, пространства за Фонтанкой образуют пригороды.

От этого периода тоже почти не сохранилась функциональная архитектура – только отдельные

строения. Почти не уцелела деревянная архитектура периода; такие здания – скорее исключения из правила.

В этот период возникают ансамбли городов, исторически сопряженных с императорским Санкт-Петербургом: Петергоф – Ораниенбаум, Гатчина, Царское Село, Павловск. Их приходится рассматривать фактически как неотъемлемую часть городского урочища этого времени.

На третьем этапе, между 1840-ми годами и началом XX столетия, Санкт-Петербург становится по-настоящему громадным городом, охватывая весь Васильевский, весь Аптекарский, Каменный, Елагин и более мелкие острова. Формируется Выборгская сторона как район каменной 3–6-этажной застройки. Границы города расширяются, он достигает современных окрестностей Лесного проспекта на севере, Обводного канала на юге.

Даже функциональная застройка этого периода – промышленные предприятия, каменные многоквартирные («доходные») дома – в основном сохраняется. Тем более интересна застройка новых урочищ культуры вроде больниц, учебных заведений, учреждений науки – комплекса Медицинского института на Петроградской стороне, Ботанического института, Электротехнического и Технологического институтов.

Формируются многочисленные пригороды, которые не считаются «историческими», но застройка которых интересна не только в историко-культурном, но и в архитектурном и эстетическом смысле: Териоки, Вырица и многие другие.

На четвертом этапе, 1930–1950-х годов, продолжается традиционная застройка каменными сооружениями в стиле модерн и сталинского неоклассицизма, или сталинского ампира. Масштабы жилой застройки сравнительно невелики. Намного больше ведется промышленная застройка, создание

громадных предприятий - Электросилы, ЛОМО, Путиловского (Кировского) заводов и других.

Пятый этап, 1950-е годы, - время возникновения многочисленных районов, застроенных в основном функциональными сооружениями разного назначения и многоквартирными жилыми домами. В это время возникает порядка 40 % территории современного города, застроенной промышленным способом. Это сооружения, в которых основные несущие конструкции выполняются из металла и современных материалов, а не создаются каменной кладкой.

«Исторический» Петербург, возникший на первых двух этапах, сохраняется как ядро города. Возникшее на третьем этапе - попытка продолжения этого ядра... Она создала не более 15-20 % территории Петербурга.

Теперь вокруг исторического ядра возникает город, равный историческому по площади, а к 1970-м годам превосходящий историческую часть по населению. В этом новом городе формируются новые городские урочища 2-5 порядков.

Возникают и новые сопряженные с Петербургом города, застроенные тем же способом, а исторические города (Гатчина, Петродворец и другие) на удалении от исторического центра приобретают окраины, выполненные в том же стиле.

В городах-сателлитах тоже возникают новые урочища 2-5 порядков. В Сестрорецке, например, выделяют Горскую, Александровскую, Тарховку, Разлив, Курорт и Дюны как исторические районы. Прослеживаются в Сестрорецке и отдельные урочища 2-5 порядков.

Шестой этап, начавшийся в 1990-е годы и продолжающийся до сих пор, трудно характеризовать - он далеко не закончен.

С 1959 года, с появления шлакоблочного строительства, возникли новые городские урочища 2-5

порядка, организованные в соответствии с новыми архитектурными принципами.

Приведу примеры таких урочищ – чтобы было ясно, о чем вообще идет речь.

Калининский район

Городская среда во всем Калининском районе – очень позднего происхождения.

Даже «исторический» Финляндский вокзал не имеет ничего общего с первоначальным. Первое здание вокзала было возведено в 1870 году, специально для Финляндской железной дороги, построенной в 1862–1870 для связи Петербурга с Великим княжеством Финляндским. Уже в начале XX века пути Финляндского вокзала были подняты на 5 метров выше уровня улиц, вокзал существенно перестроен.

Согласно советской легенде, 3 апреля 1917 года на Финляндский вокзал прибыл Ленин, который тут же забрался на паровоз и произнес с него пылкую речь, поднявшую сознательных пролетариев на непримиримую борьбу за светлое будущее с реакцией и царизмом. Но когда в 1957 году правительство Финляндии подарило СССР «тот самый» паровоз Н2-293, на который забирался Ленин, оказалось – для него придется создавать особое помещение: шла комплексная реконструкция вокзала и на месте прежних корпусов к 1960 году возвели новое главное здание вокзала в стиле функционализма. В 1970-е годы были разобраны почти все боковые корпуса старого вокзала, обращенные к Финскому переулку, и от «исторического» сооружения практически ничего не осталось.

***Другой исторический, но совсем новый район
Автово***

О происхождении названия «Автово» существует старая легенда: «Объезжая наиболее пострадавшие прибрежные места на Петергофской дороге, Александр I посетил одно селение, которое было совершенно уничтожено наводнением. Разоренные крестьяне собрались вокруг императора и горько плакали. Вызвав из среды их старичка, государь велел ему рассказать, кто и что потерял. Старик начал по-своему: «Все, батюшка царь, все погибло! Вот у афтово домишко весь унесло и с рухлядью и с животом, а у афтово двух коней, четырех коров затопило, у афтово...» и т. д. «Хорошо – сказал император, – это все у Афтова, а у других что погибло?». Тогда объяснили государю, что старик употребляет «афтово» вместо «этого». Посмеясь своей ошибке, государь приказал выстроить на высокой насыпи нынешнюю деревню и назвать ее «Афтово»⁷¹.

Документы не подтверждают легенду. Действительно, наводнение 1824 года уничтожило деревни Автово и Емельяновку, после чего на казенные средства на месте смытых деревень были сделаны насыпи высотой 4–5 м и на казенные деньги выстроены новые деревни. Эта застройка сохранялась вплоть до конца 1930-х годов. Но к 1824 году название уже существовало.

На шведских планах 1676 года на месте современного Автово показана деревня Autovo (Аутово), а на картах 1699 года – Autova (Аутова). Слово это многие ученые выводят из финского «аутио», что означает «безлюдный», «заброшенный». Другие полагают, что «Автово» происходит от одного из финских названий медведя – Овто, или от сачка – Отава. В любом случае еще до 1703 года на месте района Автово располагались деревни Лаурола, Нипрола, Лахта у Моря и Валлакюля.

В XVIII веке вдоль Петергофской дороги стали строиться дачи. В 1801 году на 7-ю версту Петергофской

дороги из Кронштадта был переведен завод, получивший название «Петербургский чугунолитейный завод» – предок Путиловского завода, в советские времена ставший Кировским. Старая деревянная и каменная малоэтажная застройка в районе Кировского завода почти полностью уничтожена при строительстве жилого массива в 1937–1941 годах по проекту архитектора А. А. Оля.

В годы войны большая часть строений была разрушена, но до начала 1960-х район практически восстановлен. Район проспекта Стачек и Краснопутиловской улицы в 1951–1955 годах под руководством В. А. Каменского застроили в стиле сталинского ампира.

Это сделало Автово урочищем четвертого градостроительного этапа.

Но в 1970–1980-е годы в Автово велось активное строительство, возникли сначала порядки пятиэтажных, затем 9–14-этажных панельных и кирпичных домов. Сегодня эта застройка составляет до 80 % всего жилого фонда Автово. «Историческое Автово» времен В. А. Каменского не стало даже ядром района.

Новое городское урочище - Гражданский проспект

Ни Калининский или Кировский районы, ни Автово не являются урочищами. Примером такого нового урочища, созданного застройкой пятого и шестого этапов, может стать Гражданский проспект. Название этого проспекта происходит от деревни Гражданки или Горожанки, как на показана на картах 1831 года. Деревня известна с конца XVIII века.

К середине XIX века Гражданская дорога связывала с Петербургом несколько поселений: Дорогу в Гражданку (вблизи Большой Спасской улицы – нынешнего

проспекта Непокоренных), Колония Гражданка, или Немецкая Гражданка (между нынешними улицами Фаворского и Гидротехников), Русская Гражданка (вблизи нынешнего проспекта Науки) и деревня Ручьи (вблизи пересечения Гражданской дороги с Муринским ручьем).

На пересечении будущего проспекта Непокоренных и Гражданского проспекта с 1897 года располагалось Лютиково подворье Свято-Троицкого монастыря Калужской епархии, основанное по благословию Иоанна Кронштадтского. Двуглавая деревянная Троицкая церковь известна с 1897 года, она снесена в 1967-м. Пятиглавый каменный храм Тихвинской иконы Божией матери строился в 1905–1913 годах. Он закрыт в 1934 году, а в 1982 году уничтожен вместе с остатками монастырских построек.

Но это – предыстория урочища, с 1960-х годов началась массовая застройка Гражданского проспекта. Застройка охватила и сам проспект, и образовавшиеся в XIX веке улицы, пересекавшие его или шедшие параллельно. Чаще всего назывались они по фамилиям или именам землевладельцев: Шикановская, Федосеевская, Ивановская, Платоновская, Лавровая улицы, Никольский и Политехнический переулок.

В мае 1965 года названия этих улицы были отменены, а находившиеся на них дома получили нумерацию либо по Гражданскому проспекту, либо по проспекту Непокоренных. В 1970 году Гражданский проспект был спрямлен и продлен до Суздальского проспекта. До конца 1980-х шла застройка многоэтажными зданиями всего района, возникавшего вокруг Гражданского проспекта.

Это урочище слабо отделяется от соседних – например, от еще менее «исторического» проспекта Просвещения. Совершенно ровный и прямой проспект Просвещения (7,5 км) уходит за горизонт, если смотреть

на него с любого из концов. Его архитектура представлена почти исключительно типовым жильем.

Сегодня в историческом ядре Петербурга живет не более 1 млн человек. И еще 5 млн - в новостройках разного ранга.

Что происходит в таких новых районах? В какой степени они являются месторазвитиями? Бог весть... 70 % территории Петербурга, где обитает 80 % его населения, словно бы не существуют для исследователя. А жаль... В них наверняка происходят не менее интересные вещи, чем в описанных. Похоже, именно там рождаются инновации завтрашнего дня.

---

notes

1

Ролстон С. Д. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. – М.: АСТ, 2007.

Молодежь наверное, и не помнит, кто такой Васисуалий Лоханкин. А это персонаж книги Ильфа и Петрова «Золотой теленок». Бездельник и дармоед, у жены которого было два хороших качества: большая белая грудь и служба. Не комментируя первого достоинства жены Виссисуалия, о втором замечу: сам-то Виссисуалий Лоханкин нигде никогда не работал. Он ел и пил за счет жены, а в свободное от еды и сна время размышлял о судьбах русской интеллигенции.

3

[http://www.hrono.ru / dokum / 194_dok /
19460814journal.php](http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/19460814journal.php)

4

Ленинград - 1946. - № 10.

Народная энциклопедия городов и регионов России
«Мой Город» [http://www.mojgorod.ru / gor_spb / spb /
index.html](http://www.mojgorod.ru/gor_spb/spb/index.html)

6

Лацис М. Красный меч. 1 ноября 1918 г. – С. 3.

Бабель И. Э. Дорога // Бабель И. Избранное. – М.: Гослитиздат, 1957. – С. 220.

[http://www.etnografia.ru / aborigen / 1_tofa / cccp /
petry.htm](http://www.etnografia.ru/aborigen/1_tofa/cccp/petry.htm)

Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. – М.: Военное изд-во МО СССР, 1958.

Солонин М. Две блокады \ \ Солонин М. Запретная правда о Великой Отечественной. – М.: Яуза-пресс, 2011.

11

<http://www.rg.ru/2013/01/18/blokada.html>

Криптон К. Осада Ленинграда. - Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952.

Спивак Д. Л. Метафизика Петербурга. Начала и основания.- СПб: Алетейя. 2003.

Метафизика Петербурга. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1993.

15

В науке это называется методом междисциплинарного межпредметного исследования.

Лебединский В. И. Вулканическая корона Великой равнины. – М.: Наука, 1973.

Долуханов П. М. История Средиземных морей. – М.: Наука, 1988.

В Германии Балтийское море называется Die Ostsee, Остзее, - в буквальном переводе с немецкого «восточное озеро» или «восточное море». Остзеедойчи - обитатели «земель у восточного озера», прибалтийские немцы.

Мейусе К. Русские голландцы. Начало и конец фризенфейнской колонии в СанктПетербурге. 1720-1920. - СПб: Симпозиум, 1998.

Шведы на берегах Невы. - Стокгольм, 1998.

Рудник В. А. Геокосмический фактор в этногенезе и Государстве Российском //Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Том 1. - СПб: Европейский дом, 2002.

Мельников Е. К. О влиянии активных разломов на размещение городов и состояние здоровья их населения \\ II Международное рабочее совещание. Проблемы геодинамической безопасности. 24-27 июня 1997. - СПб: ВНИМИ, 1997.

Мильков Ф. Н. Ландшафтная сфера Земли. - М.: Наука, 1968.

Степин В. С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция). – М: Прогресс-Традиция, 2000.

Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. - М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961.

Эйнштейн А. Работы по теории относительности. - М.: Амфора, 2008.

Неспроста именно такой подход используют ученые, занятые проблемами этого класса. В качестве примера: Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. – М.: URSS, 2012.

Топоров В. Н. Аптекарский остров как городское урочище //Ноосфера и художественное творчество. – М.: Наука, 1991.

Савицкий П. Н. Географические особенности России.
Ч.1. Растительность и почва. – Прага, 1927.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры.
Том I. – М., 1993.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. -Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.

Здесь излагается понимание этносов самого Л. Н. Гумилева. Такую трактовку термина «этнос» мало кто разделяет.

Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика / Сост. С. В. Алексеева, А. Г. Владимирович, А. Д. Ерофеев и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб: Лик, 1997. Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века / Сост. В. Г. Исаченко, ред. Ю. Артемьева, С. Прохвятилова. – СПб: Лениздат, 1998.

Колотило М.Н. Толстовский дом. Том 1. Люди и судьбы /Под научной редакцией В. Г. Смирнова-Волховского. – СПб: Искусство России, 2011.

Колотило М.Н. Толстовский дом. Том 2. Созвездие имен /Под научной редакцией В. Г. Смирнова-Волховского. – СПб: Искусство России, 2011.

Акимов Н. П. Театральное наследие: в 2 т. / Н. П. Акимов. - Л.: Искусство, 1978.

Акимов Н. П.: Альбом /Авт-сост. И. Г. Ландер, П. Г. Махо. – СПб, 2008.

Лихачев Д. С. Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века // Труды по знаковым системам. Семиотика города и культуры. - Петербург. Ученые записки Тартусского государственного университета. Вып. 664, 1984.

Лихачев Д. С. Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века // Труды по знаковым системам. Семиотика города и культуры. - Петербург. Ученые записки Тартусского государственного университета. Вып. 664, 1984.

Лихачев Д. С. Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века // Труды по знаковым системам. Семиотика города и культуры. - Петербург. Ученые записки Тартусского государственного университета. Вып. 664, 1984.

Клейн Л. С. Феномен советской археологии. – СПб, Фарн, 1993.

Лихачев Д. С. Была ли эпоха Петровских реформ перерывом в развитии русской культуры? // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII-XIX вв. Материалы международной конференции (ЮНЕСКО). - М., 1978.

Напомню, что монолиты весом больше 100 тонн практически никогда не использовались в древности. В Петербурге 1829–1834 годов роль «инопланетян» играли Николай I и Монферран.

Лайель Ч. Основания геологии, или перемены, происходившие некогда с землею и с ее обитателями. В 2 тт. / Пер. с 5-го изд.: В 2 т. М.: тип. Э. Барфкнехта и Ко, 1859.

Мушкетов И. В. Физическая геология. В 2 тт. – СПб:
1888 – 1891.

Карпузов А. Ф.» За тех, кто в поле» // Сайт
Федерального агентства по недропользованию, 17 марта
2005 года.

<http://www.membrana.ru/particle/10522>

XIX век. Иллюстрированный обзор минувшего столетия. – СПб.: Издание А. Ф. Маркса. 1901.

Кедрина К. Я. Кухня на плите и на примусе. – М.: Книга по требованию, 1927.

Артамонов М. И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // Советская археология. - 1990. - № 3.

<http://www.nvspb.ru/stories/arheologi-ermitaja-dokopalis-do-istokov-55651>

Докучаев В. В. Наши степи прежде и теперь. - СПб:
1889.

Летопись жизни и деятельности Д. И. Менделеева. -
Л.: Наука, 1984.

Фридман А. А. Мир как пространство и время.
Издание второе. – М.: Наука, 1965.

Вернадский В. И. О ближайших задачах Комиссии по изучению естественных производительных сил России. – Пг.: 1915.

Вернадский В. И. О ближайших задачах Комиссии по изучению естественных производительных сил России. – Пг.: 1915.

Отчет о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1916 г. – Пг.: 1916.

Отчет о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил, состоящей при Императорской Академии наук. 1917. № 7.

Отчет о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил, состоящей при Императорской Академии наук. 1916. № 4.

Отчет о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил, состоящей при Императорской Академии наук. 1916. № 4.

Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. – М.: Наука, 1989.

Алексейчик Н., Чагин Б. Против реакционных теорий на лесном фронте. Критика учения проф. Морозова, Орлова и их последователей. - М. - Л.: Гослестехиздат, 1932. - 166 с.

Морозов Г. Ф. Учение о лесе. – СПб, 1912.

Спесивцев П. Н. Жизнь и нравы короедов. - СПб: Энтомологическое общество, 1914.

Фабр Ж. А. Инстинкт и нравы насекомых. 2-е изд./Под ред. Шевырева И. СПб, 1. 1, 1905.

Письмо В. И. Ленина Ф. Э. Дзержинскому. Высылка интеллигенции. Фонд Александра Яковлева (19 мая 1922). Проверено 27 января 2010. Архивировано из первоисточника 31 марта 2012. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23211. Л. 2-2об. Автограф. Опубликовано: Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 54.

Хрестоматия по истории России. 1917 - 1940. / Под ред проф. М. Е. Главатского. - М.: АО «Аспект Пресс», 1994.

Тимирязев К. А. Наука и демократия. Сборник статей
1904-1919. - М., 1920.

Определитель короедов главнейших древесных пород Европейской части СССР [Текст]; Сост. П. Спесивцев / Спесивцев П. Н.; Сост. П. Спесивцев. - М. - Л.: Новая деревня, 1925.

Определитель короедов Европейской части СССР (за исключением Крыма и Кавказа) [Текст] / П. Н. Спесивцев; под ред. М. Н. Римского-Корсакова. - 3-е изд. - М.; Л.: Гос. с. - х. изд-во, 1931.

Практический определитель короедов главнейших древесных пород Европейской России (за исключением Крыма и Кавказа). – СПб., 1913.

Svensk Insektfauna. Coleoptera. Fam. Barkborran.
Scolytidae. Uppsala, 1925.

Пыляев М. И. Старый Петербург. - СПб: Изд-во А. С. Суворина, 1889.